

СМЕНА

сентябрь 9 05

24 Сложная загадка Императора

170 Шаровая молния: что это?

34 Можно ли выкрасть "Сатану"?

Салоники

стр. 4-11

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

9

2005
сентябрь (1691)

главный редактор

Михаил Низилов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башинцев Максим
Вартанян Галина
Исмагилова Олеся
Капинина Людмила
Ким Александр
Молчанова Надежда
Подольяк Кирилл
Подорванова Светлана
Силанова Марина
Фоминова Светлана
Чейшвили Владимир

Сдано в набор 15.07.2005.
Подписано к печати 19.08.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 11835
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2005.

сентябрь '2005

наследие веков

Игорь Опарин
4 **Салоники**

Софья Пискун
12 **Помпео**
Джироламо Батони

издалека

Любовь Русева
24 **Первый император**

остросюжетный роман

Юрий Шубин
34 **Фактор возмездия**

ПОЭЗИЯ

Ирина Путьева
88 **Стихи**

▼ стр. 136

стр. 170 ►

стр. 176 ►

стр. 152 ►

зарубежный рассказ

Дин Нунц

90 Руки Олли

криминал

Екатерина Пиманова

102 А у нас в квартире — газ...

повесть

Альберт Лиханов

106 Те, кто до нас

◀ стр. 12

▼ стр. 134

молодой бульвар

Севиль Гусейнова

134 Когда кончается лето

Анастасия Гнединская

136 С доставкой к дому

Анжелика Подольяк

139 Дела деревянные

Денис Логинов

142 Тяжелые дни

"Партии Тишны"

Екатерина Постникова

145 На войне как на войне

Стрелы Амура

149 Любовь на расстоянии

Елена Воробьева

152 Завоевать тебя,

зритель!

Ник Сигарищенко

158 Телеоборзнение

Ольга Быстрых

164 Рок'овая любовь

Кирилл Сорокин

170 Маленькая,

круглая и светится

Максим Башкеев

172 Игрушки для

взрослых

Алла Пустынова

176 Что подготовила

осень?

Евгения Гордиенко

182 Пирог от статуи

Свободы

Юрий Шубин

ФАКТОР ВОЗМЕЗДИЯ

Вот и оно — самое главное зрелище! Межконтинентальная баллистическая ракета, застывшая на старте! Гигантская сигара трех метров в диаметре, заключенная в транспортно-пусковой контейнер, возвышалась, как страшное изваяние, таящее невиданную опасность для всего живого. Не зря американцы называли ее прообраз "Satan", значит — "Сатана". Может, тоже чувствовали некую метафизическую связь...

Мраморная арка, найденная на территории римского дворца.

САЛОНИКИ

Салоники (Фессалоники, как называют его греки) — город с долгой и полной драматических событий историей, сыгравший огромную роль в истории христианства и православной культуры — ведь именно в этом городе родились создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий, здесь правил доблестный воин, покровитель русских армий Дмитрий, получивший имя Солунского (славяне называли Салоники Солунью) и причисленный к сонму святых мучеников.

На берегах Терийского залива люди поселились давно — еще в эпоху неоли-

та. Постепенно эти поселения росли, чему способствовали близость моря, благоприятный климат и плодородные земли. Эти территории вошли в состав Македонии, и вскоре македонский царь Кассандр основал здесь город, назвав его в честь своей супруги Фессалоники, сводной сестры Александра Македонского. В 338 году до н.э. македонский царь Филипп II, разгромив греков при Херонее, подчинил Грецию Македонии. Другой македонский царь, прославивший Македонию и получивший имя Великий, создал огромную империю — от Индии на востоке до Египта на юге. Но в 323 году до н.э. Александр умер в Вави-

лоне, и постепенно его империя стала распадаться. В 168 году до н.э. состоялось сражение при Пидне, на поле боя встретились армии римлян и последнего македонского царя Персея. Римляне одержали победу, и Фессалоники вошли во владения Рима. Похоже, что македонцам под властью римских императоров жилось не очень хорошо, и в 145 году до н.э. в городе вспыхнуло восстание под управлением гражданина Салоник Андриска, нещадно подавленное

римскими легионерами. Рим прекрасно понимал преимущества расположения города и вполне использовал их — вскоре Салоники превращаются в столицу обширной римской провинции. Город быстро развивается, и в 58 году до н.э., когда сюда в ссылку (за критику политики Цезаря и ограничения прав сената — и в те времена власть имущие не терпели критику в свой адрес!) попал выдающийся римский политик, оратор и философ Марк Туллий Цицерон, в горо-

Панорама города с крепостной стены IV века.

Триумфальная арка Галерия.

де уже было не только множество роскошных дворцов и храмов, но и лавок, рынков, театров...

В 49-52 годах Салоники с проповедью христианства посетил апостол Павел. Он основал в городе христианскую церковь, вокруг него объединились почитатели новой религии. Проповеди Павла произвели на горожан такое сильное впечатление, что они стали ждать второго пришествия Христа чуть ли не завтра. А тут еще появились письма, якобы составленные Павлом, в которых говорилось, что Христос вот-вот появится на Земле. И, конечно же, сыграли роль особо впечатлительные, а порой просто душевнобольные люди — на всех площадях кинулись пророчествовать эти лжепророки. Бедным фессалоникийцам ничего не оставалось, как бросить работу и усесться ждать Мессию. Павлу в этой ситуации пришлось послать горожанам два письма — "Послания к Фессалоникийцам", в которых он разъяснил людям, что не стоит

оставлять работу и забывать о своих заботах, ведь "если кто не хочет трудиться, тот и не ешь". Эти письма стали самыми ранними литературными источниками христианства.

В 293 году императором Рима становится Галерий. Около 300 года, решив иметь в Салониках резиденцию, он строит в городе целый комплекс зданий, который включает в себя величественный дворец, Октагон (его внутренние помещения предназначались для тронных залов и были украшены разноцветным мрамором), триумфальную арку, вошедшую в историю города как арка Галерия, знаменитую Ротонду и ипподром. Триумфальная арка была воздвигнута незадолго до 305 года, после окончательного разгрома персидских войск. Она прекрасно сохранилась, и сейчас можно видеть потрясающие барельефы, украшающие ее стены и прославляющие военные подвиги Галерия. Тут и сам Галерий, и Диоклитиан, приносящий богам в честь победы благодарственную

Галерий верхом на коне. Деталь арки.

жертву. На жертвенном алтаре — изображение Зевса и Геракла, покровителей императоров. Рядом с ними — аллегорические женские фигуры, символизирующие Мир, Вселенную, Согласие и Процветание. На другом барельефе — жители Армении и Месопотамии, покоренные Галерием, и конечно же, крылатые богини Победы Ники. Среди сохранившихся памятников, воздвигнутых Галерием — знаменитая Ротонда, первый круглый храм, построенный в Европе. По одной из версий, Ротонда должна была стать мавзолеем Галерия, по другой — храмом Зевса. Нижняя часть стен была декорирована цветным мрамором, а верхняя украшена мозаикой. (У этого уникального сооружения оказалась долгая и трудная судьба. Около 400 года Ротонда стала христианской церковью, в 1590 — мечетью, а ныне — это музей христианского искусства.) В годы правления Галерия в Салониках разыгралась страшная трагедия, связанная с правителем Салоник Дмитрием, вошедшим в

историю под именем Дмитрия Солунского. А дело было так.

Галерий и его соправитель Август Диоклетиан решили искоренить эту гнусную ересь — христианство, и подвергли христианские общины беспощадной травле. Гонения на приверженцев новой религии начались по всей Римской империи.

И даже такой могущественный человек, как римский проконсул в Фессалониках, был вынужден скрывать свою веру в Христа. В тайной домовый церкви проконсул и его жена обращались с молитвами к Всевышнему, там же они крестили и своего сына Дмитрия. Мальчик получил прекрасное образование и навыки управления, с юных лет наблюдая за тем, как трудится на благо народа отец. И когда тот умер, Галерий, удивившись в том, что юноша обладает глубокими знаниями и способностями управлять, назначил новым фессалоникским проконсулом Дмитрия. И поставил перед ним важную задачу — оборонять

город от набегов варваров и истреблять христианство как чуму. "Предавай смерти каждого, кто призывает имя Распятого!" — велели молодому правителю. Император и не подозревал, что Дмитрий с самого детства в своей домово́й церкви молится этому Распятому. Получив власть в городе, Дмитрий, наоборот, стал открыто прославлять Христа и устал жителей христианской вере. Император, узнав о том, что Дмитрий, вместо того, чтобы беспощадно искоренять христианство, обращает в эту веру своих подданных, пришел в ярость и пошел с армией на Фессалоники. Дмитрию, ко-

нечно, тут же донесли о планах императора, и тогда он, раздав все свое имущество нищим, предался посту и молитве. Войдя в город, Галерий бросил в темницу Дмитрия и стал проводить время, упиваясь зрелищем гладиаторских боев — он получал истинное наслаждение, видя, как его любимый силач германец Лий зверски расправлялся с воинами-христианами. И тогда в камеру к Дмитрию проник юноша-христианин Нестор и попросил благословения перед боем с Лием. И Дмитрий дал ему благословение, и Нестор победил кровожадного германца. Придя в ярость при виде поверженного Лия, Галерий приказал казнить Нестора, что и было тут же исполнено послушными легионерами, а также пронзить копьями благословившего юношу на подвиг Дмитрия. На следующее утро, 28 октября 306 года, в темницу Дмитрия ворвались воины Галерия и убили фессалоникского проконсула. Так закончилась жизнь Дмитрия.

Тело мученика бросили на съедение диким зверям, но фессалоникским жителям удалось предать его земле. Прошло время, и при правлении Константина, принявшего христианство, над могилой возвели маленькую церковь. Позже правитель Салоник Леонтий, излечившись чудесным образом (он свято верил, что это Дмитрий его исцелил) от паралича, построил на этом месте большой храм, который сгорел в начале VII века. Но храм быстро восстановили и украсили прекрасными мозаиками и колоннами. После завоевания Салоник турками в 1430 году поначалу он был оставлен христианам и стал мечетью позже, лет через шестьдесят. А возносить молитвы Христу здесь стали уже только в 1912 году, когда Салоники вновь вошли в состав Греции. Вскоре начались реставрационные работы, и официально собор был вновь открыт в 1948 году. А Дмитрий Солунский стал одним из самых популярных христианских мучеников, особенно любимых и почитаемых на Руси. Русские воины всегда верили,

что им покровительствует этот святой, которого считали славянином, и иногда даже просто своим, русским. Ему строили храмы, ему посвящали монастыри. Один из красивейших храмов древней Руси — Дмитриевский собор во Владимире, а икона Дмитрия Солунского из этого храма ныне хранится в Третьяковской галерее. Но вернемся в Салоники, в начало первого тысячелетия.

Салоники приобретают все большее значение, вот уже город становится вторым по значению после совсем недавно родившегося Константинополя. Константин I велит построить тут порт, а Феодосий I — мощные оборонительные сооружения. Феодосий очень любил Салоники и частенько проводил здесь время. При этом салоникиец он не любил и назначал на все ответственные и сулившие хорошие деньги должности готов, которым всячески покровительствовал. И в 392 году горожане подняли восстание против фаворитов императора, и восстание это было жестоко подавлено — несколько тысяч салоникицев зверски убили на городском ипподроме.

В средние века Салоники были вторым по значению, численности населения и напряженности духовной жизни городом Византии — после Константинополя. Здесь жили выдающиеся ученые, ораторы, философы, теологи, историки, художники. В Фессалониках родились — в семье богатого фессалоникского аристократа — и создатели славянской письменности Кирилл (827-869) и Мефодий (825-885). Юноши с детских лет обнаружили большие способности и умение работать. В те времена в окрестностях города жило много славян, и Кирилл (тогда его звали Константин) и Мефодий смогли выучить язык южных славян. А кроме того, как утверждают некоторые биографы просветителей, мать братьев была славянка и говорила с детьми на своем родном языке, что также помогло им в совершенстве овладеть славянским. После смерти отца Кирилл отправился в Константинополь

учиться, а его брат пошел по стопам отца и достиг положения архонта (правителя) в одной из приграничных византийских областей. Но потом решил уйти от мирских дел и поселился в монастыре, куда к нему приехал и Кирилл. Позже братьев-лингвистов, хорошо знавших языки, отправили с миссией в Моравию. Перед отъездом Кирилл, у которого, как говорили, был гениальный фонетический слух, разработал славянский алфавит и перевел Библию на славянский язык. Прошло время, и папа римский поддержал братьев, дав полное согласие на использование славянской письменности. Кирилл умер довольно рано — в 42 года, но его дело продолжил брат, который, несмотря на все козни священников, не желавших слышать славянский язык в храмах, защищал право славян молиться Богу на родном языке. А после его смерти их дело поддержали последователи и ученики. Так родился один из самых красивых и выразительных языков мира, а началось все в Фессалониках...

Как и Константинополь, Салоники не раз подвергался набегам, и среди врагов кого только не было — сербы, арабы, венецианцы, персы, готы. Его спасали мощные стены и мужество жителей, не жалевших сил для спасения родного города. В 904 году город был захвачен и разграблен сарацинами. Уходя, они погрузили на свои корабли не только золото и другие ценности, но и более 20 тысяч салоникийцев, которых впоследствии продали в рабство на невольничьих рынках восточных стран. В 1185 году Салоники стали жертвой нормандцев. Они задержались в городе на год, и им вполне хватило времени вывезти все то, что еще осталось после сарацин. Как и турки, они разграбили город и весьма безжалостно повели себя с местным населением.

А потом в 1204 году распалась Византия, и с тех пор власть в Салониках стала меняться почти со сменой поколения — сначала город подпал под власть

франкского короля, затем снова стал греческим, войдя в греческую Никейскую империю.

В первой половине XIV века Салоники потрясли религиозные конфликты. Все началось со споров, разгоревшихся между монахами Афона и Салоник, проповедовавших исихазм — строгое подвижничество, окрашенное мистическими настроениями, и приверженцами Варлаама Калабрийца, священника, прибывшего в Салоники из Италии и впитавшего в себя ценности античности с ее свободолобием и жизнелюбием. Сейчас уже трудно понять, в чем же состояла суть разногласий святых отцов, но тогда исход их дискуссий казался необыкновенно важным и определяющим судьбы и веру целых народов. Варлаама поддерживали миряне. Зато на стороне исихастов был священник Григорий Палама, выдающийся фессалоникский теолог, сочетавший исполнение обязанностей пресвитера с жизнью отшельника, и на его сторону встал сам император Иоанн. Постепенно религиозный конфликт перешел в социальный — конфликт между демократическими силами, зилотами, и защитниками прав аристократического класса, исихастами. Поначалу победу одержали зилоты, в течение нескольких лет они определяли жизнь в городе, пытались провести необходимые общественные реформы. Но в 1349 году в дело вмешался император, и зилоты потерпели сокрушительное поражение — их осудили как преступников и нарушителей спокойствия. Учение Варлаама признали ересью, а самого его предали анафеме. Зато Григория Паламу стали почитать как святителя и возвели в сан архиепископа Солунского. В 1354 году его призвали в Константинополь для решения споров между двумя императорами — Иоанном Палеологом и Иоанном Кантакузином — таким высоким авторитетом обладал этот человек. В пути он вместе со своей свитой попал в плен к туркам, захватившим галеру, на которой они плыли. Ему пришлось изведать все тяготы

басурманского плена, но и в мире ислама его признавали как выдающегося мыслителя: не раз святителя призывали к себе и наслаждались ученой беседой с ним высшие лица Османской империи — принц Измаил, эмир Орхан и другие. Григорий провел в плену год, а затем его выкупили сербы, после чего он благополучно вернулся в Салоники и написал труд об исламе, где назвал турок самым варварским племенем. Григорий Палама скончался 14 ноября 1359 года, оставшись в истории христианства и в истории Салоник, где благодарные последователи построили храм в его память.

В 1423 году византийский правитель Андроникос Палеолог, опасаясь, что он не в состоянии защитить город от турок, передал его венецианцам. Но это решение лишь отсрочило падение в руки мусульман, и в 1430 году город был захвачен турками. Они, понимая, что вокруг не дремлют враги, мечтающие получить в свои руки этот город, укрепили старые стены и возвели новые. Наверное, тогда и была построена Белая Башня, ставшая ныне символом Салоник. Вначале ее называли Львиная Башня, крепость Каламара. А в XIX веке — Кровавой. Она использовалась как тюрьма, и творились здесь страшные вещи — турки никогда не отличались милосердием. Свое нынешнее имя башня получила в 1890 году, когда один из заключенных выкрасил всю ее в белый цвет, получив за это деяние долгожданную свободу.

В 1492 году в город пришли 20 тысяч евреев, бежавших из Испании (там католические короли Изабелла и Филипп изгнали мавров и организовали гонения на евреев, прекрасно чувствовавших себя при дворах мавританских правителей). Позже сюда прибыли и евреи из Португалии. Население города резко увеличилось. Евреи строили свои синагоги, которые называли по имени провинций, из которых они бежали — Кастилия, Арагон, издавали свои газеты — на ладино, языке испанских евреев. Эти люди, испытавшие столько несчастий и

гонений, работающие, умелые, стали играть огромную роль в жизни города, и даже порт, шумный фессалоникский порт, закрывался на шабат и еврейские праздники. Постепенно Салоники превращались в большой космополитический город, в котором довольно мирно уживались и мусульмане, и христиане, и иудеи. Но власть принадлежала туркам, и старые христианские церкви были превращены в мусульманские мечети. Однако жизнь не стоит на месте, а совсем рядом, в европейской странах, все бурлило — новые идеи, вожди, революции, технологии, новое искусство... Все это доносилось и до турецких Салоник. В конце XIX — начале XX веков здесь появляется новая архитектура, газовое, а потом электрическое освещение улиц, трамваи, телефоны. Проникают сюда и прогрессивные социальные теории, и не случайно, что движение младотурок, полностью изменившее всю, казалось бы, навеки устоявшуюся жизнь османской ортодоксальной Турции, рождалось здесь, в Салониках.

В 1912 году Болгария, Сербия, Греция и Черногория, поддержанные Россией, объединились в Балканский союз и начали войну против Османской империи. После успешных действий греческой армии в 1913 году Салоники вновь стали греческим городом.

Прошло всего двадцать шесть лет, и началась Вторая мировая война, принесшая Салоникам горе и разрушения. 9 апреля 1941 года нацисты вошли в город. 150 тысяч жителей города — греков и турок — были расстреляны, но еще более страшные цифры жертв среди еврейского населения — более 40 тысяч человек нашли смерть в Освенциме и Биргенау. Из евреев Салоник выжило всего 1950 человек! Нацисты нападали не только на живых, но и на мертвых — грабили могилы, разрушали кладбища, используя надгробные плиты для строительных работ.

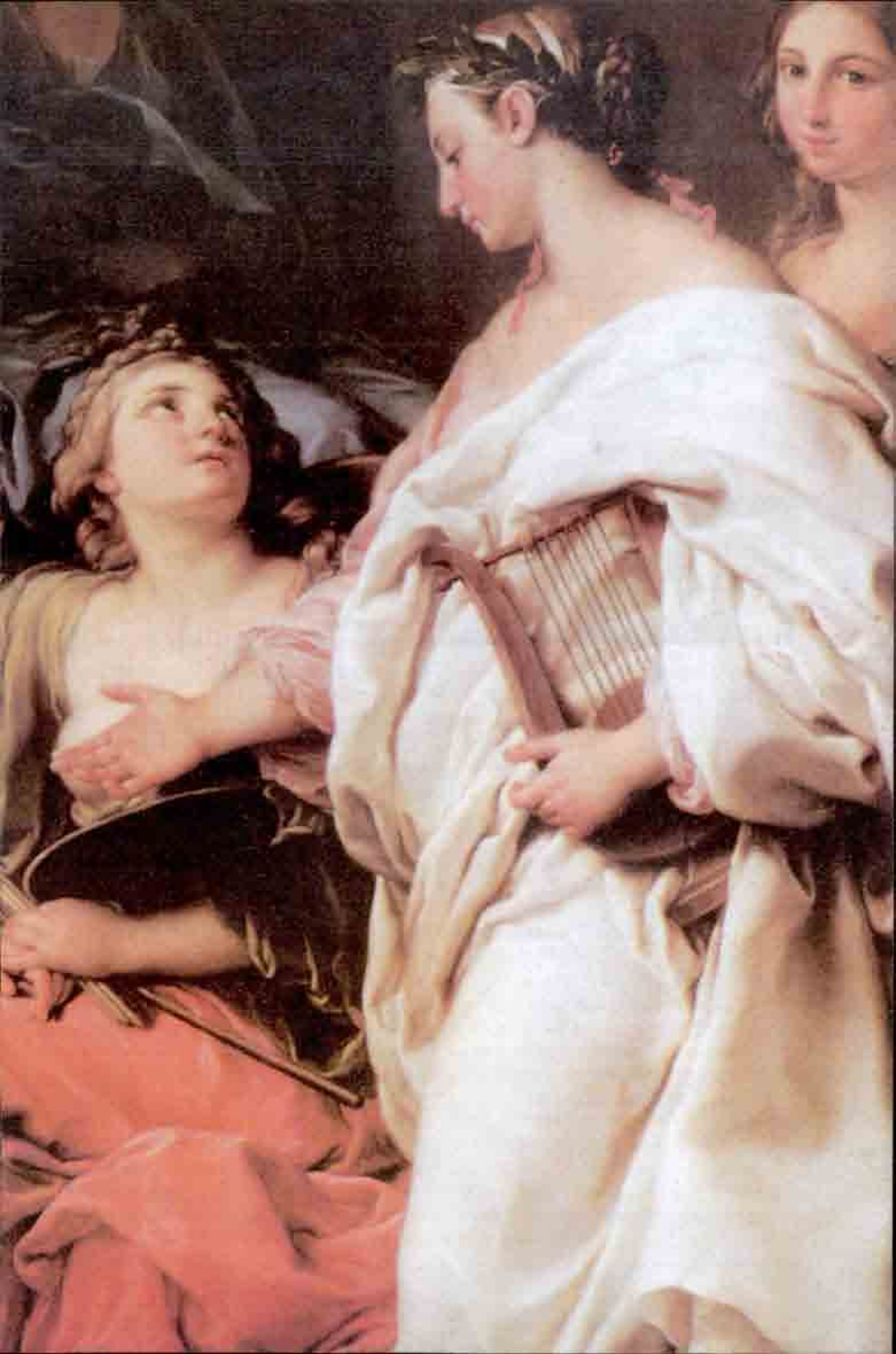
А когда кончилась эта страшная война, и страну, и Салоники захлестнули

волны войны гражданской. Город потрясли политические убийства — погибли заместитель начальника Службы безопасности Куфицас, лидер Коммунистической партии Зевгос, американский журналист Джордж Полк. Никак эта земля не могла обрести покой. Однако город постепенно приходил в себя, и снова здесь рождались дети, создавались произведения искусства, писались книги. И ныне Салоники превратились по истине в культурную столицу Балкан, в город, где в университете учатся более 60 тысяч студентов, где работают и живут замечательные художники, композиторы, ученые, где работает Хелэкспо — огромный международный выставочный комплекс, где открыты множество театров, библиотек, галерей и музеев, среди которых Археологический музей с уникальной коллекцией античного македонского золота, Музей Византийской культуры с потрясающими иконами и фресками имеют мировое значение. И недаром в 1997 году Салоники провозглашены культурной столицей Европы.

Более двадцати двух веков существует этот город. Тут каждый камень дышит историей. И сидя в уютном ресторанчике, каких здесь множество, наслаждаясь прелестями греческой кухни и потягивая знаменитый греческий напиток узо, так легко представить себе бредущего по салоникским улицам и Цицерона, и апостола Павла в окружении преданных учеников, и Галерея-победителя среди его легионеров, и мученика Дмитрия, отдавшего жизнь за святую веру, и бесстрашных, преданных Аллаху сарацинов, скачущих на своих быстрых скакунах, и безжалостных нацистов, умевших наслаждаться музыкой Вагнера и убивать в масштабах, и не снискивших тиранам Древнего мира... Все они остались в истории древних Фессалоник, остались в памяти не только его жителей, но и в памяти народов, живших и живущих вдали от этого удивительного города...

Помпео Джироламо Батони

Ему отдавали "пальму первенства" среди художников Рима не только его современники, но и авторы, упоминавшие о нём в своих работах в XIX веке. Известный историк искусства Луиджи Ланци, современник Батони, считал его "реставратором римской живописи" и высоко ценил живописные качества его произведений. Другой итальянский историк искусства Онофрио Бони подчеркнул, что Батони удавалось "сочетать в своей манере строгий классицизм и лёгкую грацию рококо", и особенно выделил талант Батони-портретиста, он писал, что "если Александр Великий хотел иметь портрет кисти Апеллеса, то портрет работы Батони мечтали иметь все королевские особы, жившие в Риме". Его имя стало синонимом художественной жизни Вечного города в век Просвещения, подобно, как имя Джованни Баттиста Тьеполо — олицетворением культуры Венеции.

Помпео Батони родился 25 января 1708 года в городе Лукка, в Италии.

Первые художественные навыки он получил у своего отца, золотых дел мастера (и возможно, именно уроки отца способствовали утончённости и изяществу форм в будущих его произведениях). Будучи уже двадцатилетним юношей он переезжает в Рим и остаётся здесь до конца своей жизни. На короткое время он становится учеником Себастьяно Конка, Франческо Имперали и Агостино Мазуччи. В мастерской Мазуччи он пробыл до 1730 года. Затем он самостоятельно изучает искусство, посещает музеи Рима, бесконечно зарисовывает античные статуи, пристально изучает и копирует Рафаэля и Аннибале Каррачи. С большим трудолюбием и любовью он делает рисунки, создаёт множество зарисовок, которые стали для него впоследствии хорошей школой. Некоторые копии с картин и рисунков Рафаэля он продаёт, зарабатывая, таким образом, себе на жизнь. Уже к этому времени появляются первые самостоятельные произведения Батони и намечается его стиль.

Надо сказать, что судьба Батони складывалась удачно, успех сопутствовал ему в Риме. Рим по-прежнему оставался крупнейшим центром художественной жизни Италии, возможно, в силу присутствия там папского двора. Церковь, римская знать, иностранные послы, туристы являлись основными заказчиками художественного рынка. Сама же Италия в это время была раздробленной и слабой страной. Она представляла собой десять совершенно не зависимых друг от друга владений: две республики, Папское владение, остальные семь — герцогства и королевства, где управление шло достаточно вяло, народ большей частью оставался равнодушен к своим правителям и находился в бедственном положении. Но, несмотря на раздробленность и приниженность страны, Рим XVIII века, в период жизни Батони, считался крупным культурным центром мира, из которого черпали своё вдохновение мастера всех европейских школ. Батони был одним из этих мастеров. Он пытался сочетать старые традиции с новыми веяниями, но делал это так искусно и проявлял

при этом такое мастерство, что многие старались подражать ему. Тогда же в Риме начинает проявляться живой интерес к археологии, который охватил всю Италию, начиная с Тосканы и Эмилии, а затем и всю Европу. Рим продолжал быть "Вечным городом" и снова становится местом обязательного паломничества художников, облюбовавших, как и в другие времена, район площади Испании.

Вот что писал великий Гёте об Италии: "Кто хорошо видел Италию, и особенно Рим, тот никогда больше не будет совсем несчастным". А в своей первой римской элегии Гёте воскликнул: "О Рим, ты целый мир...". И действительно, Рим и сегодня античный, христианский, средневековый, Рим Возрождения, Рим барокко.

В 1730-1740-е годы, когда Батони только начинал свое творчество, в Риме уже сложилась своя определённая художественная среда, свой стиль, неоклассицизм, впитавший в себя традиции античности, эпохи Возрождения и классицизма. Многие историки искусства писали о Батони как о большом мастере неоклассицизма. Так, например, теоретик неоклассицизма француз Антуан де Кенс писал в своих воспоминаниях: "Кроме Вольпато и Пиранези в гравюре, Менгса и Батони в живописи, в Риме нет ничего интересного". Сам же Антон Менгс, пользующийся необыкновенным авторитетом среди художников Рима, писал о Батони: "Он был хорошим художником плохой эпохи".

В 1730-е годы молодой Помпео Батони, как и его современники — неаполитанец Себастьяно Конка, венецианец Франческо Тревизини и другие попадают под влияние живописца Карло Маратти. Друг Маратти, известный теоретик искусства Джованни Беллори с восторгом пишет о нём в своей книге, как исполнителе его идеи "об идеально-прекрасном". И Батони, работая среди сторонников стиля Маратти создаёт свои первые произведения на религиозные темы — "Мадонна с Младенцем, тремя ангелами и четырьмя святыми", "Христос во славе с четырьмя святыми". Увлечение Рафаэлем, Корреджо, болонскими мастерами XVII века, Маратти и его последователями, оказывали огромное влияние на манеру письма молодого Батони, но он также легко был восприимчив и к новым временам. Такой интерес проявляли и многие другие мастера живописи, работающие в Риме, но каждый из них по-своему передавал церковную живопись барокко, одновременно всё более вдохновляясь светским духом культуры нового века.

В ранних работах Батони "Святое семейство" и "Мадонна" особенно проявляются влияния манеры Бенедетто Лути и Рафаэля, это мягкость перехода светотеней, сентиментальность настроения образов. Но персонажи Батони отличаются лишь лёгкой меланхолией и томностью, но ни в коем случае слащавостью, как это было присуще произведениям, написанным художником Франческо Тревизини, который, между прочим, имел большой успех в Риме у французских и английских живописцев. В 1730-1740-е годы Батони в своих произведениях обращается к манере так называемого "возвышенного исполнения", которая охватила тогда многих художников. И Онофрио Бони, биограф Батони, напишет: "Батони встал на путь возвышенного исполнения, который привёл к созданию великих произведений". Он считал, что картины, написанные на сюжет "Святого семейства", к которому Батони обращался на протяжении всей жизни, "это подлинные Рафаэль и античность". Бони восхвалял и рисунки Батони: "Они исполнены с такой чистотой, что лучшего трудно и желать".

В 1737 году по заказу венецианского посла в Риме Марко Фоскарини молодой Батони написал картину "Триумф Венеции". Это — аллегорическое произведение, где одновременно присутствуют мотивы легенды, истории и современности. Батони изобразил на фоне большого канала и Дворца дождей восседающую на троне-раковине аллегорическую фигуру Венеции и дожа Лоредана в окружении исторических и аллегорических персонажей. Эту тему он заимствовал из фрески Рафаэля "Афин-

ская школа", где главной идеей сюжета было прославление величия человеческого разума, а изображение большого количества фигур исполнено в духе Маратти. Художественные критики того времени ценили в творчестве живописцев два позитивных качества — это подражание искусству античности и искусству Рафаэля, но ни в коем случае не копирование. Для Батони античность стала основным источником вдохновения, но в его полотнах, ещё барочных по сюжету аллегориях, где противопоставляются юность и старость, бедность и богатство, основным мотивом является всё-таки рассудочность, а не пафос, характерный для античности. Это, например, "Время, разрушающее красоту" или

"Сладострастие", где изображены аллегорические фигуры Сладострастия, Бедности и Богатства. Этим фигурам имеются прототипы в античной пластике.

Светский дух новой эпохи, идея просветительской мысли вдохновляли многих художников Рима, и, естественно, они нашли своё отражение у Батони в его произведениях: "Аллегория трёх искусств", "Архитектура, Живопись, Скульптура". В них уже отсутствует пафос аксессуаров, присущий античности, ощущается ясность композиции, отсутствует динамика в позах фигур. Художник свободно мыслит, фантазирует, что стало возможно в век Просвещения. Одновременно он пишет картины и на мифологические темы. Так в 1745 году появляется одна из характерных его работ "Геракл на распутье между Добродетелью и Пороком". Как художник просветительской мысли Батони хотел выразить в этой картине гражданские идеалы своей эпохи. Батони изобразил Геракла, находящегося в глубоком раздумье, выбирающего между долгом, представленным в образе мужественной Афины, и наслаждением, воплощённым в образе Афродиты. Сцена изображена на фоне пейзажа с виднеющимися вдали контурами античного храма. В том же году он пишет другую картину на мифологический сюжет: "Ахилл среди дочерей Ликомеда". Ахилл — один из главных греческих героев Троянской войны, описанный в Илиаде Гомером. По предсказанию прорицателя Калханта, благодаря Ахиллу греки овладевают Троей, но сам герой погибает. Художник в своей картине не показал историческое содержание сюжета, а показал идеал прекрасной живописи.

Батони один из первых среди римских художников написал картину на тему "оплакивания", используя этот мотив с рельефа античного саркофага. Это картина "Аталанта, оплакивающая Мелеагра". Потом его повторяли в своих произведениях многие художники, в частности, Жак Луи Давид, Антонио Канова.

Между тем, продолжавшиеся в это время раскопки городов Геркуланума и Помпеи буквально приводили в восторг любителей древности, возбуждали страсти коллекционеров, среди которых были папы Клемент XIII, Пий VI, Клемент XIV. Надо отметить, что в период творческой деятельности Батони Рим при содействии пап Клемент XII и Пия VI достиг определённого расцвета; расширялись старые музеи и строились новые, музеи пополнялись находками и приобретениями из частных коллекций. В самом же Ватикане не прекращалось строительство новых построек в стиле барокко. Одновременно возводились здания в стиле неоклассицизма, к примеру, вилла кардинала Алессандро Альбани, в

Святое Семейство. 1777.

которой в 1761 году Батони по приглашению Менгса примет участие в её росписи. Кроме того, перedelывались фасады некоторых церквей, строились новые палатцы.

Мастерская Батони, а позднее и созданная им Академия, расположенная на виа Бокка ди Леоне, станет одной из достопримечательностей Рима и центром, где встречалась римская элита. Академия Батони была самой престижной, и многие европейские художники считали за честь в ней учиться. О мастерской Батони писали авторы многих путеводителей по Риму, а европейские путешественники описывали её в своих книгах.

Несмотря на занятость, Батони, тем не менее, ведет светский образ жизни. Посещает спектакли во Французской академии, обосновавшейся в 1725 году во дворце Манчини, на Корсо, посещает Общество знатоков античности, бывает на светских приемах у кардинала Алессандро Альбани. К сожалению, почти нет никаких сведений о его личной жизни. Известно лишь, что он любил музыку и считался одним из известных меломанов в Риме. Он довольно часто в своих произведениях использовал сюжеты полюбившихся ему сцен из оперных спектаклей. Так написал в 1747 го-

ду картину "Эней, покидающий Дидону" на сюжет поэмы Вергилия "Энеида" из оперы "Покинутая Дидона".

К 1755 году Батони заканчивает работу алтарного фриза "Падение Симона Мага" самого прославленного его произведения, начатого почти 10 лет назад. С этого времени его имя становится известным, он пользуется особым покровительством пап как крупнейший живописец и получает заказы на картины. Надо сказать, что годы 1750-1760 оказались наиболее яркими для возрождаемого "большого стиля" неоклассицизма. Вкус к классике приобретал всё больший размах. Теоретики нового

Стигматизация Святой Екатерины. 1743.

стиля Франческо Милиция и другие критиковали стиль барокко и рококо. Художник и теоретик искусства Менгс писал о Батони, что у него изменилось отношение к античности, оно превратилось в "способ видения не только красоты, но и всего доступного чувственному созерцанию мира". В это время Батони пишет "Милосердие и Справедливость", "Истина и Милосердие" и считает, как и Менгс, что произведения искусства "должны учить доблести и волнению сердца".

В его сюжетах на религиозные темы всё больше отражаются современные мотивы. В картине "Бenedикт XVI вручает в 1756 году энциклику "Ex Omnibus" герцогу де Шуазелю" он запечатлел на фоне античного сюжета важный исторический момент из жизни папства и всего Рима.

В эти же годы Батони пишет много портретов, в основном, знатных лиц, стараясь раскрыть их характер. В творчестве Батони портрет играл большую роль, он начал писать их ещё в 1740-е годы, а к 1750-1760 годам Батони стал самым прославленным портретистом Рима, Менгс считал его главным своим соперником.

Следует отметить, что именно Менгс, с которым Батони в эти годы сблизился, сыграл огромную роль в раскрытии его таланта в портретном жанре.

Батони старается соединить в портретах черты барочной парадной композиции с элементами "нового классического стиля". В некоторых его работах — "Портрет герцога Карла Брауншвейгского" или "Портрет графа Вюртембергского" — чувствуется влияние французских мастеров, с которыми он общался, будучи другом Жана Франсуа де Труа, президента Французской академии в Риме.

Под их влиянием он стал писать портреты, представляя заказчиков в мифологических образах или пасторальных персонажах (например, "Дама из семейства Мильтаун в виде пастушки").

Иногда он изображал свои модели на фоне пейзажа, следуя традиции английских мастеров, в общество которых в Риме, как и в среду английских заказчиков и коллекционеров, его ввёл Франческо Имперали, его бывший учитель.

В 1760-1770 годы Батони пишет портреты английских милордов и аристократов, которые сами диктовали необходимый антураж и позы. Он изображал их то в костюмах героев Рубенса, то Ван Дейка. Молодых знатных англичан Батони часто писал на фоне замка Святого Ангела и собора святого Петра или на фоне одной и той же статуи, например, статуи Ареса (греческого бога войны) или же нескольких статуй из собрания кардинала Альбани на его вилле. Так он живописно написал портрет эlegantного англичанина Джона Степлза, совершавшего турне по Италии. Он исполнил его на фоне пейзажа и античной статуи Ареса.

В его портретах всегда ощущается атмосфера величия классического наследия Рима. И это созвучно со словами Гёте: "...вне Рима нет идеи того, что посещает здесь". Подобные портреты писали ещё и до него художники Франческо Тревизани и Агостино Мазуччи.

Известность Батони-портретиста с годами всё больше возрастала, и об этом свидетельствует тот факт, что если в 1760-е годы за портрет в полный рост он получал 100 скуди, то в 1770-е — уже 200, что соответствовало безбедному годовому проживанию в Риме. Надо сказать, что Батони своими портретами английских аристократов затмил славу работавших тогда в Риме молодых мастеров Стефано Тоффанелли и Антонио Кавалуччи.

Работая над портретами, Батони в 1770-е годы пишет и небольшие алтарные образы для церкви Иль Джезу на излюбленный католический сюжет о святом сердце Иисуса — "Святое сердце Иисуса", "Мадонна с младенцем и святым сердцем" и другие. Эти образы Батони создавал в поддержку иезуитов, в то время как политической папы их сила была ослаблена.

Жертвоприношение Ифигинии. 1740-1742.

Когда при папе Пие VI, в 1780 году, к иезуитам изменилось отношение в лучшую сторону и возвратились прежние права, Батони получает заказ от королевы Португалии написать картину с повторением сюжета о святом сердце Иисуса для базилики Эстрела в Лиссабоне. В 1781 году папа сам лично посетил мастерскую художника и одобрил эскизы будущих полотен "Явление святого сердца Иисуса" и "Явление святой Терезы королеве Марии". Первую картину художник написал в духе прославления португальской монархии. Он изобразил святое сердце Иисуса в окружении множества ангелов. Аллегорические фигуры Милосердия с детьми олицетворяли как бы четыре части света, а папа Пий VI указывал на святое сердце Иисуса, воспевая Его святость. Современная история и аллегория в этом произведении трактовалась в духе нового времени.

Батони продолжал писать произведения на исторические темы, но, в отличие от многих мастеров, когда неоклассицизм начал приобретать уже канонические формы, он старался найти свой выход. Например, в картине "Клеопатра демонстрирует Августу бюст Цезаря" (сюжет из сочинения римского историка Тита Ливия) художника волнует больше тема личной судьбы, страсти главных героев как конкретный факт из истории, а не моральный долг или политические события. И вообще он старается воспринимать классику более свободно, руководствуясь лишь личными чувствами, а не программными трактовками теоретиков искусства, при этом оставаясь верным старым традициям.

В 80-е годы Батони продолжал создавать произведения на библейские мотивы. "Агарь в пустыне" — одно из них. Интересен сюжет этой картины. Согласно ветхозаветному преданию, египтянка, рабыня Агарь, которую приводит в дом бездетная жена Авраама, родила им сына. Когда Агарь ожидала ребёнка,

она возгордилась, за что ее изгнали из дома. Но по велению ангела все же возвратилась в дом Авраама. На картине ангел указывает Агарь дорогу к источнику спасения. В этой картине художник свободно импровизирует, и Агарь выглядит вовсе не рабыней, а светской дамой XVIII века. Батони по складу своего характера любил фантазировать, свободно писать. В картине на сюжет из поэмы "Илиада" Гомера, где описывается момент, когда Фетида отдаёт кентавру Хирону своего сына Ахиллеса, Батони неожиданно выбирает свой вариант повествования, когда мать забирает своего сына, и называет картину "Фетида забирает Ахилла у кентавра Хирона". Эту картину он писал для русской императрицы Екатерины II. Она заказала ее Батони в 1768 году через графа И. И. Шувалова, выполнявшего тогда миссию культурных связей Италии с Россией. Миф о юном греческом герое оказался созвучен воспитанию наследника Павла, когда ему было 14 лет. Художник хотел через этот сюжет как бы прославить материнские чувства императрицы.

В то время русские коллекционеры посещали мастерские самых известных художников, среди которых была и мастерская Батони.

По заказу знатных людей России Батони пишет много портретов: графа Кирилла Разумовского, князя Александра Куракина, княгини Оболенской... Живописный портрет графа Разумовского принёс художнику большой успех.

При Екатерине II коллекционирование живописи стало не только важной частью культурных связей России и Европы, но и частью её внешней политики.

Среди известных русских коллекционеров самым значительным считался князь Юсупов. Он был одной из влиятельных фигур по культурным связям России с Европой. Среди его коллекций имеются и работы Батони. Он заказал у художника портреты великого князя Павла Петровича и Марии Фёдоровны. В свою очередь, великая княгиня Мария Фёдоровна купила у Батони копию, написанную им с картины Корреджо "Мария Магдалина". Для подарка императрице-матери молодая чета приобрела у Батони знаменитое его произведение "Святое семейство".

Надо отметить, что Батони с трудом расставался со своими картинами, он даже любил прописывать поверхность уже законченных произведений. Вот что он сам говорил по этому поводу: "...обычно я наношу последние штрихи на свою картину, когда она уже помещена в раму... Мне кажется, что я что-то упустил в картине, и я продолжаю работу".

В последние годы своего творчества Батони продолжает писать портреты, но отдаёт предпочтение уже не официальным знатным вельможам, как это делал раньше, а людям своего круга, близких ему по духу, причём больше внимания обращал на их внутренний мир. Он создал целую галерею портретов представителей культуры Италии, людей века Просвещения, остро чувствующих ритм нового времени.

Один из его друзей аббат Онорато Газтани вспоминал: "Батони меня изобразил таковым, каков я есть, а Менгс — с лицом, отражающим мои писания".

Портреты Батони оказали огромное влияние на европейскую живопись последней четверти XVIII — начала XIX века, его по праву можно считать основателем итальянского классицизма. Ученики Батони, работавшие уже в XIX веке, с гордостью вспоминали о его "школе". Они выступали против принципов академизма, на которых строилось обучение в Академии Сан Лука и создавали в 1790-е годы в Риме свою "Академию размышляющих". Гёте отзывался о Батони не только как о талантливом художнике, но и как о художнике постоянно ищущем, свободно мыслящем, чувствующем новое время.

Батони прожил долго и умер на 80-м году жизни 14 февраля 1787 года. ■

Первый император

"Есть два способа царствовать: милосердием и щедростью, или суровостью и казнями. Я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его".

Лжедмитрий I

■ — Мне очень жаль вас, вы грубы, и нет в вас любви. Зачем вы заводите смуты? Бедная наша земля и так страдает. Что же вы хотите ее довести до конечного разорения? За что вы ищете меня погубить? В чем вы можете меня обвинить? — спрашиваю я вас. Вы говорите: я не истинный Димитрий! Обличите меня, и вы тогда вольны лишить меня жизни! Моя мать и бояре в том свидетели. Я жизнь свою ставил в опасность не ради своего возвышения, а затем, чтобы избавить народ, упавший в крайнюю нищету и неволю под гнетом гнусных изменников. Меня призвал к этому Божий перст. Могучая рука помогла мне овладеть тем, что принадлежит мне по праву. Говорите прямо, говорите свободно: за что вы меня не любите?

иллюстрация Геннадия Новожилова

От этих слов царя стрельцы упали на колени и залились слезами.

— Царь-государь, смилуйся, мы ничего не знаем. Покажи нам тех, что нас оговаривают.

Не страх говорил в стрельцах, они, как и все москвичи, искренно любили Дмитрия и не сомневались, что он сын царя Ивана. Поэтому, когда их созвали в Кремль, они действительно ничего не понимали. А дело было снова в Василии Шуйском. Полгода назад его уличили в подстрекательстве и распускании слухов о самозванстве царя. Тогда его с братьями судил соборный суд, на котором выступил сам Дмитрий. Блестящий и умный оратор изобличил в клевете врагов, доказал, что их род всегда был изменническим по отношению к московской династии, за что только его отец казнил семерых Шуйских. Пораженные речью присутствовавшие на соборе приговорили князя Василия к смертной казни. Царь заменил ее ссылкой, но вскоре вернул всех братьев, простил их, вернул имения и боярство. Это великодушные впоследствии стоило ему жизни.

Неудача сделала князя осторожным. Бунт против популярного царя невозможен, остается заговор. Кроме небольшой кучки бояр и духовенства, он привлек и некоторых стрельцов. Расправиться с Дмитрием вызвался убийца Годуновых — Шереметевы. Злодеяние предотвратили. Стрельцы расправились с преступниками. Народ готов был растерзать любого врага своего царя. Донские казаки свирепо наказывали за оскорбление его имени. Современник писал: "Тогда назови кто-нибудь царя не настоящим, тот и пропал: будь он монах или мирянин — сейчас убьют или утопят".

Что мы знаем о человеке, который ровно 400 лет назад сел на русский престол и вошел в историю под именем Лжедмитрия I? В науке до сих пор существует несколько версий: одни историки признают, что это был настоящий царевич Дмитрий, другие категорически отрицают, третьи считают: самозванец искренно верил, что он сын царя Ивана, и стал слепым орудием в руках политиканов.

О личности Лжедмитрия тоже нет единого мнения. Кто он — ставленник польской шляхты и выходец из Речи Посполитой или же воспитанник иезуитов неизвестного происхождения? Слухи о том, что царевич жив, упорно расползались еще до того, как в Польше официально об этом объявили. Первое время русское правительство терялось в догадках, самого царя Бориса часто посещали сомнения — действительно ли умер сын Грозного? Наконец версия созрела, и полетели в Европу депеши: сей вор-де — расстрига Гришка. Естественно, для нравственного портрета черных красок не пожалели: в первой редакции — это юный негодяй, которого пьянство и воровство довели до монастыря.

Юрий Богданович Отрепьев, сын галицкого боярина, с детства жил в Москве в холмах у бояр Романовых и у князя Черкасского. Спасаясь от смертной казни, Юшка постригся в монахи (в другой интерпретации насильно пострижен), скитался по разным обителям, пока не попал в Чудов монастырь, где патриарх Иова обратил внимание на его грамотность и поручил переписывать книги. О дальнейшем бегстве монаха из Чудова монастыря вместе с иноком Варлаамом и его скитаниях мы помним со школы. Изложение истории Отрепьева в русских летописях и сказаниях основаны на "Извете" Варлаама. Это можно понять, но вот то, что Шуйскому понадобился этот беглый иннок как свидетель и разоблачитель самозванца в голове не укладывается.

Исторический Отрепьев был чрезвычайно способным человеком, учение давалось ему легко. В элитный кремлевский монастырь попасть было сложно, тем более без крупного денежного взноса. Юрий оказался там благодаря хлопотам сво-

его деда и протекции протопопы Успенского собора. Настоятель монастыря Пафнутий, взявший его "для бедности и сиротства", быстро возвысил умного и литературно одаренного послушника. Чернец из простого переписчика книг стал духовным писателем, он "сложил похвалу московским чудотворцам", а взятый на патриарший двор, продолжал "сотворяти каноны святым".

Карьера Гришки складывалась феерически: от служки у монаха Замятни до придворного патриарха. И это в течение всего лишь года. Как секретарь Иова он постоянно сопровождал его в царскую Думу. После того, как в Москве "выцислили", что выдает себя за убиенного царевича, глава русской церкви выводил страну и Европу своими письмами, в которых утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, святейший патриарх, и епископы, и весь собор. Так почему, когда расстрига оказался в Москве, Шуйскому приходилось распускать слухи, что царь ненастоящий? Почему "благодетель", спасший Русь от польского вора, прибег к авторитету никому не известного Варлаама, а не к духовенству, не к боярам, не к Иове?

Способностями Отрепьева можно объяснить, что за два года он сумел выучиться превосходно ездить верхом и изящно танцевать, метко стрелять и ловко владеть саблей. Можно допустить, что ему под силу было в совершенстве выучить польский язык. Но как умный человек, проживший более 20 лет в России, к тому же бывший монах, мог за те же два года забыть, как прикладываются к иконам и допустить при встрече в Кремле промах, который мог стоить ему головы?

Костомаров, доказывавший, что расстрига и самозванец — два разных человека, утверждает, что собственноручная подпись Григория Отрепьева в книге, сохранившейся на Волини в Загоровском монастыре, "не имеет ни малейшего сходства с почерком названного царя Димитрия". Сам историк предполагал, что самозванец родом из западной Руси, но был сыном или внуком бежавшего из Москвы какого-нибудь боярина — таких "беглецов" при Иване Грозном и Борисе Годунове было много. Лингвистический анализ сохранившихся многочисленных писем Лжедмитрия убедил ученых, что он родом из Московии. Факт, что Димитрий, владея многими привычками польской аристократии, не освоил обязательный для этой среды латинский язык, который изучали с раннего детства, может служить доказательством, что он не был прирожденным поляком.

Так что же мы знаем о нашем первом императоре? Достоверно известно, что он был невысок, но статно сложен, лицом некрасив, но синие умные глаза чрезвычайно выразительны, а высокий лоб — прекрасен. То, что он учился в арианской школе — тоже неоспоримо. А это объясняет многое в дальнейшем поведении Лжедмитрия, и, прежде всего, его толерантность.

Учение александрийского священника Ария (256-336), отрицавшее единство Бога и Христа, быстро распространялось в Европе. В Польше XVII века оно (несколько преобразованное Социном) было чрезвычайно популярно, приход арианских церквей составлял цвет польской знати, поэтому арианизм считался шляхетской религией. Сущность ее в следующем: источником истины надо считать Священное Писание, но только тогда, когда оно не противоречит разуму; Бог существует в одном только лице, Спаситель же был человеком, а Дух Святой представляет силу Божью; первородный грех не существует; таинства имеют значение только обрядов...

Первый русский император настолько глубоко впитал дух арианской школы, что его веротерпимость и свободомыслие не могли вытравить даже опекавшие его иезуиты. Не раз он будет пенять соотечественникам:

— У нас только одни обряды, а смысл их укрыт. Вы поставляете благочестие только в том, что сохраняете посты, поклоняетесь мощам, почитаете иконы, а никакого понятия не имеете о существовании веры. Вы называете себя новым Израилем, считаете себя самым праведным народом в мире, а живете совсем не по-христиански, мало любите друг друга, мало расположены делать добро. Зачем вы презираете иноверцев? Что же такое латинская, лютерская вера? Все такие же христианские, как и греческая. И они в Христа веруют.

Не видевший большой разницы между католицизмом и православием, Лжедмитрий желал соединения церквей, считая, что беды христианского мира от его раскола. Но как противник насильственных мер царь и не думал действовать силой, а внушал соотечественникам, что "в латинах нет порока", что "вера латинская и греческая — одно". Оппоненты его ссылались на семь Соборов, на неукоснительность их постановлений.

— Если было семь соборов, — возражает Димитрий, — то отчего же не может быть и осьмого, и десятого и более? Пусть всякий верит по своей совести. Я хочу, чтоб в моем государстве все отправляли богослужение по своему обряду.

Но все это в будущем, а пока Димитрия представили Сигизмунду III. В конце марта 1604 года его привозят в столицу Речи Посполитой. Но восторги короля по поводу чудесного спасения царевича не разделяет шляхта. Сейм категорически против признания прав неведомого самозванца и отказывается посылать польские войска в Россию. Зато иезуиты распростирали свои объятия, тем более, что францисканцы убедили царевича перейти в католицизм. Разве мог папа римский упустить возможность подчинить русскую церковь своему владычеству?!

Несмотря на решение Сейма, король назначил Димитрию содержание 40 000 золотых в год и позволил набирать добровольцев. Этим занялся Юрий Мнишек, в чью дочь страстно влюбился молодой претендент на русскую корону. За оказанную помощь царевич по восшествии на престол должен был возратить польской короне Смоленск и Северскую землю, помочь Сигизмунду приобрести шведскую корону и содействовать в дальнейшем объединении Московского государства с Польшей. Будущий тесть взял с Димитрия слово непременно заплатить его долги, жениться на Марине, записать за своей женой Новгород и Псков, а самому Мнишеку дать в удельное владение все те же Смоленск и Северскую землю. Как дерзкий авантюрист Димитрий подписал все документы, к тому же пообещал ввести в России католицизм, соорудить костелы и ввести иезуитов. Но как государь Лжедмитрий I не отдал ни пяди земли своей ("Смоленск и земли Северской не отдам... — писал он королю, — церковью латинских и иезуитов не хочу"), более того, он будет мечтать о возвращении западных русских земель. В письмах к папам о католическом вероисповедании даже не заикнется, но пошлет во Львов средства для строительства православной церкви.

Все вопросы решены — можно и в поход идти. Димитрий шлет грамоты "московскому народу" и казакам. Когда набралось около 3000 "охочего" войска и 2000 запорожцев, он двинулся к границе, которую перешел в октябре 1604 года. Обаяние имени царевича сразу дали себя знать: силы его увеличивались с каждым днем, города один за другим сдавались без боя. Жители встречали его хлебом-солью, способные носить оружие присоединялись к нему. Держался только Новгород-Северский, где воеводой был Басманов. Неудачные штурмы крепости и отсутствие денег привели к тому, что почти все поляки покинули Димитрия, в том числе и Мнишек, зато к нему явилось 12000 ка-

заков. А царь Борис слал одно войско за другим. Русские неохотно сражались против человека, которого считали истинным царевичем. Некоторые воеводы, выступая из Москвы, прямо говорили, что трудно бороться против прирожденного государя.

Потерпев поражение 21 января, Димитрий бежит в Путивль. Тем не менее, города продолжают присягать ему на верность, а войска переходить на его сторону. Три месяца сидел он в Путивле, который превратился в многолюдную столицу. Димитрий приглашал на обеды русских и поляков, православных священников и ксендзов, старался всех сблизить между собой. Сам он много беседовал с образованными шляхтичами, и его суждения удивляли тех своей меткостью, а русские с уважением взирали на просвещенного царевича, а порой краснели из-за своего невежества.

— Как только с Божьей помощью стану царем, заведу школы, чтобы у меня во всем государстве выучились читать и писать. Заложу университет в Москве, стану посылать русских в чужие края, а к себе буду приглашать умных и знающих иностранцев, чтобы их примером побудить моих русских учить своих детей всяким наукам и искусствам.

По пути в столицу Димитрий беспрестанно останавливался, расспрашивал народ о житье-бытье, обещал льготы. В Серпухове, на берегу Оки его ожидал огромный богато разукрашенный шатер, в котором он дал первый пир. В Коломенском ему устроили традиционную почетную встречу: поклониться приходили бояре, священнослужители, крестьяне, посадские люди, гости. Димитрию подносили богатые подарки, но особенно ласково принимал он хлеб-соль от бедняков.

— Я не царем у вас буду, а отцом. Все прошлое забыто и вовеки не помяну того, что вы служили Борису и его детям. Буду любить вас, буду жить для пользы и счастья моих любезных подданных.

Торжественный въезд состоялся 20 июня 1605 года. При звоне колоколов всех церквей Димитрий ехал посреди бояр на превосходном коне, убранном драгоценной сбруей, в золоченом платье, с богатым ожерельем. Народу собралось бесчисленное множество: улицы, крыши домов, колоколен забиты были людьми. Они падали на колена и кричали: "Дай Господи, тебе, государь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!"

— Дай Бог и вам здоровья! Встаньте и молитесь за меня Богу!

Остановившись у храма Василия Блаженного, Димитрий обнажил голову, оглядел Кремль, море людское и со слезами возблагодарил Господа за то, что сохранил его и "сподобил увидеть город отцов" и возлюбленный народ. В Архангельском соборе он горько плакал над гробом Грозного. Ну как не верить, что он истинный сын Ивана? Народ рыдал. А тут пришел на Лобное место Бельский, пользовавшийся особой милостью Ивана Грозного.

— Православные! Благодарите Бога за спасение нашего солнышка, государя царя, Димитрия Ивановича. Как бы вас лихие люди не смущали, ничему не верьте. Это истинный сын царя Ивана Васильевича. В уверение я целую перед вами Животворящий Крест и Святого Николу Чудотворца.

Встреча сына с матерью, их объятия и рыдания при огромном стечении люда рассеяли последние сомнения скептиков. Теперь уже никто не сомневался в том, что на московском престоле истинный царевич. Инокиня Марфа жила в Вознесенском монастыре. Димитрий ежедневно посещал ее и при начале каждого важного дела просил ее благословения.

30 июля 1605 года состоялось торжественное венчание на царство. Новый патриарх Игнатий разослал по Руси грамоты с известием о восшествии Димитрия на

престол. В них он просил молиться за царя и за царицу-мать, а также за то, чтобы "возвысил Господь Бог их царскую десницу над латинством и бусурманством".

Лжедмитрий сразу же отпустил иностранное войско, выдав должное за поход жалованье. Но наймитам не хотелось покидать Москву, и вскоре они все разстранжирили. Царь наотрез отказался давать им еще денег и стал преследовать за бесчинства. Недовольные поляки, обвинив его в неблагодарности, отравились восвоей. С первых же дней правления нового царя польский король и папа убедились, что они ошиблись в своих расчетах. Сигизмунд недоволен его посланник, приехавший поздравить с восшествием Лжедмитрия, дает ясно понять, что тот еще не крепко сидит на престоле и потому рано демонстрирует свою холодность к Польше. В королевской грамоте Димитрий не то что императором не был назван, как того требовал, но даже великим князем. Сигизмунд приказал послу сообщить о слухе, будто Годунов жив и скрывается в Англии; но что он, как верный друг московского государя, велел пограничным воеводам быть наготове и при первом движении неприятелей Димитрия спешить ему на помощь. Требовал король от царя "не держать Густава шведского как сына королевского", а посадить в застенки, потому что тот может быть его соперником в притязаниях на шведский престол. Послов же Карла IX, которые придут в Москву, царь должен отослать к нему. Сигизмунд требовал отпустить польских ратных людей, служивших Димитрию и уплатить им жалованье; для польских купцов требовал свободной торговли.

— Хотя мы нимало не сомневаемся в смерти Бориса Годунова и потому не боимся с этой стороны никакой опасности, — ответил царь, — однако с благодарностью принимаем предостережение королевское... Карлу шведскому пошлем суровую грамоту, но подождем еще, в каких отношениях будем сами находиться с королем, потому что сокращение наших титулов, сделанное его величеством, возбуждает в душе нашей подозрение насчет его искренней приязни. Густава держим у себя не как князя или королевича шведского, но как человека ученого. Если Карл шведский пришлет гонцов в Москву, то я дам знать королю, с какими предложениями они приехали, а потом уже будем сноситься с королем, что предпринять далее. Ратных людей, которые нам служили, как прежде не задерживали, так и теперь всех отпускаем. Свободную торговлю купцам польским повсюду в государстве нашем позволим и от обид их будем оборонять.

Лжедмитрий принял титул императора. Он реорганизовал Думу, назвав ее Сенатом, ввел новые чины, и в качестве постоянных членом там должно было заседать высшее духовенство. Сам император ежедневно присутствовал в Сенате. Слушая бесплодные споры, он смеялся:

— Столько часов вы рассуждаете, и все без толку! Так я вам скажу: дело вот в чем! — и в минуту решал вопросы, над которыми бояре ломали головы.

Он любил и умел говорить, постоянно приводил примеры из истории разных народов, места из Святого Писания, которое хорошо знал, рассказывал случаи из собственной жизни. Нередко в мягкой форме упрекал думных людей в невежестве, стремился пробудить в них любознательность и пристрастить к чтению, убеждал бояр "ездить в чужие земли", посылать детей учиться в Европу, твердил, что нужно дать народу образование.

Государь удвоил содержание служилым людям и должностным лицам, помещикам удвоили их земельные наделы, а монастырям подтвердил их жалованные грамоты и дал новые. Он велел вернуть всем деньги, которые брал займы Грозный. Для пресечения злоупотреблений при сборе податей он предоставил обществам самим доставлять свои подати в казну.

Все судопроизводство царь объявил бесплатным, строго запретив брать "посулы и поминки", предписал приказам решать дела без проволочек. По средам и субботам Димитрий лично принимал челобитные.

Стремясь облегчить положение бедняков, он запретил наследственное холопство. Отныне холопом мог быть только тот, кто служил господину по взаимному соглашению. Ни его дети, ни другие родственники не являлись таковыми. Равно как потомки нанимавших не имели на человека никаких прав. Этот закон фактически заменял холопство наемным трудом. Помещик терял свое право на крестьян, если не кормил их во время голода. Димитрий запретил судам принимать дела о беглых крестьянах по прошествии 5 лет.

Царь разрешил свободно заниматься промыслами и торговлей; уничтожил любые ограничения по передвижению внутри государства, на выезд из него и въезд. В результате, за каких-нибудь полгода в Москве настолько все подешевело, что небогатым людям стали доступны многие "предметы житейских удобств", какими прежде пользовались только богатые и бояре. Английские современники писали о Лжедмитрии, что это был первый государь в Европе, который сделал свое государство в такой степени свободным.

Димитрий косо поглядывал на Крым. Из-за опустошительных набегов хана лучшие земли почти не заселялись, за выкуп жителей приходилось платить баснословные суммы. И пока существует этот хищный сосед, быть русскому народу в бедности. Владела им мысль и о крестовом походе на врага христианства — Османскую империю. В Европе постоянно толковали об ополчении против турок, но не предпринимали реальных шагов. Царь вознамерился реализовать носившуюся в воздухе идею освобождения единоверцев. В этом богоугодном деле он надеялся на союз с Венецией, немецким императором и французским королем Генрихом IV, к которому чувствовал особое расположение. Предстоящая война с Турцией побуждала его вести дружеские сношения с Ватиканом. Отправляя новоизбранному папе Павлу V поздравительное письмо, он с признательностью упоминает о расположении к себе Климента VIII. Далее Димитрий пишет, что в надежде на помощь и покровительство Божие он не хочет проводить время в праздности, но будет всеми силами заботиться о благе христианства. Для этого намерен соединить свои войска с императорскими против турок. О соединении церквей как всегда — ни слова.

Царь постоянно посещал пушечный двор, где срочно изготавливались пушки, мортиры, ружья. Он сам испытывал новые орудия, стреляя из них чрезвычайно метко, сам учил артиллерийскому искусству ратников. Димитрий устраивал военные маневры, в которых непременно участвовал сам: штурмовал земляные крепости, лез на валы. Сколько раз его сбивали с ног палками, давили в толпе. Забывая свой сан, государь и работал вместе с другими, не сердился, когда его ненароком кто-то зашибет.

Все это очень напоминает будущего преобразователя России: та же кипучая энергия, то же умение совмещать работу с истинным весельем, то же шокирование ревнителей старины новшествами.

Вопреки обычаю прежних царей, укладывавшихся спать после сытных обедов, Димитрий употреблял это время для осмотра казны, причем покидал дворец "сам-друг", без всякой пышности. Он любил гулять по Москве, говорить со встречаемыми на улицах, заходить в разные мастерские, толковать с мастерами.

Прежние государи на лошадь сами не садились — не царское это дело. Скамеечку подле животины поставят, под ручки белые подведут да подсадят. Этот же: только коня ретивого подведут, одной рукой за поводья, другой за седло и

птицей взлетал. Подобно предшественникам Димитрий любил охоты и поединки с лютыми зверями. Правда, и тут от правил отступал. Раньше, бывало, холопы наловят медведей, а когда царю-батюшке охота придет потешиться, то поданные выходят (один на один) бороться с косолапым. Новому же царю не сидится на месте, не в правилах его да и не в натуре быть зрителем — сам на хозяина леса выходил.

Свободный в обращении с приближенными, царь позволял им делать замечания насчет своего образа жизни, но только если это не переходило границ вежливости. Лыстецов и подхалимов он осаживал. Когда кто-нибудь, желая выслужиться, заговаривал дурно о Борисе, царь замечал:

— Вы ему кланялись, когда он был жив, а теперь, когда он мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорил о нем, а не вы, когда сами выбрали его.

Новшества коснулись и личной жизни государя. Раньше невест по-царски выбирали: нагонят штук двести девиц — выбирай — не хочу, а этот мало что отказался от родства с королем Речи Посполитой, поскольку души не чает в своей Маринне (на русский лад Марине) да и слово дал на ней жениться, так еще вместо него обручался другой.

Обручаться пришлось Афанасию Власьеву. Удивил же дьяк шляхту своим простодушием и манерами. Во время торжественной церемонии все внимание его было сосредоточено на том, чтобы ненароком не задеть кафтаном платья нареченной царя. Благоговейное отношение Власьева к будущей своей государыне было столь велико, что он не смел прикоснуться обнаженной рукой до руки Мнишек, а обручальное кольцо надеть на палец необходимо. Но Димитрий знал, кого посылать: Афанасий не промах, он из любого безвыходного положения выход найдет. И вот на глазах польской аристократии посол русского царя вытаскивает огромный носовой платок, оборачивает свою руку, и, словно заправский иллюзионист, умудрился-таки крохотное колечко нацепить на миниатюрный пальчик.

За пиршеским столом Власьев сидел истуканом, а ну как кафтан все-таки коснется платья государыни — не сносить тогда головы. На коварный вопрос, почему пан посол ничего не ест, Афанасий с достоинством ответил, что ему не по чину это. С него довольно и того, что он присутствует при трапезе короля и столь высокопоставленных особ и имеет возможность за сим наблюдать. Словом, в грязь лицом не ударил.

По словам очевидцев, Марина в этот вечер была дивно хороша и прелестна в короне из драгоценных камней, расположенных в виде цветов. Ее роскошные черные волосы были рассыпаны по белому серебристому платью, усыпанному камнями и жемчугом. Все любовались ее стройным станом и изящными движениями. На балу Власьев, представлявший личность жениха, еще больше удивил — он отказался танцевать с невестой, говоря, что он не достоин прикоснуться к своей государыне.

Окончание бала сразило посла неприятной для московского человека сценой. Мнишек подвел дочь к королю, приказал ей кланяться в ноги и благодарить за великие его благодеяния. Сигизмунд же напутствовал невесту Димитрия, чтобы она не забывала, что родилась в польском королевстве и любила бы обычаи польские.

“Теперь-то мы ожидаем от твоего величества всего того, чего можно ждать от благородной женщины, согретой ревностью к Богу. Ты, вместе с возлюбленным сыном нашим, супругом твоим, должна всеми силами стараться, чтобы богослужение католической религии и учение Св. апостольской церкви были при-

няты вашими подданными и водворены в вашем государстве прочно и незыблемо. Вот твое первое и главнейшее дело", — писал в связи с обручением Павел V.

В то время как папа уповал на этот брак и напоминал Марине о ее главнейшем деле, Мишек получил от зятя другие требования: его супруга должна соблюдать религиозные обычаи Московского государства — причащаться в русской церкви и соблюдать ее уставы, оказывать всякое почтение греческому богослужению, не ходить после замужества с непокрытой головой, по средам поститься, а в субботу он позволит ей есть, но только у себя дома. В остальном же Димитрий предоставляет ей исполнять как угодно обязанности благочестия.

Позиция царя задержала приезд невесты в Москву. Началась длительная переписка. В конце концов, Димитрий не выдержал и написал, что если Мнишеки не приедут до начала Великого поста, то в Москве его не застанут — он выступит в поход. Царь выиграл этот раунд, выиграл он и следующий: их венчали по русскому обычаю, и невеста была одета в русском платье. Более того, Димитрий в очередной раз провел папу. Он совместил венчание Марины на царство с брачным венчанием. 8 мая 1606 года сразу после первой церемонии всех гостей вывели из церкви, и его жена изменила своему слову и приняла православие. Но суждено ей было быть великой государыней всего 8 дней...

Заговорщики воспользовались брачным торжеством, чтобы привести в исполнение свой коварный план. На этот раз Шуйский прибор к помощи преступников. Он выпустил из тюрем разбойников и убийц, вооружил их. В ночь с 16 на 17 мая в Белокаменной ударили в набат.

— Литва бьет царя! — кричали заговорщики на площадях.

Князь Василий Шуйский въехал в Кремль, держа в одной руке меч, в другой — крест...

— Кто ты? Кто твой отец? Откуда ты родом?

— Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мать мою или выведите меня на Лобное место и дайте объясниться.

"Многие были за Лжедмитрия, — писал Соловьев, — многие взяли оружие при известии, что поляки бьют царя, прибежали в Кремль спасать любимого государя от рук врагов ненавистных и видят труп его, обезображенный и поруганный не поляками, а русскими, слышат, что убитый царь был обманщик, но слышат это от таких людей, которые за минуту перед тем обманули их, призвав вовсе не на то дело, какое хотели совершить: обманом не бывают довольны, его не забывают, как самую жестокую обиду. И кто же был обманут, кто был недоволен? Масса людей умеренных, спокойных, самая могущественная часть народонаселения, которая дает прочный успех всякому делу. Согласие немногих людей отважных... заговор может дать мгновенный успех делу, но прочность его зависит от "да" или "нет" умеренной, спокойной массы народонаселения. Вот почему 17 мая 1606 года в Москве не было ознаменовано тем одушевленным ликованием, какое обыкновенно бывает по совершении общего дела... Недолго раздавались по улицам клики заговорщиков... этим кликам не было отзыва, рассказам о кровавых подвигах не было сочувствия... ночью царствовала глубокая тишина: смущенное, оробевшее общество притаилось, гнетомое тяжелою думою о прошедшем и будущем".

Кто бы ни был Лжедмитрий, но он был венчан на царство, он был искренне любим своими подданными и сам любил Россию. И прав Костомаров, что Димитрий, объявивший полную веротерпимость, заговорил с русским народом голосом свободы, призывал его к новой жизни, к новому пути, что этот человек настезь открыл границы замкнутого прежде государства.

иллюстрация **Льва Рабинника**

Фактор возмездия

Пролог. Иллюзия случайности

Как ни крути, а всякое тайное когда-нибудь становится явным, даже если это сверхсекретная государственная тайна. И часто приходится с горечью констатировать, что виной тому не происки и хитроумные операции ушлых агентов иностранных спецслужб, хотя и без их участия порой не обходится, а наши собственные, ставшие едва ли не национальными, черты — пофигизм и бедность. А начинается все с обычной "бытовухи" — праздного трепа, бахвальства, лишнего слова за хмельным столом. И от нее родимой, бытовухи-то болтливой, до осознанного предательства уже рукой подать. И пойдет тогда, и поедет — только держись!..

Заканчивая рабочий день и отправляясь отмечать день рождения напарника, работник частного охранного предприятия Саша Сватко не думал ни о чем таком. Напротив — настроение отличалось приподнятостью, соотносясь с предстоящим событием в нужной пропорции. Бывший прапорщик КГБ Сватко уволился из органов, имея за плечами солидную выслугу лет. Мутная и мощная волна нарождавшейся демократии смыла его с военной службы и выбросила на берег новой жизни, привыкать к которой пришлось мучительно и долго. Все его навыки, знания и умения "на воле" не могли пригодиться, став совершенно бессмысленным набором. Из всех освоенных Сватко специальностей на гражданке годилась разве что "корка" электрика. Хотя и она вряд ли могла осчастливить бывшего сотрудника совершенно секретного отдела пятнадцатого Управления КГБ, ставшего впоследствии Управлением специальных программ при Президенте России. "За забором" теперь все другое, а технологии, применявшиеся раньше, отстали так окончательно и бесповоротно, что и говорить об этом не стоило. Но говорить не стоило и о другом: факт работы Сватко в недрах мос-

Журнальный вариант.

ковской земли сам по себе уже являлся государственной тайной, за неразглашение которой Саша расписался в специальном бланке с напоминанием об уголовной ответственности... Помыкавшись по унизительно малооплачиваемым работам, пообивав пороги фирм и плюнув на разрезанную когда-то программу поддержки и переподготовки бывших военнослужащих, Сватко через знакомого устроился охранником в ЧОП и этим остался доволен. Для крепкого, полного сил молодого мужика работа казалась не тяжелой и вместе с пенсией давала средства к существованию. Кроме того, лицензия охранника и служебное оружие возвышали прапорщика в собственных глазах, а новая служба постепенно вытеснила воспоминания о прежней. Оказалось, что на "вольных хлебах" жизнь есть. Причем, достаточно сытая и свободная. В общем — жизнь налаживалась! Вероятно, она могла продолжаться достаточно долго, если бы не сошлись в одно время да в одном месте несколько разных обстоятельств, фатальных случайностей и взаимоисключающих интересов, поставивших бывшего старшего прапорщика на путь предательства, а тонкий и хрупкий, как яичная скорлупка, мир на грань страшной катастрофы.

День рождения Миши Белова, напарника Сватко, удачно совпал с получкой. И поскольку деньги приятно шелестели в карманах, не давая рукам покоя, ребята раскрутили его на "проставление". Главное, что повод железный — не отвертись! Хорошенько подумав, чоповцы не захотели проводить мероприятие абы как, превратив в обычную пьянку, а как люди серьезные собрались прибегнуть к услугам общепита. Для придания празднику недостающей обычно цивилизованности, ребята прикупили несколько кур-гриль и, шлепая подошвами по хрустящим ледяными корочками лужам, отправились в ближайшее кафе, расположенное возле станции метро Алексеевская. В застекленном аквариуме кафе было немногочисленно. Двойные оконные стекла отсекали уличный шум, проявляя негромкие разговоры внутри. Шумная компания разделилась. Сватко с Беловым прошли сквозь ряд столиков-кругляшей с проволочными стульями и остановились у стойки. Двое других, капитан Николай Митрохин и Сергеа Макошкин, отправились "забывать" теплые места у окна.

— Чем закусывать будем? — спросил Белов.

— Берем "шведский салат" за столик и фанту со стаканами, — деловито посоветовал Сватко. Прихватив большое блюдо, он зачерпнул мелким половником по салату из каждой емкости, кинул горсть шампиньонов и накрыл горку несколькими листьями нерубленой квашеной капусты. — Под такую закуску, знаешь, сколько выпить можно! — оптимистично заметил бывший прапор и, пока именинник расплачивался, вернулся к ребятам.

Завидев наполненное до краев блюдо с изящно свисающими листочками, чоповцы встретили товарища воодушевленными возгласами. Расположились, приготовили вилки. Разделили закуску, бережно разложив по тарелкам. Воду тут же выпили, а в освободившуюся тару разлили водку.

— Ну что, Миша, давай за тебя, за твой день рождения! — поднял тост самый старший из всех, Коля. — Чтобы денег тебе платили больше, а работать заставляли меньше!

Тост активно поддержали. Пластиковые стаканы радостно сомкнулись и негромко хрустнули смявшимися боками.

Аккуратно одетый молодой мужчина с темными волосами, сидевший за соседним столиком, бросил на гуляющую компанию безразличный взгляд и отвернулся. Придвинув бокал, он отхлебнул пива и устремил взгляд в светлый квадрат окна. Наплывшая на город туча разродилась мелким дождиком со снегом.

— Давай, мужики, по второй заряжай! — скомандовал именинник. — А то горло сохнет!

Призыв был снова с удовольствием подхвачен и развит. Забулькала из горлышка "черноголовская"...

Вечер катился по привычному руслу, и все последующие тосты уже не имели никакого значения, потому что являлись чистой формальностью, оправдывающей и подгоняющей дружескую пьянку. Темноволосый мужчина недовольно оглянулся и, смерив гуляк презрительным взглядом, снова отрешенно уставился в окно. Пьяный шум ему был неприятен и только раздражал. Мужчину звали Зураб, и при случае он часто представлялся грузином, хотя им не являлся. Зураб был курдом и лишь в откровенных беседах с доверенными людьми называл своей родиной Афганистан. Он долго жил в России, а учился еще при СССР, поэтому неплохо освоился с нашими обычаями и порядками. Афганец часто бывал за границей и посещал Северо-Кавказский регион, но в последнее время делать это становилось все труднее и опаснее — слишком эффективной стала работа контрразведывательных и антитеррористических групп ФСБ и милиции.

Рассыпая брызги, к тротуару причалила по пояс грязная "мицубиси-паджеро" с привычно темными окнами. Из нее вывалились рослые парни с колкими взглядами-занозами. Хлопнув дверцами, они пересекли маленькую площадь, обогнули цветочный ларек и вразвалочку приблизились к кафе. Заметив их, Зураб оживился, заерзал нетерпеливо и, развернувшись вполоборота, наблюдал, как те проходят через застекленный тамбур. Едва дверь открылась, Зураб молча приподнял вверх руку, обозначив свое присутствие. Парни его заметили и повернули к столику.

— Ничего не получится, — с досадой произнес один из них, Аслан Эльмурзаев, опустившись на стул.

— Почему? — негромко поинтересовался Зураб.

— Там охрана хорошая — не подступишься. А человек тот гнилой — ненадежный. С ним лучше дел не иметь, а то спорим, к Аллаху.

— Другого способа нет? — уточнил Зураб, не сводя с парня черных глаз.

— Нет, я же сказал! — нервничал Аслан.

— Надо искать что-то другое.

— Давай, я лучше за пивом схожу. — Парень резко поднялся, отодвинул стул, пружинисто прошел через зал и остановился возле стойки с напитками.

Парня напротив звали Нияз, и, кажется, он не испытывал беспокойства от сорвавшегося дела. Зураб — старший, и только он может отдавать им приказы. А они — всего лишь боевики, выученные стрелять и "прикомандированные" к нему.

Между тем, голоса за соседним столом становились все громче и пьянее. Для празднования дня рождения одной бутылки, хоть она и литровая, чоповцам, конечно, не хватило. Макошкин сходил за другой. И повелась беседа... Когда все оказались "хороши" — как водится, пошло обсуждение военной мощи страны.

— Я когда служил в ПВО — у нас там такие подземелья! — пьяно связывая слова, болтал Митрохин. — Один раз молодой лейтенант заблудился, так его всем батальоном искали!

— Ладно гнать! — рассмеялся сильно захмелевший Сватко. — Какие там в ПВО подземелья! Так — окопы. Вот где я работал — там действительно подземелья! Метров на сто тридцать под землю уходят, а может, и больше. Вся Москва в норах да ходах! Стратегические объекты. В пятьдесят восьмом "холодная" война в любую минуту могла перейти в ядерную, и первые же воздушные удары по Москве могли оставить страну и армию без руководства. Чтобы этого не допустить, Политбюро решило срочно создать под землей второй город с разветвленным метро, автомобильными тоннелями, чтобы эвакуироваться из Кремля, а из укрепленных бункеров руководить войсками. Там в горизонтах танки стоят на случай уличных боев, а запасы еды —

лет на десять! Свое энергоснабжение, канализация, система пожаротушения, очистка воздуха... Политбюро о себе хорошо заботилось — любой "конец света" переждать можно! А глубоко — чтобы атомной бомбой не взять. Воздух туда компрессорами подают, через противорадиационные фильтры! Все продумано! До гвоздя! До последней гайки! До солдата!

— Коль, а ты когда-нибудь атомную бомбу видел? — с интересом спросил капитана Макошкин.

— Откуда в ПВО атомная бомба! — рассмеялся Сватко. — Там ракеты "земля — воздух"!

— Тебе-то откуда знать! — словно брызнул горячим маслом Белов. — Небось, в своем ФСБ всю жизнь на вахте простоял — пропуска проверял, а говоришь!

От слова ФСБ чеченцев как током дернуло. Они не подали виду, но незаметно бросили презрительные и ненавидящие взгляды в сторону компании.

— У вас больше "Макара" или "Стечкина" не увидишь! — доставал Белов.

Неосторожно брошенная реплика, подкрепленная смехом дружок, больно уязвила самолюбие прапорщика.

— Сами вы ничего не знаете! Я еще в КГБ службу начинал! Повидал столько, что вам на всех бы хватило разделить! Подземный город под Москвой видел. И метро секретное: Метро-2, по-простому, называется! Тоннели из специальных тубингов сделаны — раза в полтора больше, чем тоннели обычного метро.

Чеченцы переглянулись, взгляды слились в один и обратились на Зураба. Тот молча провел по уху пальцем, словно медленно почесал. И это был тайный знак. Потом незаметно толкнул локтем Аслана.

— Надо узнать, где живет, — сказал он, одними глазами указав в направлении Сватко.

Аслан Эльмурзаев понимающе кивнул. Расслабленная дремота чеченца сменилась обостренным вниманием.

— Ну что — допиваем и заканчиваем? — выразил общее мнение Макошкин.

— А по пивку? — по сложившейся традиции добавил Миша Белов.

— Я пас! — решительно отказался Сватко. — Мне сегодня дома надо быть!

— И мне — хорош! — присоединился к нему Макошкин.

— Как хотите! — разочарованно проговорил Белов. — Вот так всегда! Только разговорились!

Шумно раздвинув стулья, чоповцы поднялись и гудящей толпой направились к выходу. Ребята чувствовали себя отлично, и даже накрапывающий дождь не создавал им неудобств или дискомфорта. На площади распрощались с Макошкиным. Но вместо того, чтобы подойти к станции метро и там выпить пива, уж если душе так хочется, чоповцы совершили очевидную глупость и отправились совсем в другом направлении. Впрочем, свою роковую глупость Сватко уже совершил — там, в кафе, и теперь любые варианты поведения веселой компании вели к одному и тому же знаменателю. Зураб вышел из кафе следом за чоповцами. Стараясь не попасться им на глаза, он остановился, приподнял воротник, будто прячась от холода, и закурил. Минутой позже из-за стеклянной двери с кривыми ручками появились Аслан с Ниязом. Медленно и неторопливо они двинулись за чоповцами, то останавливаясь и отставая, то убыстряя шаг и приближаясь к объекту наблюдения на минимальное расстояние. Торговая палатка с напитками располагалась в глубине квартала. Вокруг темно, грязно и немногочисленно. Два студента-вечерника взяли по бутылке пива и, без умолку обсуждая какую-то девочку, отправились к проспекту. За ними в очереди стоял мужик рабоче-крестьянской наружности — он брал "красненькое". Разумеется, портвейн. Для разминки.

Чоповцы подвалили к палатке шумно и встали за "мужичком". Недовольная мелочью хозяйка терпеливо пересчитала деньги работяги и подала бутылку. Тот отошел, прижимая посуду к телу, словно великую драгоценность. Миша Белов с зажатой в руке стельником вежливо поздоровался с хозяйкой и собирался просунуть деньги в окно, как вдруг перед ним выросли два кавказца. Тот, что поменьше, грубо оттолкнул именнинника от вожделенного пива и гортанно прогнусавил:

— Падажди! Сначала ми возьмем!

— Не "ми", а "мы"! Понятно вам, как надо говорить! — возмутился Белов, но был неожиданно осажен широкоплечим джигитом и оттеснен от пива еще дальше.

Ситуация повисла на волоске.

— Вы чо, козлы, совсем оборзели! — не собираясь уступать очередь, прорычал именнинник и с усилием попытался просунуть деньги в окно. Но мелкий и жилистый Нияз крепко схватил его за локоть. Резко рванув, горец отбросил Мишу от палатки. За защиту именнинника бросились товарищи. Сватко подскочил к Ниязу и с разбега швырнул в него тяжелый кулак. Нияз ловко увернулся и мгновенно поддел Сашу под дых. Сватко хрипнул, перегнулся пополам и... отступил. Мгновения мучительного удушья отрыгнулись тяжким кашлем. На плотного Колю Митрохина напал Аслан — коренастый, подвижный, раньше занимавшийся борьбой и не раз ходивший в рукопашную. Несколькими отшлифованными движениями он без труда сбил Колю с ног и несильно рубанул по шее. Потом нагнал и Белова. Мирные переговоры не удалась — с характерным звуком костистый кулак шлепнул по лицу, разбив губу. Сквозь распахнутую куртку на рубашку именнинника брызнула кровь. Поднимаясь, Сватко сообразил, что, несмотря на численный перевес, сила оказалась не на их стороне. Зловещая фигура, увенчанная соответственно зверской физиономией, приближалась. Отсчет шел на секунды, и Саша понял, что сейчас его будут убивать...

Внезапно со стороны тротуара раздался чей-то уверенный окрик.

— Оставьте их, бараны! И сваливайте, пока вам бошки не поотрывали!

Сватко повернулся и заметил приближавшегося к палатке незнакомца. По виду — решительный, с пружинистой походкой, выдававшей хорошую физическую форму.

— А ты чего в наш базар ломишься! — агрессивно спросил Аслан, оставив в покое Сватко. — Печенка на ребра давит?

Хулиганы двинулись на незнакомца, собираясь разобраться по существу спора, а бывший прапорщик воспользовался моментом, поднялся и, подковыляв к Белову, спросил:

— Ты живой?

Тот утвердительно мотнул головой и с видом побитой собаки взвизгнул:

— Не видишь, что ли!

— Иди Кольку поднимай! — велел Сватко, а сам развернулся и кинулся на помощь смельчаку-прохожему. Однако Зурабу помощь не требовалась.

— Валите быстро, бараны! Пока башку не открутил! — кричал "спаситель", обрушивая на Аслана мастерские удары.

— А-а, гады! — торжествовал Белов, провожая взглядом убегающих.

— Спасибо, друг! — благодарно улыбнулся Сватко. — Здорово ты их отутюжил!

— Какие проблемы, земляк, — откликнулся "спаситель", отряхивая с брюк грязный снег. — Из-за таких, как они, всех кавказцев не любят! Давай знакомиться — меня Зурабом зовут.

— Саша, — представился Сватко.

— Миша, — подошел Белов, пожимая руку новому другу.

Растирая ушибленную ногу, приковылял Митрохин. Вид потрепанный: рубаха на-выпуск, брюки грязные.

— Крепко приложили, сволочи! — проворчал он и тоже обрадовался новому знакомству.

— Давай, мужики, за дружбу хряпнем по нашему обычаю! — предложил Зураб. — У меня сегодня премия — угощаю!

Предложение прошло "на ура". Неоконченная пьянка вспыхнула с новой силой.

Вечер закончился поздно. Лишь когда потоки машин на проспекте заметно поредели, а чоповцы добрали необходимую норму, поступило предложение подвести черту. Пьяно и весело прощаясь, Зураб невзначай поинтересовался у Сватко:

— Я на такси домой поеду, а то, боюсь, в метро милиция остановит. Ты где живешь, Сашок?

— На Профсоюзной, — ответил тот.

— Земляк, значит! — обрадовался Зураб. Черные густые брови разошлись, разгладив морщину на лбу. — А я рядом — на Ленинском! Поедем вместе!

Чоповцы с трудом распрощались. Митрохин с Беловым поспешили к метро, чтобы успеть до закрытия переходов, а Сватко и Зураб поймали частного. От тротуара тут же отчалил темный "паджеро" и, не отставая, двинулся за "извозчиком". Аслан и Нияз действовали по плану, хотя, по большому счету, пока это был не план, а всего лишь договоренность. Подъехав к дому, такси остановилось.

— Давай ко мне зайдем, с женой познакомлю, если не спит! — пригласил нового друга Сватко.

— Ну, если только кофе выпить, буквально на минуту, — ответил Зураб и обратился к таксисту: — Шеф, подождешь минут десять?

— Знаю я вас! — напрягся водила. — Скажете на десять минут, а сами с концами! Сначала деньги заплати.

— Нет проблем, дорогой! — улыбнулся Зураб, вручив два стольника, затем вытащил из кармана брюк мобильник. — Надо жену предупредить, что задержусь. Здравствуй Ниночка! Я у друга, задержусь на десять минут... Нет, не волнуйся, меня такси ждет у подъезда... Да, внизу. — Покачиваясь, он спрятал телефон в карман и, обняв Сватко, зашагал к нему.

Едва "друзья" скрылись в подъезде, рядом с "чайником" остановился джип. Аслан прыгнул на черный асфальт и закурил. Держа сигарету между пальцев, он подошел к такси и постучал по стеклу.

— Пассажира ждать не надо, — велел Аслан. — Уезжай!

"Шестерка" завелась, газанула и, осветив двор дрожащими лучами фар, поспешно убралась. Зураб появился минут через пятнадцать. Поддатый и в хорошем настроении. Запрыгнув в джип, он бросил:

— Все о'кей! Запомнили адрес?

— Конечно, — усмехнулся рулевой Нияз, а Аслан молча кивнул головой. — Все записал. Поехали!

Джип резво тронулся с места, а события прошедшего вечера остались по ту сторону тонированного окна.

Глава 1. Свежая идея

Лайнер компании "Люфтганза" сверкал на солнце серебристыми плоскостями. Прошивая голубизну чистого неба с легкостью швейной иглы, он оставлял вместо нити расходящийся воронкой шикарный белоснежный шлейф. Прodelав большую часть пути, самолет готовился к посадке, а где-то внизу, под пушистыми оде-

ялами белых облаков, его ждала посадочная полоса Франкфурта. Уверенный в себе смуглый господин среднего роста, расположившийся в кресле у иллюминатора, смотрел через толстое стекло и радовался красоте бескрайнего неба. Ему не было и сорока, но весь его вид говорил о том, что последние двадцать лет можно рассматривать как простую арифметическую прибавку, не отразившуюся на его здоровье. Под дорогим костюмом угадывалось атлетически сложенное тело, под солидность — собранность. Золотая оправа темных очков неплохо гармонировала с загорелой кожей, а дорогие часы и хорошая обувь подчеркивали изысканность вкуса владельца, завершая общее впечатление. Состоятельный господин был похож на удачливого бизнесмена, и в какой-то степени таковым являлся. Независимо от записанного в паспорте имени, человека звали Салим Ашраф. Мало кто в мире, кроме узкого круга людей и специалистов спецслужб, знал о существовании Ашрафа, а сам он совсем не стремился к рекламе. Работа, которой Ашраф занимался, плохо укладывалась в человеческое понимание, и уж совсем не вписывалась в политику мировой антитеррористической коалиции. Против таких, как Ашраф, направлена деятельность спецслужб многих стран мира, потому что он — практик, организовавший не один "громкий" теракт. Ашраф принадлежал к "Аль-Кайде" и много разъезжал по свету, налаживая контакты с представителями родственных организаций. Основной целью его организации являлось свержение светских режимов в арабских странах и установление там теократического строя с нормами шариата*, а в перспективе — объединение всех мусульманских стран в один большой Халифат. Последнее время он курировал Россию и страны бывшего СССР. Главное внимание представитель "Аль-Кайды" уделял дымящемуся войной Северному Кавказу, помощи и финансовой поддержке исламистских и сепаратистских режимов. Он направлял денежные реки, текущие из Турции в Чечню, потому что имел с турками прочные связи.

Ашраф отстегнул ремень безопасности и заглянул в иллюминатор. Позади бетонного поля, заставленного самолетами и яркими машинами obsługi, медленно плыло здание аэропорта. Чуть в стороне, на стоянке, в окружении автоматчиков, стоял самолет, совершивший техническую посадку. Из подкатившей к борту машины перегружали тележки с продуктами. Пассажиров, пожелавших глотнуть свежего воздуха, не пускали дальше верхней площадки трапа. "Бояться, шакалы! — с нескрываемым удовольствием подумал Ашраф. — Нас бояться..."

Плавное притормозив, самолет замер в конце полосы. К продолговатому телу подползла и присосалась пиявкой гармошка коридора. Суетливые пассажиры рейса забрали ручную кладь и потянулись к выходу. Выплеснувшись в длинные проходы, они заполняли их голосами, насыщали красками разноцветных нарядов. Ашраф поправил очки и, прихватив дипломат, направился к паспортному контролю. Без труда пройдя его, араб вышел в просторный зал, где его уже встречали. "Мерседес" с серебристыми лаковыми боками домчал его до гостиницы, в которой он обычно останавливался, посещая Франкфурт. Для Ашрафа был заказан номер, а в соседнем номере, снятом на чужое имя, его уже сутки ждал Абдурахман Аль-Хафид, известный по кличке Абу-Нидаль. Он являлся одним из руководителей "Аль-Кайды" и входил в Маджлис аль Шуру**.

Перелет несколько утомил Ашрафа, поэтому сначала он зашел в свой номер и, бросив дипломат, умылся холодной водой. Растерев лицо полотенцем, Ашраф прошел в комнату, потрогал кровать, заметил цветы на бюро и потрепанный томик Библии. Распахнув большие стеклянные двери балкона, он впустил в комнату свежий

*Исламское право. (Здесь и далее прим. автора)

**Консультационный совет, руководящий организацией и вырабатывающий главные решения.

воздух. Погладил цветы и швырнул Библию в шкаф. Затем вышел в коридор и подошел к соседнему номеру.

Абу-Нидаль принял Ашрафа тепло и, не тратя времени на болтовню, изложил цель тайного раута.

— Как вам известно, авиаатака на Нью-Йорк и Вашингтон являлась первой волной крупных терактов, направленных на нашего основного врага, — неторопливо и с должным достоинством начал он. — Но, как показала практика, Америка не усвоила горький урок. Она не сломлена и, как никогда, агрессивна. Она объявила войну всему мусульманскому миру, поэтому мы вынуждены продолжить практику крупномасштабного политического террора, чтобы враги захлебнулись в крови. Собственной. Нам нужен план глобального теракта-мести США и другим "крестоносцам". Кровавого и дерзкого. Такого, чтобы весь мир содрогнулся и погряз в темной пучине всеобщего ужаса и паники. Не знаю, что это должно быть: землетрясение, извержение вулкана... Может быть, наводнение или тайфун!

Ашраф понял, что четкого плана пока нет. Значит, его поиск поручен Шууре. Именно поэтому на встречу во Франкфурт прибыл человек такого высокого ранга, как Абу-Нидаль. Эти обстоятельства льстили Ашрафу, и как истинный араб выпавший шанс он собирался использовать максимально.

— У вас уже есть наметки акции возмездия? — осторожно осведомился Салим.

Картинно вознес руки к небу, Абу-Нидаль подтвердил догадку.

— Плана нет, и на его разработку есть полгода. Акция должна быть проведена одиннадцатого сентября — в годовщину уничтожения Всемирного торгового центра.

Ашраф нахмурил брови.

— Проводить акцию в сентябре слишком рискованно. Это может привести к неудаче, — осторожно заметил он. — Все спецслужбы США, а, может быть, и мира, будут начеку.

— Вы испугались ФБР и предлагаете отказаться от НАШЕЙ ИДЕИ? — жестко спросил посланник, сверкнув черными глазами.

— Зачем же? — хитро произнес араб, и прозрачная усмешка тенью скользнула по его губам. — Я этого не предлагал. Однако время и деньги, потраченные впустую, заведомо хуже хорошо спланированной и удачно проведенной акции. Мы обманем их ожидания и обведем спецслужбы вокруг пальца. Сломаем привычный стереотип мышления. И это собьет собак с толку! Теракт должен произойти не в сентябре, как все будут ожидать, а в середине ноября!

— В начале Рамадана? — понимающе заметил Абу-Нидаль.

— Возможно. Даже несмотря на то, что мы до сих пор не знаем, о каком именно теракте идет речь. Скорее всего, это будет ракетно-ядерный удар, нанесенный с территории бывшего противника США!

— Вы с ума сошли! Какая страна рискнет нанести ядерный удар по Америке? Китай, Северная Корея или Пакистан? — недоверчиво нахмурился посланник. — Для них это стало бы самоубийством. Нет, на это не пойдет ни одно правительство, ни за какие деньги. Кстати, о какой стране вы говорите?

— Пуск ракеты будет произведен из России! — с твердостью в голосе и наигранным пафосом сообщил Ашраф. Он чувствовал приближение своего звездного часа. — Из Москвы! Мой агент вышел на человека, располагающего данными о наличии в Москве секретной шахтной установки с межконтинентальной баллистической ракетой. Нет сомнений, что она нацелена на Америку. По нашим данным, ракета имеет ядерную боеголовку с разделяющимися частями.

— Кого же он завербовал? — восхищенно спросил Абу-Нидаль.

— Бывшего прапорщика, работавшего в той шахте, — пояснил Салим.

— А если это приманка русской контрразведки? Не слишком ли просто?

— Мои люди все тщательно проверили, — заверил Ашраф. — Провокация исключена. Благоприятные обстоятельства возникли совершенно случайно из-за излишней болтливости "шурави". А потом мы создали условия для первого контакта. К тому же агент говорил не только о ракете, но и о эвакуационной системе правительства. Это может представлять интерес не только для нас, но и для наших партнеров.

— Вопрос в другом — насколько верна полученная информация? Вы верите в такую возможность? — скептически спросил Абу-Нидаль.

— Почему нет?

— Со стратегической точки зрения, пусковые шахты в Москве — полная нелепица. Американские ракеты в первую очередь нацелены не на Кремль, а на шахты баллистических ракет, чтобы уничтожить их еще до пуска. Кто первый выбьет оружие из рук противника, тот и победит. Так зачем же рядом с Кремлем устраивать явную мишень, по которой будет заведомо нанесен первый удар?

— Московские ракеты не что иное, как оружие отчаяния руководства бывшего СССР, — пояснил Ашраф. — Оно предназначено не для обороны, а для мести, и с этим желанием Политбюро мы солидарны. Что касается вопроса — зачем, то ответ на него прост, как пустынный песок. О существовании московских ракет не знает никто в мире! "Советы" были большими спецами по части конспирации и мистификации.

— Это безумие, но именно такие планы имеют шансы на успех и способны ошеломить противника. Нам помогает сам Аллах! — произнес Абу-Нидаль, вознеся хвалу небу. — Тщательно перепроверьте информацию и, если все подтвердится, начинайте готовить план. Кстати, акция должна иметь название. От этого тоже многое зависит. Назовем ее "Кара Аллаха"! Свяжитесь со мной, когда план будет готов. Подумайте об исполнителе. Полагаю, что мы не зря потеряли время. Хвала Аллаху!

Закончив смену, Сватко пожал руку сменщику и поехал домой. Приближаясь к собственному подъезду, он заметил джип с включенным двигателем, нагло стоявший напротив входа. Дверь джипа мягко щелкнула и распахнулась. На потрескавшуюся корку льда прыгнули модные ботинки. Прапорщик не собирался смотреть на их владельца, однако внезапный радостный возглас остановил его.

— Сашок! Привет, дорогой! — улыбался "крутой", хлопая черными глазами. — А я думаю, дай заеду!

Разведя руки для объятий, навстречу чоповцу шел Зураб, которого Сватко не сразу и узнал.

— О-о-го! — искренне обрадовался прапор. — А я и не подумал, что это ты на такой тачке подкатил! Тебе повезло — я как раз с суток иду, а ты бы разминулись!

— Значит — судьба, дорогой! Просто мимо ехал, думаю, дай зайду, а номер квартиры забыл! Решил подождать, вдруг с работы пойдешь. И ты появился! Точно судьба!

— Закрывай тачку — пошли на чай! — предложил Саша.

Но гость выдвинул иное предложение.

— Там у тебя жена, все такое... Лучше поедем в кабачок, перекусим, горло промочим, поговорим! Я как раз хотел с тобой насчет работы поговорить. Ты же не собираешься всю жизнь в охране сидеть? Расти надо, подниматься!

— Конечно, надо другую работу искать! — согласился Сватко и забрался на сиденье.

Джип, резво лавируя в гудящем потоке, быстро добрался до нужного места. Оно оказалось совсем рядом! "Паджеро" остановился у входа в ресторан со странноватым названием "Канарейка". Там Зураба ждал Нияз, туда же подтягивался и Аслан.

Эти парни часто сопровождали Зураба, держась рядом или на расстоянии и всегда прикрывая. Это часть их работы, за которую они получали хорошие деньги. Зураб и Сватко вошли в зал. В небольшом уютном помещении, поделенном столами и освещением на компактные зоны общения, мест почти не было. Звучала негромкая музыка, басовитая речь посетителей перемежалась с высокими нотами радостных женских голосов. Стучали вилки по тарелкам, тонко звякали бокалы. Бизнесмены тянули кофе и водку, оговаривая условия договоров. Любовники бросались страстными взглядами, гладили и целовали ручки. Подружки обмывали дни рождения, словно в их жизни они были последними!

— Слушай, может, еще куда-нибудь пойдём? — засомневался Сватко. — Тут с местами напряг.

— Не волнуйся, дорогой, найдем, куда присесть! Ты с работы, я с работы, оба есть хотим! Какие проблемы, друг!

Отыскав взглядом Нияза, Зураб проследил его указывающий кивок и уверенно шагнул к единственному свободному столику, забронированному заранее. Саша осторожно плелся сзади.

Подошел вежливый и улыбчивый официант.

— Что будем пить?

— Смотри сам, я в таких местах бываю не часто, — неуклюже выкрутился Сватко.

Вскоре принесли закуски, от вида которых потекла слюна. Рюмки наполнились коньяком. Сватко его понюхал.

— Да-а, это тебе не дешевый молдавский "Аист"! Это "Хеннесси"! — с гордостью ответил Зураб и поднял рюмку для тоста. — Давай, дорогой, за нас! Чтоб денег зарабатывали столько, сколько хотели! Кстати, нам в фирму нужны хорошие ребята. Лучше — бывшие военные, если есть знакомые. У них дисциплина не то, что у гражданских.

— У военных порядок! — согласился Сватко, заерзав на стуле в ожидании выгодного предложения. — Я сам бывший военный — прапором двадцать лет отрубил! Старшего получил!

— Да ты что-о! — обрадовался Зураб. — А я сразу понял, да спросить неудобно! Короче, есть у тебя кто на примете?

— Так меня и берите!

— Обижает, дорогой! — сконфузился Зураб. — Про тебя разговор другой, считай, что ты уже работаешь. Штуку баксов для начала тебе хватит? Потом знаешь, какие деньги зарабатываешь? Кого-нибудь из сослуживцев помнишь? Если ребята толковые, пусть работают. Но им только семьсот — восемьсот могу предложить. Ты извини, но больше пока не получается.

— Есть ребята, только специальность...

— Без разницы. Научатся, чему надо.

— Тогда Мишка Морошин, Серега Кокоскин... — наморщил лоб прапор, припоминая фамилии. Он назвал несколько фамилий, но интересующей Зураба среди них не оказалось.

— Что умеют? — спросил он.

— Электрики, механики... Компрессорщик один есть.

— А чтоб с аппаратурой мог работать — консультантом в торговом зале?

— Тогда Васька Шелепин! — не задумываясь, выпалил прапор. — У него руки золотые — любую аппаратуру знает! Его-то телефон я на память помню — столько лет вместе работали! Запиши, скажешь — от меня!

Зураб записал телефонный номер и спрятал листок в карман. Первую часть задания афганец выполнил. Вряд ли возникнут проблемы со второй.

К надвигающейся ночи заметно похолодало. Поднялся порывистый ветер. В парке у ресторана скрипнул тормозом "БМВ" без номеров. Открытые двери выпустили в темнеющий вечер трех молодых людей. Самый старший из них, по кличке "Верзила", двадцати семи лет от роду, лишь на мгновение задержался на ступеньке и первым скользнул внутрь. Словно тени приведенный, за ним последовали и остальные. Подозрительные гости могли вызвать обоснованную тревогу у охраны, будь она на улице. Но единственный секьюрити, по прозвищу "Пыжик", находился внутри помещения, поскольку его напарник, Костя-Боров, ушел в отгул для улаживания личных отношений с длинноногой официанткой Танькой Филатовой, у которой тоже случился внезапный выходной. А швейцар дядя Ваня вряд ли мог стать серьезным заслоном на пути нежелательных элементов.

— Минуточку! — строго и уверенно отфильтровал вошедших в зал гостей Пыжик. — Вы куда такие прикинутые собрались? — набычился он.

— А ты чего павлином ходишь — весь понтовый! Отойди — и не тронем! — пробасил один из визитеров.

Пыжик не послушался. Не потому, что рвался выполнять служебные обязанности, а потому, что гонор подвел. А к нему и дядя Ваня присоединился.

— Мы не к вам! — приблизилась щербатая физиономия. — Но если настаиваете... — Железный кулак влетел в лицо дяди Вани кеглей.

Потеряв опору, швейцар рухнул на пол. Пыжик не растерялся. Он заматерился и двинул ближайшего ухара в челюсть, вытащив дубинку, огрел и другого по спине. Но бетонный удар обрушился внезапно и вероломно. Пистолетная рукоятка угодила по голове. Можно сказать, что Пыжику повезло, поскольку парни не хотели поднимать шум и не выстрелили в него сразу же. Заглянувший на шум метрдотель открыл рот, чтобы что-то сказать, но потрясенный картиной бесцеремонного насилия, не смог произнести ни слова. Губы растекались по бледному лицу, а ноги сделались ватными и мягкими, как подушки. Проходя в зал, парни посоветовали ему не шуметь, приложив к губам не палец, а пистолет Макарова. Это возымело действие.

Посетители занимались своими делами и на вошедших внимания не обращали. Все произошло слишком быстро, чтобы праздные зеваки смогли что-либо понять. Щербатый поднял "Макаров" и заслониł выход. Верзила с подельником двинулись через зал. В их руках появилось оружие. Сватко испуганно глазел на бандитов, а взгляд Зураба сделался железным. Антрацитовые глаза источали холодный свет, но страха в них не было. Рука просилась под пиджак, но привлекать внимание нельзя. У него свое задание, которое нужно выполнить любыми средствами.

Верзила скрылся в служебном проходе. Двое других встали в диагоналях зала, удерживая публику на мушке. Первая пришедшая на ум мысль многим казалась самой логичной, хотя и не верной — их взяли в заложники. Однако судьба заложника непредсказуема и опасна, поэтому кто-то впал в панику, кто-то оцепенел от ужаса, а кто-то... Когда посетители начали вставать, бандит выстрелил поверх голов и выкрикнул зычно:

— Сидеть, падлы! Кто рыпнется — убью!

— Линяем! — прошептал Зураб, но Сватко не ответил. Он не мог поверить, что все происходит на самом деле. Щербатый уже приближался к ним.

— А ну сидеть! — рыкнул бандит.

Сватко испуганно шелохнулся.

— Сиди, — прошептал Зураб. — Спокойно, земляк. Давай мирно разойдемся. — А сам незаметно кивнул Аслану.

Грянул выстрел. Тонким колокольчиком звякнула о пол гильза, а в голове бандита зачернела дырка. Кровь окропила крышку стола. Сватко попятился и вскочил со

стула, а Зураб лишь отвел вооруженную руку падающего бандита. Оглушенный Сватко не видел, как чеченцы поднялись из-за столика у колонны, приняв боевые стойки. Следующим выстрелом Аслан уложил бандита на входе, расчистив отход.

— Пошли! — Зураб дернул Сашу за рукав и потащил в холл.

Услышав выстрелы, из-подсобки выскочил Верзила. Решительно и смело расталкивая вжавшийся в стены персонал, он вбежал в зал и выстрелил в толпу...

Женщины закричали. Кто-то упал, заливая пол кровью...

Но Верзила не учел один важный нюанс: к этому времени его дружки были мертвы, а самому ему суждено пережить их не больше, чем на пять минут. Нияз привычно вскинул пистолет и прицелился. Верзила, поджав ноги, повалился на спину. Общая паника и замешательство набирали обороты. Под шумок Зураб с Сашей выскочили на улицу и, запрыгнув в машину, быстро отъехали. Следом за ними поспешили и Аслан с Ниязом на "БМВ".

Подтаявший снег жадно впитал кровь. Порывы ветра силились перекатить стреляную гильзу на камне. Вокруг ресторана собралась кучка зевак. Милиция оттесняла слишком активных.

— Отойди, сказал, если по-хорошему не понимаешь! — рявкнул на любопытно-го сержант.

Милиция поначалу объявила перестрелку криминальной разборкой конкурирующих группировок, давая понять, что страшного ничего не произошло: подумаешь, братва между собой пошущукалась. С самого начала все казалось слишком запутанным, а дополнительный "висяк" никого не грел. Единственным желанием было скинуть дело на кого-то другого. Но опросы свидетелей и вывод майора Миронова с Петровки, приехавшего на поздний вызов, опровергли удобное мнение. По свидетельству очевидцев, противостоявшие стороны не были знакомы друг с другом, и стычка произошла, вроде бы, случайно

— ...Кавказцы сразу стрелять начали, — говорила полная дама лет пятидесяти, одетая в длинное черное платье с блестками.

— А когда охранника били, они сидели как ни в чем не бывало! — протараторила худая крашенная блондинка в короткой юбке.

— Нет, мужики, о криминальной разборке забудьте! — весомо произнес майор Миронов, приблизившись к толпе коллег.

— Тут что-то другое. Вернее, с одной стороны — может, и разборка. А вот с другой... — За спиной майора вежливо прокашлялся капитан-оперативник. — Те двое отъехали на "мицубиси-паджеро", — негромко сообщил он. — Сразу же, как в зале всё закончилось.

— Номерок есть? — без надежды поинтересовался Миронов.

— Нет, конечно, — отозвался капитан. — Двое других скрылись на "БМВ" без номеров. Судя по всему, это машина налетчиков. На ней они и приехали.

Майор хмуро хмыкнул:

— Кто тут налетчики, а кто робингуды, еще предстоит разобраться! А вообще — странная песня получается!

Работа продолжалась. Через десять минут к капитану подошел сержант и что-то шепнул на ухо.

— Чего там у вас? — спросил Миронов. — Что за шушуканье?

— Обнаружена брошенная "БМВ" без номеров, — сообщил опер. — Ребята поедут, посмотрят.

Майор кивнул и, заметив, что эксперт махнул ему рукой, отправился к нему. Криминалист обратил внимание на особенность, мелкую деталь, не свойственную обыч-

ным разборкам уголовников, когда палят без разбору направо и налево, нашпиговывая тела пулями, когда под шальным огнем гибнут случайные люди.

— Не слишком ли метко стреляют? — глядя на майора снизу вверх, произнес знакомый криминалист. — Все убиты выстрелами в голову. Но не в упор!

— Для урок — неплохие результаты! — согласился Миронов.

По свидетельству очевидцев, неизвестные открыли огонь в тот момент, когда бандиты намеревались убить аккуратно одетого чернявого мужчину, сидевшего за столиком вдвоем с товарищем. Майор надеялся, что ни ФСБ, ни ФСО к прилюдному расстрелу бандитов не имели отношения. Контрразведка работает тонко и незаметно, а сотрудники Федеральной службы охраны, случись что, не стали бы сбегать с места происшествия.

Майор вышел на ярко освещенное крыльцо ресторана и вдохнул ледяной воздух светлой морозной ночи. Вокруг лежал город — причудливое сплетение сверкающих красок. Ночь предстояла долгая и суетная. А еще — холодная.

Так уж выходит, что ничегошеньки в нашей жизни не случается просто так. На все должна быть чья-то воля, желание или что-то еще, пониманию не доступное. Исходя из этих нехитрых постулатов, подмеченных в жизни едва ли не каждым, вышло так, что убиенные в ресторане "Канарейка" братки уголовного сословия свалились на голову "канарейцев" по желанию одного конкретного человека. Конкретного — в смысле, пацана. Его звали Хасан, и был он типа бригадир. Именно Хасан послал "быков" разобраться с директором "Канарейки". Пацаны знали свое дело туго и уж точно договорились бы с неразумным администратором, но случилось то, что невозможно предвидеть. Когда Колька Жмых позвонил Хасану и сообщил, что все четверо безвременно почили в бозе, защищая уголовную ниву, бригадир не на шутку озлобился и пришел в явную ярость.

— Ты как узнал? — рявкнул он на Жмыха, с силой сжав хлипкую пластмассовую трубку.

— После ресторана они должны были со мной встретиться, — торопливо рассказывал Жмых. — А их все нет и нет! Я им по мобиле вызванивал, но там тоже пусто. Взял ноги в руки и айда в бабак. А там ментов, как мышей на элеваторе! Пацанов в черные мешки упаковывают вместо "Сникерсов". Прикинь расклад!

— Ты вот что, — быстро сообразил Хасан. — Покрутись там, послушай. Посмотри, что да как. Разузнай, кто их грохнул. Может, директор себе крышу из спецназа завел. Если так — мы его самого в землю уложим! Короче, понял прикуп?

Жмых понял. Опасаясь влезать за выставленные милицией кордоны, он при каждом удобном случае спрашивал всех, что произошло. Жмыху отвечали, хотя вряд ли он был похож на журналиста. Переписав адреса и проверив документы, посетителей ресторана начали отпускать, тогда Жмых подкатывался к ним и задавал одни и те же вопросы: кто стрелял, да как началось, куда побежали, да на чем приехали, приметы... Он работал не хуже оперативника угрозыска и к середине ночи имел довольно четкую картинку происшествия. Центральным ее планом было следующее: пацанов убили кавказцы. Значит, крышей из спецназа они быть не могли! После того, как уехал последний милиционер, Жмых наведался к измотанному директору "Канарейки".

— Что за дела, что за кавказцы? Знаешь их?

— Не знаю! Они у нас первый раз! — устало отвечал полноватый мужчина в черном костюме. — Случайные посетители!

— Которые запросто братву мочат? — взорвался Жмых, припечатав ладонью по столу. — Если выясним, что ты их знаешь или специально нанял...

Браток замолчал, с трудом подбирая подходящие к случаю слова. Нашел лишь одно:

— Закопаем!

Все работники "Канарейки" в один голос подтвердили, что завсегдаями ресторана эти кавказцы не являлись и, скорее всего, оказались там случайно. Только Жмых не торопился верить в то, что кто-то мог "начаянно" застрелить отвязных пацанов. Они — могли! Но чтобы их... Очнувшийся дядя Ваня с трудом припомнил, что мужик, из-за которого убили братков, тоже кавказец или азиат, приезжал на темном "пад-жеро". Около входа тачку ставил. Официанты подтвердили, что за столиком они сидели вдвоем с приятелем — русским. С теми двумя, что открыли стрельбу, не общались и вообще не знакомы. Что уж там у них получилось, никто из работников ресторана предполагать не хотел.

Жмых все передал Хасану. Помянули пацанов. Обсудили происшествие. Под водочку всегда лучше думается. Обещали найти и отомстить. Все как обычно. К ночи, по причине позднего времени, братки разошлись по домам. Будет день — будут и разборы.

Глава 2. Игра "в бутылочку"

Захватив в плен ветеранов, Марошина и Шелепина, которых назвал Сватко, Зураб подверг их форсированному допросу и подтвердил существование залегандированного под склады военно-технического имущества объекта "Поляна-6" с подземным пунктом управления и пусковой ракетной шахтой. Шестой по счету и... последней. Совершенно секретные данные о местонахождении объекта стратегического назначения попали в руки международных террористов. Так просто. Обыденно. Без хитроумных комбинаций. Между прочим. Из диктофонных расшифровок записей допросов Ашраф узнал самое главное — "московская ракета" находится в шахте, и существует возможность её автономного запуска. Что и следовало доказать. Имея такие данные, нужно быть полным глупцом, чтобы не использовать их по назначению.

Не тратя времени понапрасну, Ашраф вылетел к Абу-Нидалю и имел с ним долгий разговор. Представитель Маджлис-Аль-Шуры был доволен расторопностью и умом Ашрафа. Араб ликовал — такого проекта не было ни у кого: ни у одного террориста, ни у одной террористической организации, ни в одном террористическом государстве! Ашраф будет АРАБОМ НОМЕР ОДИН! (После Хаттаба, конечно!) Разбросанные по миру финансисты "Аль-Кайды" нажали на невидимые рычаги, и потоки безналичных денег хлынули в виртуальные банковские каналы, наполняя их содержанием, накапливаясь и материализуясь в виде прессованных брикетов из долларов, заполнявших прочные хранилища, чемоданы и сумки. Для реализации неслыханной по наглости и сложности акции резервировались деньги, оседающая на "чистых" счетах известных европейских банков. Подготовка акции "Кара Аллаха" раскручивалась мельничным жерновом, готовым поглотить миллионы долларов и миллионы человеческих жизней. Но теперь Ашрафу предстояло самое трудное и не менее ответственное дело — найти исполнителей, способных совершить задуманное. Это должны быть особенные люди. Нет, даже не люди, а скорее — роботы, не ведающие страха и сомнений, готовые не только выполнить приказ и умеющие не только хорошо стрелять. Найти тщательно скрытую и нелпохо оберегаемую ракетную шахту, нейтрализовать охрану, подключить законсервированное оборудование, наладить энергопитание... Сделать десятки или сотни подготовительных операций и, в конце концов, отправить ракету в последний полет! Нет, люди этого сделать не могут! Для решения такой задачи нужны суперлюди или суперроботы с десятком пятых Пентиумов в черепушках, а не только стальными мускулами и автоматами за спиной. За их

поиски Ашраф взялся с завидной энергией и полной отдачей. Задача оказалась намного труднее, чем предполагалось сначала. Оказалось, что можно найти десятки людей, способных совершить теракт в любой стране мира и без зазрения совести взорвать начиненную рублеными гвоздями бомбу в людном универсаме. Но они будут ливийцы. Можно подобрать группу боевиков, способных взять штурмом ОВД Грозного, уничтожить колонну федеральных сил, взять заложников во время мюзикла, взорвать Макдоналдс в Москве или захватить школу в Беслане... Но это будут в основном чеченцы. Можно найти людей, которые без проблем доставят партию наркотиков в Европу и обратно, а на вырученные деньги купят тонны взрывчатки... Но это будут не те люди. В конце концов, можно найти не один десяток полоумных шахидов, желающих умереть во благо ислама или своей семьи... Но такие живут в Палестине. Можно найти много людей. Но все они малоработные бандиты и уголовники, не пригодные для проведения уникальной акции. Вывод Ашрафа оказался неутешителен и очевиден — выбирать придется из двух зол — или русские бандиты или чеченские боевики. Иностранцы, не знающие страны, с задачей не справятся и проигрывают, оказавшись, в лучшем случае, в Лефортовской тюрьме. В худшем — на небесах. Кроме всего, что кандидаты должны уметь, они должны ценить деньги. Другие стимулы не нужны. Еще условие — уметь мыслить масштабно и в точности выполнять отдаваемые приказы. Вряд ли бандиты на это способны. Но и этих качеств явно недостаточно. В который раз Ашраф приходил к одному и тому же: успех операции заключается в людях. Главная трудность поиска состояла в том, что, соблюдая необходимую секретность, Ашраф не мог говорить открыто, а те люди, с которыми он беседовал, не могли назвать подходящие имена, потому что не знали конечную задачу. Недомолвки и недосказанность многократно усложняли поиск, замыкая его в порочное кольцо. Выход из него — связующий мостик — Ашраф нащупывал предельно осторожно, очень тонко формулируя требования к кандидату. Не стоило забывать и того, что большинство собеседников Ашрафа — настоящие подонки, бандиты и убийцы, довериться которым невозможно. В противном случае, он рисковал легко нарваться на внедренного агента спецслужб и закончить свое европейское турне в одной из тюрем. Тщательно отсортировав кандидатов, Ашраф оставил в списке всего несколько имен. Учитывая ситуацию, это не очень много, но и не слишком мало. По обоюдному согласию, последним в нем значился не мусульманин.

Утренним рейсом Ашраф прибыл в Грузию. После полудня надежные люди проводили его в Панкисию. Узел преткновения между Россией и Грузией, в котором он рассчитывал найти то, что искал, представляло собой красивое зрелище. Наступавшая весна обновила краски, добавив в палитру зеленого. Где-то там, в укромном месте, защищенном надежной охраной, Салима ждал человек. Первым в коротком списке Ашрафа стоял Хамид — чеченский полевой командир. Через Хамида текли деньги арабских спонсоров, а сам он не раз планировал и осуществлял самые дерзкие операции и теракты против федеральных войск. Именно с этим человеком должен встретиться посланник "Аль-Кайды", тем более, что имя Хамид означает — Победа. Несмотря ни на что, Ашраф считал его не лучшим вариантом, потому что акция "Ка-ра Аллах" требовала набора определенных качеств, способностей и, главное, возможностей, в наличии которых у Хамида Ашраф обоснованно сомневался. Но, уступив своему помощнику Насеру, он не стал сбрасывать со счетов "проверенного борца за исламский ваххабизм", потому что двигателем "идей" кандидата являлись деньги. Это одно из условий отбора. После продолжительного и непростого разговора с Хамидом Ашраф окончательно понял, что тому легче организовать контрастную операцию на федеральные силы, нежели провести тайную операцию в Москве.

На следующий день Ашраф и Насер вылетели в Турцию.

Через несколько дней Салим встретился с Азаматом, бывшим советским гражданином. Армянину по национальности когда-то удалось угнать самолет из СССР и избежать выдачи властям. В Союзе ему грозила смертная казнь, но отсидев небольшой срок за нарушение турецкого воздушного пространства, Азамат остался в этой теплой стране. Чем он занимался в действительности, будучи торговцем, турецкие власти не знали, да, видимо, и не хотели знать. Зато знал Ашраф. Азамат сошелся с "родственной" "Аль-Кайде" радикальной группировкой, в которой слыл знатоком минно-взрывного дела. После встречи с ним Ашраф понял, что Азамат — террорист-одиночка, а не руководитель мобильной группы профессионалов. Он не сможет создать команду, способную решить поставленную задачу. Азамат не тот человек, который нужен.

Ашраф расстроился. Время шло, но кандидат не находился. В России ждал указаний командир московского джамаата "Аль-Кайды" Зураб с командой, но и он не мог повернуть столь масштабное дельце. Ужиная в ресторане при отеле, Ашраф поделился с Насером некоторыми мыслями.

— Ни один из кандидатов не соответствует нашим требованиям. Есть смысл не тратить больше время на встречи со "списком". Это долго и неэффективно. Нужно переговорить с тем, кого мы держали про запас.

— Хирон? — уточнил Насер, отправляя в рот лаково блестящую маслину. — Русский?

— Почему нет? — воскликнул Ашраф. — Я слышал это имя. Если это тот, на кого думаю, у нас появится шанс.

— В конце концов, мы ничего не теряем, — ловко орудуя вилкой, согласился Насер.

— Кроме денег за билет! — рассмеялся Ашраф.

Шутка показалась Насеру очень остроумной.

— Вопрос в том, подойдет ли русский нам. Кстати, что означает слово — Хирон?

— Астероид, заброшенный Аллахом где-то между Сатурном и Ураном, — пояснил Ашраф. — В нашем случае это ничего не означает. Просто конспиративная кличка.

Каледин заканчивал совещание, когда тревожной нотой звякнул телефон оперативной связи.

— Извините! — бросил присутствующим полковник и, повернувшись к телефонному столику вполоборота, поднял трубку. — Полковник Каледин! — по-военному четко представился он. Обычно во время совещаний полковник не отвлекался на звонки, а просил перезвонить позже. Но сейчас он внимательно слушал невидимого собеседника, не отсылая его "на потом", лишь иногда бросая в микрофон короткие уточнения:

— Так... Когда это было?... Возможно... Нет, не думаю... Постараемся, но вы сами понимаете... Хорошо... Конечно...

— Наверное, начальство, — прошептал на ухо соседу майор Игнатов.

— Что-то стряслось, — предположил старлей Боря Круглов.

Вспользовавшись внезапной паузой, люди за длинным полированным столом расслабились и негромко переговаривались.

Игнатов был недалеко от истины — начальнику звонил полковник Каноненко. Суть сводилась к тому, что к Каноненко обратился его подчиненный — майор Морозин: у него пропал отец. Примерно в то же время ушел и не вернулся друг отца — Василий Шелепин. Сначала думали, что старые друзья — бывшие сослуживцы, вместе слиняли на охоту или рыбалку, но вся их амуниция осталась нетронутой дома. Поэтому предположения оказались мрачными. Родственники обратились в милицию, но

те с розыском не особо торопились — у них другой работы хватает. А мужики до сих пор не нашлись...

Каледин опустил трубку на глянцевый аппарат. За столом смолкли, выжидающе глядя на шефа.

— Поступила информация. Неприятная, как всегда, — четко произнес Каледин. — С разницей в два дня, ушли из дома и не вернулись два бывших сотрудника. Пенсионеры. Ветераны. На гражданке работали в разных коммерческих структурах. Их родственники обратились в милицию с заявлением, но найти людей не удалось. На здоровье мужики не жаловались — еще молодые. Любовницы и прочее — отпадает: у всех нормальные семьи, взрослые дети, у одного — внушка. О сомнительных связях не говорю. Большими деньгами не ворочали. В общем, обычные наши мужики. Милиция отреагировала неохотно, но после вмешательства УСБ* заявление приняла. По одной из версий, пенсионеров могли похитить чеченцы. Возможные мотивы — получение выкупа, оказание давления на федеральные власти или Службу. Как обычно. Возможно, что заложников хотят обменять на бандитов. Однако до сих пор никаких известий нет, а требований не выдвинуто. Розыском пропавших без вести людей занимается милиция, но прошу всех обратить внимание на любую оперативную информацию, способную помочь. Своим мужикам надо помогать — сами когда-то окажемся на пенсии! И второе. Надо посмотреть на происшествие в плоскости сегодняшнего совещания. Оперативная информация о возможности проведения крупномасштабного теракта не содержит указания о месте его реализации. Это может быть как Чечня, так и центральная часть России, Москва. На это нужно обратить самое серьезное внимание! Да, и вот еще что. Недели три — четыре назад... Примерно тогда же, когда пропали ветераны, проходила информация о перестрелке в ресторане "Канарейка". Кто не помнит — напомним: неизвестные кавказцы застрелили рэкетиров. Но что характерно — для простых уголовников стреляли они слишком метко. Муровцы советовались — не наши ли это ребята отличились. Подключалось УСБ, но причастность наших сотрудников не подтвердилась. В свете последних событий, не исключено, что два эти происшествия связаны между собой. Примите к сведению.

Появление в городе неизвестной группы, стреляющей с меткостью спецназа, и необъяснимое одновременное исчезновение двух сотрудников органов, хоть и бывших, серьезно беспокоило полковника Каледина. После звонка Миронова он, конечно, передал информацию военным контрразведчикам, "окучивающим" чеченских диверсантов-террористов, настойчиво засылаемых в центральную Россию. Но данных по группе не имелось.

Каледин набрал номер майора Миронова, но кабинетный аппарат не отвечал. Поймать муровского сыщика удалось лишь на мобильном телефоне.

— Михалыч, добрый день! Это Каледин! Ты как всегда на месте не сидишь!

— Здравствуй, Михаил Юрьевич! — откликнулся сыщик. Характер фоновых шумов подсказывал, что он едет в машине. — Отдыхать нам рановато! Есть еще дела! Какие трудности?

— По перестрелке в ресторане, помнишь? — напомнил Каледин. — Меня интересуют кавказцы. Удалось что-то найти?

— Мало, — признался Миронов. — Установили, что стреляли из "беретт", но в нашей гильзотеке пусто, как в церковном амбаре. Описания общие, смазанные, плюс шок свидетелей, поэтому фотороботы получились никакие.

— А кого они прикрывали — выяснили?

*Управление собственной безопасности ФСБ России.

— Глухо, как в танке! — безрадостно констатировал майор. — Убитых установили — они, по слухам, крышевали ресторан. Один обколотый был, может, поэтому и сорвались на стрельбу. Директор молчит, как партизан, твердит, что не знает, зачем братки приходили. В общем — тухло! — тяжело вздохнул Миронов. — А чего интересуешься?

— У нас двое ветеранов пропали примерно в то же время, — ответил Каледин. — Вот и спрашиваю... Ну, будь здоров, время найдешь — звони, пивка попьем, покалякаем на вольные темы!

В аэропорт Шереметьево Зураб приехал за час до прилета. В ожидании рейса он бесцельно болтался по этажам, рассматривая товары в коммерческих палатках и коротая время. Он встречал Ашрафа. Наконец объявили, что самолет приземлился, и вал ожидающих хлынул в зал прилета, заполняя его громким гомоном. Зураб занял удобную для наблюдения позицию. Чтобы видеть строй прибывших пассажиров и не пропустить гостей, он встал ближе к стеклянной двери. Ашрафа Зураб узнал сразу, а секундой позже вычленил из толпы и его помощника Насера. Они поздоровались, как старые друзья, и отправились к стоянке, где под присмотром чеченцев Зураб оставил джип. Гости уселись в "паджеро", машина набрала скорость. Аслан и Нияз ехали следом в обыкновенной "девятке" с московскими номерами, купленной по доверенности.

— Вы уверены, — серьезно начал Ашраф, — что люди, у которых вы черпали информацию о ракетах, не успели сбежать в ФСБ и рассказать о вашем любопытстве?

— Более чем! — самодовольно хмыкнул Зураб. — Они не смогли бы это сделать, даже если бы очень захотели. Их уже нет.

Насер недоуменно посмотрел на афганца.

— Что вы имеете в виду?

— Их допросили и убрали, — спокойно ответил Зураб. Он даже удивился, что вынужден отвечать на такие вопросы.

— А если понадобится их помощь? — недовольно заметил Ашраф. — Вы не поторопились?

— Ни в коем случае. Кроме того, у нас есть агент, который дал нам имена и телефоны. Это он приговорил "чекистов". — На этом месте Зураб скривился в кислотной усмешке и, предвзято возможный вопрос, добавил: — Ашраф ничего не знает. Мы используем его втемную. Но если понадобится, не будет большой проблемой заставить его сотрудничать с нами: или за деньги, или под давлением компромата.

Слушая Зураба, Ашраф лишь утвердился в мысли, что этим головорезам-чеченцам поручать операцию нельзя. Афганец тоже не годится. По многозначительному взгляду Насера Ашраф догадался, что и его помощник разделяет то же мнение.

— Хорошо, — проговорил он, дослушав рассказ до конца. — На завтра у нас назначена встреча. Твоя задача — безопасность переговоров. Мы почти не знакомы с тем человеком и не можем знать, что у него на уме, поэтому твои люди должны быть все время начеку. Не стоит забывать, что мы не у себя дома. Вам хватит времени на подготовку?

Зураб согласно кивнул.

— Когда и где? — уточнил он, покачиваясь в такт с дорожными неровностями.

— Вечером, в отеле "Золотой колос", — назвал Ашраф.

— Почему не в "Рэдисоне" или другом приличном месте? — скривился Зураб. — На худой конец, там есть "Космос".

— Мне не хочется светиться в местах, где полно спецслужб и полиции! Дорогие отели — именно такие места.

— Это не лишено смысла, — вынужденно согласился Зураб. — Но проблемы могут возникать и в дешевых отелях.

— В дешевых отелях они стоят дешевле, — пояснил Ашраф, улыбнувшись одними губами. — К тому же твоя задача избавить нас от любых проблем с аборигенами.

В то время, как "афганский грузин" по имени Зураб вез важных ближневосточных гостей из Шереметьево в Москву, попутно описывая обстановку, а Аслан с Нязом тряслись в старой "девятке" позади них, в противоположном секторе столицы произошла встреча иного рода. Нельзя сказать, что она не касалась никого из вышеперечисленных людей. Касалась, и даже очень. К палатке со скромной надписью "Изготовление ключей и заправка зажигалок" вблизи строительного рынка подкатил черный джип. Уткнувшись носом в стену, он замер молчаливым слонем. Скушавший в отсутствие клиентов ключных дел мастерской глянул сквозь мутное стекло и, узнав машину, выкатился в проем двери. Мастера так и звали — Ключник. Водитель джипа с лицом боксера прыгнул на землю и, небрежно толкнув дверцу, направился к палатке. И водитель, и палаточник были знакомы давно, оказывая друг другу взаимные услуги, а свела их зона общего режима, в которой оба отбывали назначенное судом наказание. После освобождения кореша "встали на ноги", продолжая и развивая свои криминальные способности. Хасан собрал группировку зоновских отмороzków и выкачивал деньги из тех, кто, по его выражению, "давал слабину". Ключник же, слышавший на зоне неплохим слесарем, на воле основал созвучный способностям малый бизнес, изготавливая ключи желающим открывать замки. Желающие попадались разные. Замки — тоже. "В свободное от работы время" Ключник приторговывал боеприпасами и мелким стрелковым оружием. Именно это направление его криминального бизнеса привело сюда сегодня бригадира.

— Здорово, братуха! — произнес Хасан голосом, жестким, как стальная проволока.

— Здоров, здоров! — ощерился желтозубой улыбкой Ключник. — Какими судьбами в наших краях?

— Решил навестить старого кореша! — хитро ухмыльнулся Хасан, крепко пожимая протянутую ему прямоугольную ладонь. — Базар к тебе есть.

— Тогда пойдем в хату, — пригласил Ключник.

— Слышал, как "чурки" моих пацанов положили? — без предисловий поинтересовался Хасан.

— Болтали, — уклончиво ответил слесарь на все руки. — И что — вычислили?

— Ага — во все рыло! — со злостью рыкнул Хасан, нервно зашагав по тесному помещению. — Я к знакомым мусорам обращался, они стукнули, что стреляли из "беретты". А на Москве такие стволы не часто встретишь. Сам знаешь — тут больше "Макары" да "ТТ" котируются, потому что бабок меньше тянут и с "маслятами" без проблем. Я обехал пацанов, кто "железяками" торгует, но у них такой экзотики нет. Тут мне про тебя напомнили. Мол, под заказ ты можешь все сделать...

— Был такой заказ, — начал Ключник, аккуратно расставляя слова. — Один коммерсант заказал три "беретты", но реально взял только одну. Пара зависла — всем дорого, а мне товар надо скидывать. Вышли на меня чеченцы — просили помочь землякам. Приехали двое "зверей" и без торга обе "беретты" забрали, плюс "тэшка" с глушаком-самопадом.

— Я вот что думаю, — задумался Хасан. — Раз "звери" стволы не сбросили, значит, они при них. Рано или поздно им патроны понадобятся. А "импортом" на Москве только ты да еще несколько пацанов торгуют. Я их уже предупредил. Но раз "звери" у тебя отоваривались, то верняк — к тебе в следующий раз и обратятся! Короче,

так, братан: если обратятся — звякни мне или Кольке Жмыху, чтобы мы на них поближе посмотрели. Лады?

— Без проблем! — легко согласился Ключник.

Ровно к назначенному времени в вестибюль гостиницы "Золотой колос" вошел ладно скроенный молодой мужчина лет сорока, высокого роста и с мужественным лицом. Его серые глаза поражали глубиной и цепкостью. Несколько широкий рот с тонкими губами не вызывал неприятия или антипатии. Короткие светло-русые волосы образовали залысину на макушке, и к пятидесяти годам грозили потеряться совсем. Но человека это не удручало. Мужчина предъявил паспорт дежурному и назвал номер комнаты. Охранник провел пальцем по листку с телефонами и, остановившись на указанном, набрал номер. В "люксе" Ашрафа зазвонил телефон. Зураб снял трубку. "Извините, это дежурный, — услышал он в трубке. — Вы ожидаете Андрея Вольского?" "Да, конечно!" — ответил афганец и беззвучно кивнул Ашрафу.

Вольский поднялся на второй этаж и зашагал по коридору. Неподдалеку от нужного номера к стене прислонился кавказец. Вольский без труда определил в нем охрану, что немедленно и подтвердилось. Едва он приблизился к Аслану, как тот выпрямился и, тронув посетителя за рукав, бросил:

— Вам направо.

Вольскому нужна была комната слева, но он не стал противиться. Толкнув дверь, мужчина вошел в номер, где наткнулся на Зураба.

— Здравствуйте! — дружелюбно произнес афганец. — Извините, но мы должны вас проверить.

— Валяйте, раз должны! — усмехнулся Вольский, подняв вверх руки.

Умело и бесцеремонно Нияз обыскал посетителя, но ничего опасного не нашел.

— Идите за мной, — велел Зураб и пошел первым.

Позади молчаливым конвоем шел чеченец. Вольский чувствовал его дыхание, но почти не раздражался. И страха не было — он умер много лет назад. Перед номером Зураб остановился и, постучав, скрылся за дверью. Через несколько секунд вернулся. "Входите", — пригласил афганец, предупредительно освободив проход. Сохраняя полное спокойствие, Вольский шагнул вперед, не зная, что может ждать его за стеной. Зураб прикрыл дверь. Навстречу Вольскому вышли два человека.

— Здравствуйте! — протянул руку холеный мужчина, одетый в хороший костюм и туфли. — Вы Хирон?

— Добрый вечер, господин Салим Ашраф, — сказал Вольский, глядя в прикрытые темными очками глаза.

— Мое имя Адиль, — поправил гостя араб.

— Хорошо, господин Адиль, — равнодушно согласился Вольский и улыбнулся. Он был доволен произведенным на араба эффектом. Первое впечатление запоминается лучше всего.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил Ашраф, не в силах скрыть обеспокоенность.

— Кажется, мы с вами встречались? В Боснии? — заговорил Вольский.

— Не припоминаю, — нахмурил лоб Ашраф. — Вы выступали на стороне албанцев? Но откуда вам известно мое имя?

— А имя Зоран вам ни о чем не говорит? — спросил русский серьезно. — Для сербов — Зоран, для албанцев — Хирон.

— Зоран? Это... вы? — не веря собственным глазам, произнес Ашраф.

Удачливый, смелый и опытный наемник Зоран был ему хорошо известен. Человек по кличке Зоран осуществил несколько успешных операций диверсионного ха-

рактера, планировал которые штаб Ашрафа. Но араб никогда не видел Зорана в лицо, потому что тот был осторожен и выходил на связь лишь через европейских посредников.

— Хотите выпить? — предложил он на правах хозяина и указал на столик, сервированный дорогим коньяком и фруктами.

— Предпочитаю перейти к делу. Так что вы хотите мне предложить? — без обиняков спросил Вольский.

— Сначала мы хотим просто побеседовать с вами, — поправил его Насер. — Чтобы понять, сможем ли мы сотрудничать.

— Только побеседовать? Чтобы понять? — удивился русский. — Всего лишь? Странно.

— Что вас не устраивает? — переспросил Ашраф.

— Вы проделали длинный путь по Европе, чтобы просто побеседовать со мной по душам? Может быть, вы священники или миссионеры? Почему-то раньше у вас не возникало желания беседовать с наемниками: вы платили деньги, и я делал за вас грязную работу. Что-то изменилось?

— Вы неплохо осведомлены, — заметил Ашраф и без всякого намека на угрозу добавил: — Я бы сказал, подозрительно неплохо.

— В Европе у меня есть друзья, — приоткрыл карты Вольский. — Они сообщили, что некие арабы ищут человека для выполнения сложного задания в России. Потом меня пригласили на встречу. Значит эти некто — вы и есть. Только и всего.

— Европа большая, а где живут ваши друзья? — уточнил Ашраф.

— Не помню, — улыбнулся русский. — Кажется, в Боснии или Косово! Какая разница — место не имеет значения! Сегодня мы живем здесь, а завтра — там! А послезавтра... — Араб понял, о чем идет речь. — Совершенно очевидно, что работать в России вам будет трудно, если не сказать — невозможно. Поэтому вы обратились ко мне. Разве не так?

— Все верно, — согласился Ашраф. — Нам нужен человек, умеющий мыслить, способный выполнить очень сложное задание. Но прежде, чем мы перейдем к делу, мне хотелось бы знать, почему вы — бывший советский военный, решили работать на нас — на мировой терроризм, как пишут в прессе?

— Мне нужны деньги, — пояснил личный интерес Вольский и обезоруживающе улыбнулся. — Так в чем состоит работа, господа?

— Требуется найти законсервированную межконтинентальную ракету с ядерным зарядом и осуществить ее запуск, — негромким голосом ответил Ашраф.

— Вы предлагаете мне прошвырнуться на Дальний Восток и захватить там совершенно неприступную ракетную часть с шахтами баллистических ракет? — скептически уточнил Вольский. — Надеюсь, что вы просто пошутили. Жаль потраченные на билет деньги.

— Не надо куда-то ехать! — предельно серьезно предупредил Ашраф. — Мы не шутим! Это и есть ваше задание. Шахта находится в Москве. И мы знаем, где.

— Шахта в Москве? — удивленно переспросил Вольский. — Вы опять шутите, но, по-моему, это не тот юмор.

— Отнюдь, — сосредоточился араб. — У нас есть точные данные. Шахта принадлежала КГБ и находится в Западном округе Москвы. Вас это устраивает?

— Что у вас есть? — включился в странную игру Вольский.

Арабы выложили на стол несколько листов бумаги и две одинаковых карты Москвы. Примерно в одном месте на обеих были нанесены неровные кружочки — все, что удалось выбить из взятых в плен пенсионеров. Информация озадачила бывшего десантника, имевшего, кроме собственного имени, еще пару кличек. Представлен-

ные арабами данные заставляли принимать возможность существования ракеты всерьез. Даже однопутная железная дорога, пересекающая Мичуринский проспект, нанесенная на карту чьей-то нетвердой рукой, говорила за это. Очень похоже, что "железка" предназначалась для подвоза замаскированного Изделия. Вдруг он задал неожиданный вопрос:

— Чекистов убили?

— Конечно! — усмехнулся Насер, считая это само собой разумеющимся. — Но остался третий, которого можно использовать по нашему усмотрению. Он знает детали, порядок доступа и запуска. Он знает, где найти необходимых людей. А почему вас это беспокоит? Жалуете?

— Я жалею? — усмехнулся Вольский. — Шутите! Беспокоюсь в плане безопасности: надежно ли спрятаны трупы. Если их найдут, то можете считать, что первую серьезную ошибку вы уже совершили.

— Какая вам разница, спрятаны ли трупы? — потребовал пояснений Ашраф. Он много времени провел в воюющей Чечне, и там подобные проблемы на первый план не вставали.

— Пропавшие без вести люди — это просто статистика. Но трупы чекистов с пулями в голове — образуют систему, которая станет первым звонком для контрразведки. Вам это должно быть понятно, — объяснил Вольский.

Ашраф что-то шепнул Насеру по-арабски, и тот вышел из номера. Через минуту он вернулся и ответил хозяину на том же языке. Араб помрачнел. Замечание русского показалось ему важным. Ашраф подумал, что недооценивал его. Этот парень во все не глуп.

— Вы правы, — сказал он. — Но не поздно все исправить.

— Это ваши проблемы, — заметил Вольский. — Вопрос в другом. Кто-нибудь кроме меня знает о вашей идее?

Арабы переглянулись, что не ускользнуло от русского.

— Если вы мне не доверяете, то лучше расстаться друзьями сейчас, — сказал он, поднимаясь со стула.

— Не горячитесь! — осадил его Насер. — Кроме вас, мы встречались еще с двумя людьми. Хамид и Азамат, если вам о чем-то говорят имена. Это надежные люди.

— Боюсь, нам не о чем больше разговаривать, — помрачнел Вольский. — Хамид обычный бандит и террорист, хоть и полевой командир. Его работа — заложники и взрывы. Азамат — просто подонок. Не хочу показаться грубым, но это не те люди, которые вам нужны. С большой натяжкой могу предположить, что Хамид сможет напасть на объект и взорвать его. Но он не запустит ракету. А Азамат... Я вообще не знаю, кто мог его вам рекомендовать! Это мелкий уголовник, одно время промышленный кражи и торговлей наркотиками. Он может взорвать в людном месте начиненную взрывчаткой машину. И не более того. Но то, о чем вы говорите, требует сложного планирования и применения специальных знаний, которых ни у Хамида, ни у Азамата...ни, извините, у вас самих нет. Когда-то я служил в спецотряде ВДВ и имею представление о таких делах. Нас готовили к захвату пусковых шахт, только не своих, а чужих. К тому же, я у себя дома, и если мне потребуется помощь — я ее легко получу.

— Сколько времени понадобится на разработку плана акции? — спросил Ашраф, выслушав аргументы собеседника.

— Не стоит забегать вперед, — предостерег от поспешности Вольский. — Ведь вам нужно выполнение задачи, реально сработавший план, а не просто строчки, схемы и стрелочки на бумаге, за которые придется отвалить немалые бабки. За них кто-то отдаст жизни.

— Хорошо, — согласился Ашраф, подводя итог встречи. — Будем считать, что вы нам подходите. Когда вы представите ваши соображения?

— Есть одно условие, выполнение которого вами определит мое согласие или отказ от сотрудничества.

— Что за условие? — насторожился Ашраф, предполагая, что речь идет о пороге суммы, от которой русский согласен "плясать". Других условий он ставить не смеет. Но араб ошибся. Вольский имел в виду не деньги.

— Я соглашусь работать, когда узнаю о смерти Хамида и Азамата, — жестким голосом сказал наемник.

— Вы с ума сошли?! — раздраженно прикрикнул Ашраф. — Хамид известный левой командир! С ним советуются в Чечне! И потом...

— Залог успеха — полная секретность, и вам придется исправить допущенные вами же ошибки. Встретимся через два дня после того, как я узнаю из новостей или интернета об этих двух людях.

— Вы не думали, что по тем же правилам сами можете стать лишним? В том случае, если мы откажемся от ваших услуг? — пригрозил Насер.

— Не следует угрожать малознакомым людям. Это может навлечь неприятности, — заметил Вольский и, подойдя к окну, пошире открыл створку. — Может, выпьем? — улыбнулся он и, взяв бутылку коньяка, поставил ее на тумбочку.

...Глаза снайпера совсем привыкли к полумраку комнаты. Он слился с оружием и теперь только ждал. В оптике прицела появилась голова Ашрафа. Араб что-то горячо обсуждал, а смертельная метка ползла по его лицу, словно черный ядовитый паук.

Укусить он мог в любое мгновение. Словно на круглом экране телевизора, в окуляре прицела двинулись и медленно поползли стены комнаты. Ашраф скрылся за черным полем. Теперь в центре нитей появился Насер. Тонкие губы араба шевелились, как у мультяшного героя. Тонкие пальцы подрагивали. На одном — большой перстень. Вероятно, дорого стоит. Насер жестикулировал и... исчез. Снайпер отстранил винтовку и несколько раз глубоко вдохнул. Время "4" подходило. Вспотевший палец сдвинул предохранитель. ...Вольский встает. Двигается через комнату к окну. Его лицо спокойно, взгляд сосредоточен. Вот он открывает створку, и поле зрения снайпера расширяется. Теперь сам он на прицеле, как на тарелочке. Снайпер поднял ствол и... задержался на голове. Вольский взглянул на улицу, но что он мог там увидеть, кроме несущихся мимо машин и бегущих по тротуарам людей? До них нет дела никому. Наемник поставил бутылку на тумбочку. Снайпер ловил каждый взгляд, движение, жест. Три смертельные галочки прицела вились беспокойными мухами, пока не опустились выжидательно. В белом светящемся круге четко видно прикрытое волосами ухо. Перевернутая галочка села на цель. Снайпер положил палец на рычажок спуска и слушал удары сердца. Через секунду в запертом номере пятого корпуса гостиницы "Золотой колос" раздался характерный звук. Будто оттянули затвор Калашникова, а затем резко отпустили. Так прозвучал выстрел. От резкого звука расколотого стекла Ашраф вздрогнул. Бутылка коньяка разлетелась вдребезги. Насер вскочил со стула, не понимая, откуда исходит опасность. Тумбочка и пол залились жидкой жидкостью, а в глазах арабов мелькнула искра смятения. Острые осколки пробитой пулей бутылки разлетелись по полу. Арабы догадались, что произошло. Все это время они находились на мушке снайпера, и если бы русский захотел их убить — не помогла бы никакая охрана. Отделавшись от первого шока, Ашраф выдавил:

— Что это значит?

— Никогда не считайте других глупее себя. Особенно противника. От этого вы только выиграете! — заметил Вольский, усмехнувшись. — Я же знал, с кем имею дело!

— Хорошо, мы с вами свяжемся, — мысленно уже считая Вольского единственным кандидатом, проговорил Салим.

— В течение месяца в поисковую систему новостей интернета я буду вводить два ключевых слова. Если интересующей меня информации не будет, я забываю о нашем разговоре. Забудьте и вы. — Прощаясь, наемник бросил между прочим:— Да, чуть не ушел... — улыбку на нем, замерев в дверном проеме, и кивком указал на вазу. — Поосторожнее с цветами, ребята! Они бывают вредными для здоровья. Аллергия! И привет вашей бдительной охране. — Вольский вышел в коридор и быстро удалился.

Выстроившиеся вдоль стены чеченцы проводили его недобрыми взглядами.

Для них он никогда не станет своим.

Следуя совету русского, Насер заглянул в керамическую вазу с цветами и... обомлел. На дне лежала исправная и готовая к применению ручная граната. Следовательно, в номер могли пронести все что угодно. В случае обострения ситуации Вольский мог бы нырнуть, скажем, под кровать и выудить оттуда хоть "калашников", хоть гранатомет. Зураб обыскал гостя, но не проверил само помещение, совершив вторую серьезную ошибку. Ашраф радовался, что оплошность чеченцев не привела к дурным последствиям.

А снайпер, прятаясь в соседнем корпусе, пронаблюдав, как Вольский вышел из гостиницы, быстро разобрал винтовку и упаковал ее в спортивную сумку. Из бокового кармашка вынул пистолет и сунул его за тугий брючный ремень. Лишь после этих приготовлений парень отпер дверь и спустился вниз. Следуя по условленному маршруту, он смешался с толпой и скрылся из виду. Через десять минут снайпер появился у нового выхода метро ВДНХ. Заметив синюю "ауди", он нырнул в открытую дверь. Парня со снайперской винтовкой звали Борис Обухов.

— Как прошли переговоры? — спросил он сидевшего за рулем Вольского. — Что-то интересное? Есть предложение? Не томи!

— Интересней некуда! — победно усмехнулся тот. — Арабы предлагают неплохую работенку — думаю, она потянет на очень кругленькую сумму!

— Кого надо пришить? Когда, почему и в какой стране?

— Мы должны запустить ракету с ядерной боеголовкой, — после паузы огласил задачу Вольский.

В тихом салоне комфортабельной "ауди" слышалось лишь размеренное тиканье движка под капотом.

— Ты чего — прикалываешься, что ли? — не поверил Обухов. — Какую, на фиг, ракету!

— Баллистическую, — спокойно ответил Вольский. — Какую же еще. — Он толкнул рычаг. Станция метро за окном плавно тронулась и уехала прочь.

Фиолетовое небо почернело до горизонта, а за ним едва проглядывали ранние звезды. Студеный лунный свет лился на крыши домов, оставляя в весенних лужах слитки расплавленного серебра. На пустыре у лесопосадок тихо и безжизненно. Припозднившийся "собачник" неторопливо прогуливал четвероногого друга, спустив его с поводка. Быстрая подвижная тень едва выделялась на черном подтаявшем снегу. Год назад бомжи забили здесь прохожего, до смерти запиная ногами. А их добыча составила всего-то: мобильный телефон, часы да немного мелких денег. Жизнь стала страшной, и многие люди старались обходить этот пустырь стороной. Только "со-

бачникам" и хорошо — есть где выгулять животину. Вдруг пес остановился, принялся, заскреб снег лапой и... залаял. Хозяин позвал его, но собака не подошла, продолжая рыть и лаять. Скомкав в руке поводок, мужчина приблизился к куче хлама.

— Не слышишь, что зову? — громко укорил он пса и, прицепив карабин к ошейнику, потянул. — Что ты на помойке нашел. Может, деньги или бомбу?

Но пес будто не слышал хозяина. Он рычал, скалил зубы и рвал поводок из рук. Такого с ним никогда не было.

— Сидеть! — жестко и требовательно приказал мужчина, и животное неохотно подчинилось. Осматривая груды досок и мусора, хозяин присел. Городской свет почти не доходил до этого места, и, чтобы что-то увидеть, потребовалось зажечь зажигалку. Вспыхнуло синее пламя, но и оно не давало света. Мужчина поджег клоч газеты, и оранжевое пламя легло на землю ярким пятном. Он наклонился, заглянул в глубь... Из-под досок торчал кусок кожаного ремня. Собачник потянул за него, но тот не поддавался. Пришлось скинуть верхние доски и потянуть ремень с большей силой... Вдруг мужчина выругался и испуганно отпрянул, едва не наступив на лапы овчарке. Из-под гнилых досок показались связанные брючным ремнем человеческие руки... Собаковод бросился домой.

Поздней ночью на пустыре у лесополосы царило оживление. На подступах к нему тревожно моргали проблесковые маячки милиции. При свете фар пробравшегося по бездорожью ОВДэшного УАЗика тело человека извлекли из-под мусора и освидетельствовали. Предварительный осмотр экспертов показал, что несчастный убит выстрелом в затылок с близкого расстояния. Перед смертью мужчина подвергся сильным побоям и мучительным пыткам. Документов при себе не имел. Оружие преступник не выбросил, не была обнаружена и гильза. После осмотра места преступления и составления протокола неопознанный "криминальный труп" отправили в городской morg. Несколько позже найденный на пустыре труп будет опознан. Погибшим окажется военный пенсионер Василий Шелепин, до сих пор считавшийся пропавшим без вести. По факту убийства прокуратура возбудит уголовное дело.

Глава 3. Лучший из лучших (Пророчество Рейнской Сивиллы)

Колеса огромного воздушного лайнера пробежали по посадочной полосе и, раскалившись от долгого торможения, замерли у белой отметки. Через открывшуюся дверь в пассажиров московского рейса пахнул теплый, влажный, пропитанный морем воздух. В курортное средиземноморье весна приходит намного раньше Москвы, а зима совсем не похожа на нашу. Два щетинистых парня, внешнею мало отличавшихся от жителей этого райского места, сошли с борта и, пройдя паспортный контроль, отправились на стоянку такси. Машин много, и таксисты зывали пассажиров с той же настойчивостью, с которой на рынке вам предлагают ненужный товар.

Тепло ласкового солнца просачивалось сквозь ажурную листву вечнозеленых деревьев. Игривые порывы ветра, благоухавшего морем, то и дело доносили возгласы толпы и голоса мальчишек, продававших свежую рыбу. Только Аслана и Нияза красоты природы не привлекали, так же, как и эти люди в пестрых одеждах. Лица чеченцев, опустивших на глаза забрала солнцезащитных очков, были суровы, строги и безучастны к бушующему вокруг пиршеству средиземноморской весны. В то время, как Ашраф и его помощник Насер отдыхали в баре отеля во Франкфурте-на-Майне и в ожидании Абу-Нидаля непринужденно обсуждали всплывшие проблемы, а "афганский грузин" Зураб тайными тропами пробирался в Чечню для встречи с верным че-

ловеком, чеченцы выполняли другое задание. Им предстояла встреча. Пропустив несколько машин, Аслан поймал такси, и они погнали по известному им адресу.

Добравшись до нужного места, чеченцы расплатились с таксистом и отпустили машину. Обнаружив телефон, они сделали всего один звонок. Услышав голос абонента, Аслан уточнил, тот ли это человек, и, получив утвердительный ответ, сказал обычную фразу:

— Вам привет от господина Адилья... Он просил передать, что предложение остается в силе. Стоит утрясти лишь детали с финансами. Он хочет встретиться. — В трубке слышалось глубокое дыхание. — Да, и еще. Адилья просил напомнить о том, что все контакты строго конфиденциальны. И не берите с собой ничего, что может испортить наши отношения. Вы меня понимаете?

— Не стоит напоминать! — низким дребезжащим голосом ответил абонент.

Когда ранние южные сумерки одели сушу в нежный багрянец, а морскую даль затянуло молочным туманом, чеченцы свернули к морю. Они шли долго и, миновав полосу прибора, приблизились к широкому, плавно поднимавшемуся из воды берегу, на котором лежала сохнувшая на солнце одинокая лодка.

Такое место Аслану подходило. Чеченцам не нужна массовка. Им нужен Азамат.

Армянин явился на встречу чуть раньше назначенного срока, чем спутал планы чеченцев. Нияза не было — он отошел к камням, чтобы найти место. Не увидев человека, с которым Азамат имел беседу ранее, он заволновался.

— Где Адилья? — настороженно спросил он, разглядывая неприятное лицо незнакомца. Армянину не понравилось, что вместо араба на встречу пришел какой-то головорез, совсем не тянувший на представителя мощной мировой организации. Такой скорее ограбит или убьет, чем отдаст деньги за работу. Внезапно, как блеск молнии, к Азамату пришла страшная догадка. Но она запоздала, потому что не могла ничего изменить.

Аслану пришлось действовать на опережение. Он знал, как убивать, не имея оружия, и предвидел такую ситуацию. Чеченец выбрал момент и, не целясь, нанес удар. Он увидел широкое гневное лицо армянина. Глаза противника горели зловецким огнем. Ясно, что Азамат так же поднаторел в убийствах, как и он сам. Поняв, в чем дело, армянин взорвался лопнувшей пружиной, обрушившись на чеченца всей затаенной мощью. Началась рукопашная. Противник был крепок, жилист и силен. Однако Аслан имел лучшую подготовку. Ребром ладони он полоснул армянина по горлу. Коленом бухнул в брюхо и одновременно ударил в корпус. Азамат не удержался. Тяжелое рыча, он врезался в камень и откатился. На лице появилось нечто вроде изумления. Но Аслан не дал Азамату откатиться далеко. Быстрый точный удар ногой под ребра перевернул его на бок. Изогнувшись, армянин отпрянул и столкнулся с ледяным взглядом нападавшего. Черная одежда растворяла тело в сумерках, а вместо лица — злое расплывающееся пятно. Но Азамат не торопился умирать. Он перевернулся, привстал и, поддев чеченца снизу, бросил так, что тот плашмя врезался в песок, едва не разбив голову о камни. Готовясь к новому броску, Аслан прорычал проклятия и выкрикнул:

— Нияз!

В то же мгновение он почувствовал, как неимоверная тяжесть навалилась на него сверху, стараясь раздавить, как Бог черепаху. Сильные пальцы армянина клещами вцепились в горло. Чеченец схватил руку за запястье и, пытаясь оторваться, резко изогнулся. Не тут-то было... Ноги бессильно бились о песок. Дыхание перехватило, в ушах появился странный шум, сознание меркло.

— Ния-я-я-з!!! — из последних сил хрипел Аслан, внезапно превратившийся из охотника в добычу.

Нияз не слышал звуков схватки — шум моря хорошо маскирует звуки. Но, заметив борьбу, бросился на выручку. Напарник не колебался и мгновенно выхватил нож, купленный по дороге. Молниеносный бросок, и... металл пронзил глотку. Светлая футболка армянина мгновенно потемнела от крови. Обеими руками Азамат схватился за горло и с хрипящим криком замертво рухнул на песок. Через некоторое время раздался всплеск воды: море приняло бездыханное тело, отправляя его в долгий, безвозвратный путь.

Полковник Каледин предполагал худшее, и когда его помощник подполковник Катышев доложил о трупе Василия Шелепина, почти не удивился. Только помрачнел, вздохнул тяжело и задал обычный вопрос:

— Что у милиции есть — узнавали?

— Ничего у них нет, Михаил Юрьевич! — ответил Катышев. — Оружие не нашли, гильзы тоже, пуля деформирована, калибр импортный... Ну и времени прошло порядочно. Если и были следы, то их затоптали собаководы. К тому же снег подтаял...

— Значит, ничего, — с досадой констатировал полковник. — Какие версии выдвинуты на сегодняшний день?

— Основная — убийство с целью ограбления, — сообщил Катышев. — Милиция на бомжей грешит, уже задержали нескольких, но те не сознаются.

— Конечно, не сознаются! — возмутился Каледин. — Ты где-нибудь видел бомжей с пистолетами импортного производства?! Они если и убивают, то попростому — забивают насмерть руками и ногами. Или палками, или ножом. Но пистолетом бомжи не пользуются — не та категория. Оружие денег стоит — откуда они у бомжа? Он если и найдет, так лучше пропьет, чем в кармане таскать будет.

— Участковый опрашивал жильцов из примыкающего к пустырю дома, но никто ничего не вспомнил, — докладывал Катышев.

— Я не удивлюсь, если завтра какой-нибудь бомж возьмет убийство на себя, — недовольно произнес полковник. — А заодно и все преступления в районе за отчетный период! — Импульсивным движением он сорвал с телефона трубку и, порывшись в записной книжке, набрал номер муровского сыщика Миронова. — Добрый день, Игорь Михалыч! Это Каледин! У нас проблема. Пропали два наших бывших соотрудника.

— Пенсионеры, что ли? — уточнил сыщик.

— Пенсионеры, пенсионеры, — подтвердил полковник. — Одного нашли на пустыре с пулей в голове. Второй пока не обнаружен, но, думаю, дело кислое.

— Сколько прошло? — уточнил милицейский сыщик.

— Больше месяца. Михалыч, ты не мог бы взять это дело под контроль, подтолкнуть по своей линии? А то боюсь, снова бомжа преступником объявят, посадят, и дело закроют.

— А ты что хотел? — усмехнулся майор. — Думаешь, сейчас, как раньше — из-за чекиста землю рыть будут? Тут такие крупные фигуры чуть не каждый день в подъездах расстреливают! Просто вал попер! Видано ли, чтобы среди бела дня губернатора расстреляли! Или зама мэра! Да где — в центре Москвы, на Арбате! А ты говоришь, пенсионер! Не обижайся, конечно, но я тебе как есть говорю...

— Ладно, Михалыч, не напрягайся! Помоги, чем сможешь. А в том деле о трупах в ресторане "Канарейка" фигуранты появились?

— Нет, я же тогда еще тебе говорил, что дело дрянь! — напомнил Миронов. — С десяток свидетелей, и никаких следов! Профессионалы. А что — интерес появился?

— Я к тому, что Шелепин убит выстрелом в голову. Тип оружия не установлен. Пуля в вашей лаборатории, говорят, деформирована сильно. Подозрение, что импортная. Узнай по-свойски. Понял, о чем талдычу?

— Ладно, попробую, — пообещал сыщик. — Но ничего не гарантирую. У нас тоже каждый сам в своем огороде командует.

— Все понимаю, — ответил полковник и, закончив разговор, повернулся к Катышеву. — Понял? И у них все поделено! Но обещали помочь. Кстати, узнал, где мужики работали?

— Шелепин из Главного управления специальных программ, а Морозин из оперативно-технического, — доложил подполковник. — Когда-то оба в "пятнашке" работали, в одном подразделении, а потом отдел сократили, людей разбросали в разные места. Помнишь времечко, когда перетряски начались?

— Было, — тяжело вздохнул Каледин. — Разломали все, козлы! А теперь иди — собирай все заново! — в сердцах бросил он.

В ущелье дул пронизывающий ветер. Горные склоны освободились от снега, чернея пятнами влажной расстрелянной всеми земли. Для встречи с агентом Зураб проделал дальний и опасный путь, но его появление не могло вызвать беспокойства чеченцев. Хамид знал Зураба лично, потому что тот не раз приходил в отряд с вестями и деньгами от Ашрафа. Зурабу пришлось долго говорить с полевым командиром, обсуждая насущные проблемы — обеспечения патронами до политики и нового президента Чечни ... Деловые разговоры с Хамидом закончились к вечеру, а до ужина посланник арабов сумел встретиться и переговорить с крепким колоритным бородачом с сильными жилистыми руками и зеленой повязкой на берете. Это — Агент. Мужчина был облачен в добротную импортную разгрузку, напичканную патронами и гранатами. На потрепанном ремне через шею болтался затертый до блеска калашников с подствольником. На поясе — пистолет, а из нагрудного кармана упругим резиновым усом торчала антенна радиостанции. Его звали Башир, но никто не знал, что бородач работал на Ашрафа. У Хамида он на хорошем счету, и это легко объяснимо — в отряде араб служил военным инструктором. Он учил чеченцев воевать и сам ходил на рискованные операции. Однако задание Ашрафа повергло бородача в шок. Когда афганец сказал, что следует сделать, Башир испуганно вытаращил глаза и замаха руками.

— Это невозможно! Меня просто убьют!

— Разве Адиль тебе не звонил? — уточнил Зураб, зная, что Башир допущен к телефону спутниковой связи и без подтверждения Центра никогда не исполнит такой приказ.

— Звонил и сказал, что ты передашь задание! — тупо подтвердил бородач.

— Тогда о чем разговор? — нажал Зураб.

— Вы не понимаете, тут везде охрана!

Но афганец твердо стоял на своем и поучал наемника:

— Сделай так, чтобы на тебя не пало подозрение. Подставь другого. Ты здесь, чтобы не только воевать. Аллах велит сделать то, что будет ему угодно. Ради Аллаха шахиды идут на смерть! — с продуманным пафосом вещал афганец. — Но тебе не нужно умирать. Аллаху не угодна смерть воина. Зато на твой счет будет положена большая сумма.

Упоминание о деньгах во многом разрешило душевные терзания инструктора.

— Сколько? — уточнил Башир, облизнув пересохшие губы.

— Пять тысяч.

Жадность и страх раздирали наемника изнутри, словно голодные демоны. Пять тысяч долларов — хорошие деньги, но очень незначительные, когда речь идет о ли-

квидации полевого командира. Столько можно заработать, подбив всего пять БТРов, а за один вертолет можно получить до десяти тысяч "зеленых". Башир даже слышал, что за сбитый МИ-26, в котором сто двадцать человек погибло, полевые командиры получили сто тысяч баксов. Наемник знал, сколько стоит война, и потому скорректировал цену по своему усмотрению.

— Этого недостаточно, — сказал он. — Кое-кому придется заплатить за молчание.

— Твоя цена? — не стал торговаться Зураб. В конце концов — деньги — дело финансистов.

Башир назвал цену. Афганец не допускал мысли о том, что араб и в самом деле кому-то заплатит. Тот, кому нужно заплатить, умрет вместе с Хамидом. Но он сделал вид, что поверил.

— Хорошо. Ты получишь эти деньги.

Под покровом ночи московского гостя проводили до границы.

Неделей позже передовой отряд Хамида выдвинулся к господствующим высотам. Тактика боевиков проста и отработана — для успешного ведения боевых действий нужно контролировать ущелье. Кроме того, Хамида интересовали позиционные оборонительные прорехи группы федеральных войск, укрепившихся на высотке. Неслышно пробираясь сквозь черный лес, отряд шел известной тропой.

Вдруг колокол тишины качнулся и раскололся взрывом растяжки. Бандиты не заметили натянутую в траве леску, отваренную нашими разведчиками в чае. Простая обработка снимала предательский блеск нейлоновой струны и окрашивала ее в малозаметный коричневатый цвет. Голь всегда на выдумки хитра, особенно наши мужики! Разведгруппа российских десантников выполняла задание, когда столкнулась с бандитами. В полной тишине взрыв прозвучал неожиданно, предупредив ребят о близкой опасности. Под ногами врагов затрещали сучья. Мгновенно оценив обстановку, пацаны из разведроты приняли бой. Бандиты стреляли наугад, прикидывая возможности и щупая силы противника. Зловещее "Аллах акбар!" вливалось в единообразный гул автоматных очередей, разрывов гранат, визга осколков и ответного русского мата. Башир понял, что настало его время.

— Убейте их! — надрывно прокричал Хамид, и десятки боевиков двинулись на горстку наших разведчиков, выпрыгивая из укрытий. Ошалевшее горное эхо спотыкалось о собственные раскаты. Пустошая магазины и разбрасывая гранаты, противоборствующие стороны долбили друг друга с упорством и целеустремленностью...

Несколько автоматных пуль сразили Хамида.

— Брат! Что с тобой! — воскликнул Башир, подскочив к командиру. — Эй, кто-нибудь! Ко мне! Помогите поднять!.. Бегом!..

Но неуловимый полевой командир был уже мертв. Башир не промахнулся.

Светлый апрельский вечер Андрей Вольский коротал за компьютером, попивая прохладное пиво. После разговора с арабами прошел почти месяц, и с каждым последующим днем вероятность того, что они снова объявятся, уменьшалась.

В очередной раз он набрал имя Азамат и, "кликнув" ПОИСК, потянулся за орешками. Отправив порцию в рот, Вольский глотнул пива и лишь после этого взглянул на экран.

Но что это! Компьютер выдал результат: найдено сразу с десяток сайтов с запрашиваемым именем. Отставив бокал, Вольский навел мышь на первый по списку и стукнул клавишу. В тексте бросилось в глаза жирно выделенное машиной имя — Азамат. Бегло пробежав заметку, Вольский почувствовал всплеск возбуждения. Непонятная радость охватила его, когда он прочитал о гибели Азамата. Не от того Вольский радовался, что справедливое возмездие настигло преступника через столько лет, а

потому, что это первый звонок Ашрафа. Вздуродраженный хорошей новостью Вольский схватил со стола телефон и набрал номер Обухова... У того оказалось занято. Он набирал снова и снова... Но линия отвечала короткими гудками. Вольский выругался и, отложив трубку, вышел на заметку арабского информационного агентства "Аль-Джазира"... Все то же самое, только в конце материала жирный вопрос: "Так кто же убил террориста?" Автор очень прозрачно намекал на возможную причастность к смерти Азамата неких спецслужб... Если б так и было!

Тишину тихой квартиры уколот тонкий звонок телефона. Не отрываясь от экрана, Вольский взял трубку.

— Это ты? — воскликнул он, узнав Обухова. — А я тебе звоню!

Вольский хотел обрушить на голову друга важное сообщение, но тот заговорил первым, не дав открыть рот.

— Беги скорее, включай первую программу! — прокричал не менее заведенный Боря. — Смотри новости! Потом позвоню!..

Вольский нажал на пуск, и плоский экран серебристой "Соньки" вспыхнул синевой. В кухню ворвались сводки с войны. "...в ходе проведенной федеральными силами спецоперации уничтожено девять боевиков, среди которых однозначно опознан известный полевой командир Хамид... Имеются потери и с нашей стороны..."

Вольский вскочил и в радостном порыве вскинул вверх крепко сжатый кулак.

— Е-есть! — прокричал он. — Мы их сделали! Сделали!

Через два дня после сообщения о гибели террористов Вольский встретился с арабами.

— Как видите, мы выполнили ваши условия, — сказал Ашраф. — Хотя не скрою, это было нелегко и недешево. Теперь мы с вами — один отряд.

— У нас говорят — одна команда, — поправил Вольский. — Перейдем к делу.

— Как вы осуществите акцию? — начальственным тоном спросил Насер.

— Об этом буду знать только я, — ответил наемник, вызвав по меньшей мере удивление партнеров.

— Мы так не работаем, — возразил Ашраф. — План нужно утвердить.

— Я так работаю, — уперся Вольский, вызвав раздражение арабов. — Я должен выполнить задачу, а не заниматься пустыми утверждениями несуществующего плана! Это не моя проблема!

После взаимных препирательств, Вольскому удалось доказать, что в данном случае нужно действовать именно так. После прений стороны подступились к обсуждению финансов.

— Двадцать миллионов, причем в евро, — назвал цену Вольский. — Полагаю, что после нашей акции американские доллары сильно упадут в цене. В течение пяти дней вы переведете половину гонорара на счет в Швейцарии, реквизиты которого получите. Оставшуюся часть сбросите после завершения операции. Деньги на накладные расходы — пять миллионов долларов и столько же задаток, вы переведете на другой счет.

— Для банковских операций это очень сжатые сроки! — воспротивился Ашраф.

— Иначе нельзя, — обезоруживающе улыбнулся Вольский. — Я должен убедиться, что имею дело с теми, за которых вы себя выдаете. Если с переводом указанных сумм возникнут проблемы — значит, вы не представители "Аль-Кайды" со всеми вытекающими обстоятельствами.

— Как мы можем быть уверенными, что, получив деньги, вы тут же не снимете их со счетов и не испаритесь в неизвестном направлении? — выразил озабоченность араб.

— Если я сбегу с вашими деньгами, то весь остаток недолгой жизни буду бояться каждого шороха и стука в дверь! Только ведь и вы, господа, не святые, — заметил Вольский. — Вы можете обмануть меня на любом этапе, а затем укрыться в пещерах Афганистана, Сирии, Саудовской Аравии, Турции или где-то еще и просидеть там безбедно до конца жизни. А мне спрятаться нигде. Весь мир не будет для меня убежищем! Вот в чем штука!

После того, как были заданы все вопросы и исчерпаны ответы, контракт скрепили рукопожатием, равносильным личной подписи под документом. Пути назад уже не было, потому что, кроме слов и взаимных улыбок, договор скреплен кровью Хамида и Азамата, а это гораздо серьезнее простого росчерка пера.

Точно в установленные сроки деньги арабов упали на указанные счета. Убедившись в этом, Вольский позвонил Обухову.

— Поздравляю, братуха! Копейка в ящичек упала!

— Правда, что ли?! — переспросил тот. — Не гонишь? А я до последнего сомневался, что арабы нас выберут и, тем более, бабки сбросят!

Через полтора часа компаньоны встретились на площади Индиры Ганди у Ломоносовского проспекта. Бросив машины у гостиницы "Университетская", "сподвижники мирового террора" отправились на пешую прогулку по славным историческим местам. На их языке это называлось разведвылазка, а по военному — рекогносцировка, к которой Вольский готовился со всей основательностью. Перед походом он тщательно прошерстил интернет, обращая внимание на все: от генерального плана застройки района, до заметок желтой прессы о подземных коммуникациях. Особенно порадовал новоявленного террориста майский номер газеты "Версия". Дотошные журналисты умудрились раздобыть карту Москвы с объектами ФСБ. Теперь, чтобы определить точное местоположение "Поляны-6", как называли объект погибшие чекисты, надо было лишь сопоставить два одинаковых куска карты города с неровными кружочками и пятнами крови на обороте с картой журналистов и спроецировать на реальную местность.

— Теперь из наемников мы с тобой переквалифицировались в мировых террористов! — усмехнулся Вольский, когда они с Обуховым топали по зебре через Мичуринский проспект. Подельник согласился, добавив, что никто не знает, кем окажется завтра, и куда могут привести неисповедимые пути.

— Наши пути — вот они!

Вольский кивнул на одинокую и странно смотрящуюся рядом с проспектами железнодорожную ветку. Две соединенные шпалами параллельные линии пересекали дорогу и через пустырь уходили в непролазные дебри промзоны.

— Лет сорок назад тут был сплошной пустырь и никакой цивилизации. Дорога идет к бетонному заводу, с которого брали материал для подземного строительства. Видимо, и появился-то он только для этого. Но задержался надолго — на десятилетия. Где-то рядом — вход в подземелья и спецтоннели. Из них — выход на пункт управления "Изделием". Выбранную породу увозили по этой же железке, по ней могли доставить и ракету. Но не доставили.

— Почему? — удивился Обухов.

— В целях обеспечения скрытности, к месту боевого дежурства "Изделие" доставили подземными дорогами.

— А простую дорогу не проще было подвести?

— Наверняка подвели, — предположил Вольский. — Во время стройки по ней ездили грузовики и техника, а по железке — сначала пустая порода, а затем — ракета. Чтоб не трясло. Но, по словам "чекистов", пункт управления находится на значитель-

ном расстоянии от пусковой шахты. Чтобы в случае взрыва ракеты на старте или при нештатной ситуации КП не пострадал.

— Странная логика, — усмехнулся Обухов. — Если рванет ядерная ракета, то погибнет пол-Москвы. Какой смысл спасать жизни трех чекистов из дежурной смены?

— Окстись! Обух! — Вольский толкнул приятеля в плечо. — Когда это у нас заботились о жизнях?! Спасают не трех человек из тысяч приговоренных, а оборудование КП!

Парни сошли с удобного асфальта и двинулись вдоль железнодорожной ветки.

— Что с бизнесом делать будем? — спросил Обухов, шурша сапогами по сухой траве.

— Продадим и закончим, — ни секунды не раздумывая, ответил Вольский. — Он нам теперь не нужен, хотя надежные пацаны понадобятся. Кстати, из накладных расходов надо взять деньги на тачки. Пора лошадей сменить!

Словно ниточка сквозь игольное ушко, железная дорога проскользнула через распахнутые настежь ворота с остатками былого забора, вопреки логике, одиноко поскрипывающего на ветру. "Железка" убежала дальше, а в стороне возник обнесенный стеной кусок территории. Вольский остановился, нашаривая в кармане сигареты.

— Как тебе нравится объект? — спросил он, закуривая от пляшущего язычка пламени. — Похоже, шахта здесь.

— Пока нравится. Интересно, нас здесь не повяжут? — ответил Обухов, не понимая, однако, каким все-таки образом Вольский собирается проверить оплаченное арабами дельце. Может, он решил взять деньги и свалить куда подальше? А что — тоже неплохо! Тогда чего ходить да смотреть?

— Если секретные карты в газетах печатают, то гулять мы можем, где захотим! Сдают позиции господ чекисты! — заметил Вольский, обводя взглядом достопримечательности местного ландшафта.

Пятнадцатиминутная прогулка вокруг да около увенчалась редким событием. Послышался близкий гудок тепловоза. От бетонного завода шел короткий состав. У ворот тепловоз остановился и гуднул еще раз. Створка тягостно закрипела и медленно сдвинулась, освобождая проход. Этих мгновений Вольскому хватило, чтобы заметить главное: объект вовсе не заброшен. Он по-прежнему охраняется, по сей день выполняя обязанности военного склада. Доказательством тому явились два парня в камуфляже и пистолетами на портупеях, выпустившие к поезду рабочих в черных робах. Они не догадываются, на какой бомбе сидят, и очень удивятся, когда где-нибудь посреди их объекта, заваленного ящиками и хламом, земля вдруг развернется и, открыв пасть, выпустит огненную геенну в виде ревущей и изрыгающей пламя зеленой сигары. Впрочем, многие из них не успеют удивиться. Вольский заметил, что бетонный забор внутри оборудован средствами инженерной защиты — на стальных Г-образных опорах вровень с высотой натянута колючая проволока. Чуть выше укреплена спираль Бруно с режущими бритвами-шипками. На отдалении — второй рубеж защиты — П100 — сетка, натянутая между фарфоровыми изоляторами. Напряжение — 3000 вольт!

— Не хило, — прикинул Вольский, выхватывая взглядом детали открывшейся картинки. — Не знаю как теперь, но когда-то все делали по уму.

— Склад, как склад, — констатировал Обухов. — Только "колючки" многовато, да с высоковольткой явный перебор. А так — не придерешься.

Чумазый машинист в растянутой майке до пояса высунулся из кабины и что-то прокричал. Рабочие подхватили с платформы по мешку с цементом и, с криком взвалив на плечи, пошли обратно. Состав тронулся. Ворота закрылись. Медлительной гу-

сеницей поезд двинулся к проспекту. По шпалам, следом за ним, зашагали и новоявленные мировые террористы.

— Какие соображения, идеи? — спросил Вольский.

— Если вход на пункт управления находится в спецтоннеле, на глубине десятиэтажного дома, то дело — швах! — заметил бывший десантник Обухов, имеющий достаточное представление о предмете. — Штурмовать правительственное метро — что с ножичком на танк идти. А докопаться сверху, чтобы тротилом рвануть, — никакого экскаватора не хватит. Подобраться к крышке шахты можно, перебив человек десять "складской" охраны, но бессмысленно. Что это даст, если проход на КП отделен от шахты почти метровой толщины дверью и коридором! А крышка двести тонн! Какой кран ее поднимет? По мне — так проще сразу с деньгами свалить! — Других мыслей у Обухова не было, потому что, в отличие от Вольского, бывший десантник не привык думать самостоятельно, прилежно исполняя приказы командира. Вольский весело рассмеялся. Он знал, с чего надо начинать и чем заканчивать. Имея два вкопанных в землю столба, легче строить забор. А для начала между ними следует натянуть прочный шнур, который укажет направление. И только в одном Вольский был солидарен с Обуховым: проведение операции "Кара Аллаха" невозможно без человека, хорошо знакомого с системой подземных коммуникаций шахты. Без него — все бессмысленно. Все напрасно. Заполучить такого человека нужно любой ценой. Связующим звеном между началом и окончанием операции, по мнению Вольского, должен стать невольный агент "Аль-Кайды" — бывший прапорщик Александр Сватко, которому Ашраф присвоил псевдоним — "Немой". Он стал частью чужой игры, но, пребывая в эйфорическом ожидании подарка с неба в виде больших денег, обещанных "другом Зурабом", своего предназначения в ней еще не знал.

Убийство братков Хасана, наэлектризовавшее атмосферу подозрительности, всколыхнуло низы уголовного мира и посеяло опасные ростки едва ли не националистической неприязни ко всем кавказцам вместе взятым. Но усилия Хасана по поиску виновных оканчивались ничем, потому что даже милиция не имела достаточного представления об их личностях и возможном местонахождении. Не было единого мнения и о мотивах кровавой разборки. По словам очевидцев выходило, будто братья сами начали выпендриваться и, что называется, нарвались на достойный отпор.

Много вопросов у большого числа людей вызвало это в общем-то рядовое, на взгляд милиции, преступление. Криминальные разборки в крупных городах России стали таким же обыденным явлением, как взяточничество или коррупция. И только Хасан не мог поверить в случайность происшедшего. Может, пацаны и погорячились немного в ресторане, у них в тот день настроение ниже плинтуса было, но все же, сколько ни раскидывай умишком, очень трудно все понять и разложить по полочкам.

Расставленные Хасаном ловушки принесли неожиданные результаты. Вечером позвонил знакомый по кличке Лунь — посредник приторговывавших стволами, патронами да всякой "шелухой" парней, и поставил бригадира в известность:

— Сегодня два "азера" заскочат — о товаре побазарить. Может, "твои". Хочешь — поговори с ними сам.

Лунь был одним из тех, к кому заезжал Хасан и просил сообщить, если вдруг всплывут подозрительные кавказцы.

— Спасибо, Лунек! — обрадовался бригадир. — Если те, с меня станется!

Он велел Жмыху гнать в "Канарейку", найти там повара, видевшего кавказцев в лицо, и вместе с ним приехать по известному адресу. Сам же рванул к Луню.

Встреча состоялась в районе Южного порта. Заброшенный пакугаз московского речного пароходства гудел пустотой, слепо глядя на мир выбитыми решетчатыми окнами. С улицы послышался шуршащий звук подъехавшего автомобиля. Тихо скрипнули тормоза, хлопнули двери.

— Кто это? — всполошились азербайджанцы. — Ты же сказал — никого не будет!

— Это свои! У братвы базар к вам есть, — поспешил успокоить их Лунь.

Но старший вдруг махнул земляку, и тот кинулся к выходу. Добежать до места, откуда можно контролировать входящих, он не успел. Непрошенные гости уже входили в ангар.

— Стоять! — рявкнул Хасан.

Азербайджанец в нерешительности остановился.

— Чего надо? — насутился он, озираясь на ввалившихся парней и направленное оружие.

— Вытащи руку, только не спеши! — приказал ему Хасан. — Медленно, медленно, а то мои пацаны шуток не понимают! Всего несколько вопросов. Ответите правильно — базару нет... Вы в "Канарейке" были?

— Какое ваше дело, гдэ были! — обиделись азербайджанцы, не понимая вопроса. — Зачэм пришли? Зачэм пыстолет направили?

Драка началась внезапно. Азербайджанцы бросились на обидчиков, полагаясь лишь на быстроту реакции и твердые кулаки. Но в большинстве случаев очевидное превосходство находится на стороне вооруженного. Парни подскочили к торговцам, пиная их ногами. Не долго раздумывал и Лунь: выбор между своими и чужими он сделал верный, дав ход кулакам. Временами азербайджанцы теряли ориентировку и впадали в яростное безразличие. Падали, поднимались и вновь работали руками. Но силы были слишком неравными. Старший азербайджанец подался в сторону и, как скользкий угорь, почти увернулся от удара в голову. Но Хасановский "бык" подобрался к нему зади и ловко подсек ноги. Тот повалился кулем, но, дотянувшись до тесака, зарычал и резкими движениями очерчивал себе защитные круги, пытаясь рубануть кого-нибудь из обидчиков. Почти животная злость и досада залили рассудок бригадира, переполнив чашу терпения.

— Мочи его! — выкрикнул Хасан. — Вали падлу!

Над головой шарахнуло. Гулкое эхо всколыхнуло терзаемую криками тишину. Короткая вспышка указала направление. Азербайджанец сник. Нож лязнул по цементу. Крупные красные дождинки просочились на пол, собирая капли в пыльные комочки. Второй выстрел оказался точнее. Стальной тесак кувырнулся и откатился в сторону. Старший грузно повалился, с неестественным стуком ткнувшись головой в пол. Другой азербайджанец понял, что его ждет та же участь. Он закричал, поднялся и, оттолкнув Луня, рванулся к выходу... Вслед ему прозвучало три выстрела, после которых мужчина распластался на куче мусора.

На улице заурчала машина. Звук мотора приблизился и стих.

— Вы где? — донесся голос Кольки Жмыха.

— Тут! — выкрикнул Хасан.

По полу пробежали две серые тени. Жмых вошел в ангар, с ним молодой парень — повар ресторана "Канарейка" Сергей Рогожкин. Увидев кровь и разбросанные по полу тела, Рогожкин испуганно остановился.

— Не бойсь! Проходи! — ухмыльнулся бригадир, довольный произведенным эффектом. — Что — покойников никогда не видел?

— Видел, — негромко ответил парень, трясаясь от страха.

— Прикинь расклад! — усмехнулся Жмых. — Вы чо, пацаны? Уже всех завалили? А на фига я за ним гонял?

— Ничего, не рассыплешься! — огрызнулся Хасан и, позвав Рогожкина, спросил. — Смотри — это они?

Парень опасно приблизился к телу азербайджанца.

— Не было его там!

Другой азербайджанец также не участвовал в расстреле братков. Бригадир громко выматерился. Пустое помещение повторило последний звук.

— Уберите с глаз! А ты, пацан, иди сюда. На тебе столярник, и про все забудь! Жмых! Положи его, где взял!

На этом неприятные приключения Рогожкина закончились. Помощник Хасана подвез его к дому и, высадив, поинтересовался на прощание:

— Без претензий?

— Все отлично! Классно повеселились! И девчонка ваша понравилась! Живая такая! Правда!

— Шутник! — усмехнулся Жмых.

Машина газанула и уехала. Едва поднявшись в квартиру, Рогожкин почувствовал, как мелко задрожали колени. Не раздеваясь, он опустился на диван и замер. Настенные часы громко печатали секунды, но время словно остановилось. В голове — дыра. Черная, мутная. Все проваливается! Ничего не задерживается! Даже мысли! Разве что одна: "Неужели жив?" Лишь выпив полстакана водки и закусив толстым ломтем вареной колбасы, повар начал приходить в себя.

Глава 4. По закону парных случаев

Сватко был обычным человеком, с менталитетом ротного старшины: чуть жадноватым, немного хитроватым, любившим выпить и чуть прихвастнуть. Террористы принялись за его разработку. Вернувшись домой после длинного дня, Сватко никуда не собирался. Перед сменой надо хорошенько отдохнуть и выспаться. Переодевшись, он прошел в кухню, где жена Марина готовила ужин. Вкусно пахло жареным луком с картошечкой — аж слюна потекла. Саша открыл пиво, потянул неторопливо и хорошенько закусил. Потом прошел в гостиную, включил телевизор и бухнулся в мягкое кресло, потягиваясь и позевывая. Мирную тишину прервал телефонный звонок.

— Здравствуй, дорогой! — пропел жизнерадостный "друг Зураб". — Ну как — не сменил еще работу?

— Нет, я твоего предложения жду, — поздоровался Сватко.

— А мы тут с другом едем, помнишь, я говорил, я о тебе вспомнили! — интриговал афганец. — Есть одно предложение неплохое...

Сватко почувствовал радостную дрожь.

— В охрану? — уточнил он, полагая, что другое ему вряд ли предложат.

— Почему? — удивился Зураб. Было слышно, что он с кем-то советуется. — У нас открывается новое направление и требуется надежный человек. Генеральным директором пойдешь? Ты человек опытный. Поможем, если что!

— Кем? — переспросил Сватко, не веря своим ушам. Зураб подтвердил, что уши не глючат.

— Согласен, конечно!

— Тогда мы скоро заедем — все равно мимо проезжаем, — проинформировал Зураб, и связь резко оборубилась.

— Кто звонил? — поинтересовалась с кухни Марина. Заметив в глазах мужа странный блеск, которого давно не замечала, женщина повторила вопрос настойчивее. — С кем ты говорил?

— Помнишь, я про Зураба рассказывал? Он меня руководить фирмой пригласает!

— Да ты что? — удивилась Марина. — Какой?

— Еще не знаю. Они сейчас заедут.

— Они... с кем? — насторожилась жена.

— Ну, Зураб и... какой-то фирмач, которому директор нужен!

— А чем их кормить? — озадачилась Марина. — Может, в магазин сбегаете?

— Они ж не есть едут, а о деле поговорить, — рассудил Сватко. — Если только кофе выпьют?

Марина заспешила на кухню.

Долго ждать не пришлось. В дверь позвонили, и в прихожую ввалился улыбающийся Зураб с товарищем.

— Андрей, — степенно представился Вольский, пожав хозяину руку.

— Это Александр, — представил Сватко Зураб. — Здорово! Как жизнь? — на правах старого друга натрясывал он крепкую руку прапора.

— Нормально! — растаял в улыбке хозяин.

С кухни раздалась легкие шаги.

— Марина, — протянула ладошку молодая симпатичная женщина, одетая в потертые джинсы и легкую кофточку, зубчиками зашнурованную на груди.

— Андрей, — улыбнулся Вольский. Глядя женщине в глаза, он осторожно пожал маленькую ладошку и, достав из пакета букет алых роз, вручил их Марине.

— Ой, вы что! — смутилась она. — Спасибо!

— Зураб! — представился афганец, передавая хозяину пакет из "Перекрестка". По тяжести и характерному бульканью Сватко понял, что там продукты и спиртное. — Поговорим, а заодно немного перекусим — мы голодные, как нильские крокодилы!

— Я же говорила, сходи в магазин! — шепнула мужу Марина. Услышав ее слова, Вольский мягко улыбнулся:

— Вы не волнуйтесь за нас — у нас все с собой! Мы люди военные: хоть и бывшие, но к дороге привыкли!

— А мой Саша тоже бывший военный! — похвасталась женщина. — Раздевайтесь, проходите! — и... убежала на кухню.

Мужчины пили водку, Марина потягивала золотистое шампанское, отчего ее щеки сделались еще румянее. Пока Вольский трепался со Сватко, Зураб, как заправский грузин, развлекал и веселил даму.

— Вы работаете? — поинтересовался он.

— Конечно! Как же сейчас можно не работать! — ответила Марина и поймала на себе мимолетно-ускользающий взгляд Вольского. — Я старший менеджер в туристической фирме. Помогаю людям наладить отдых!

— Такая очаровательная женщина еще и работает! — игриво сокрушался Зураб. — В какие страны отправляете?

— В разные: Турция, Египет, Эмираты, Кипр, Греция!.. Весь Восток наш!

Вольский услышал про турфирму, и его внезапно осенило. Турфирма! Конечно же, турфирма! Вот чего не доставало в его грандиозном плане! "Это будет очень изящный выход, — подумал он. — ...И направление — то, что надо! Очень жирная точка будет!" От разговора с Немым Вольский переключился на хозяйку, забрасывая ее вопросами о работе. Беседа текла легко, непринужденно. Выяснив интересные моменты, Вольский вернулся к Саше.

— Мы занимаемся охранным бизнесом, — вводил он его в курс дела. — Я знаю, что это вам близко, и все же предлагаю заняться совсем другой работой... Нужно зарегистрировать фирму и получить пакет документов с лицензией.

— Вся работа ляжет на вас. Ну, а в учредители запишем кого-нибудь со стороны.

— Понимаю — налоги и прочее... — догадался Сватко.

— Вот именно, — охотно поддержал догадку Вольский. — Не обязательно мотаться по инстанциям самому. Для этого имеются специальные фирмы, которые готовят, согласуют и принесут пакет документов хоть на дом. Они же изготовят и печати. Завтра мы созвонимся и обговорим все еще раз. Вторая задача — найти и снять помещение под офис. Если потребуется помощь — обращайтесь без стеснения. Деньги на расходы у вас будут... — Вольский потянулся к черной барсетке с торчащим из кармашка кончиком антенны мобильного телефона. Выудив убористую пачку долларов, он положил её перед Немым. — Это на оформление. Можно особо не экономить, лишь бы побыстрее. И поскольку мы все тут свои — никаких чеков и отчетов мне не нужно. Оставшиеся деньги понадобятся на оплату вашего мобильного телефона, расходов на такси и прочее. Кстати, о такси! У вас права есть?

— У нас и машина есть! — живо откликнулся Сватко. — "Девятка", только сейчас на ней больше Марина ездит. Ей так на работу удобнее.

— Тем более! — неизвестно чему обрадовался гость. — Понимаете, у нас принято, чтобы руководство ездило на машинах классом выше, чем сотрудники...

— Конечно, это же престиж фирмы! — подхватил сообразительный Сватко.

— Зарплата у вас будет хорошая, так что вы сможете позволить себе машину лучше "девятки"; — заверил Вольский. — Какая вам нравится?

— Ну... "Ниссан", — откликнулся будущий начальник, очертив предел личных автомобилей.

— Отлично! — сказал важный гость и многозначительно глянул на Зураба, сохранявшего довольно трезвый вид. — Тогда разрешите вручить вам первый гонорар — двадцать тысяч долларов. Тратьте, на что нравится! Получите и распишитесь! Это называется беспроцентная ссуда или кредит — как хотите. Общепринятая практика в солидных компаниях.

Сватко подписал подsunутую ему расписку, не догадываясь, под чем на самом деле ставит подпись. Фактически — он расписался в получении платы за смерть бывших товарищей: Васьки Шелепина и Мишки Морошина. Халатность поначалу, неосмотрительность затем очертили предложенную Александру Сватко и принятую им жесткую колею, выбраться из которой было почти невозможно.

— Ну, как? — первым делом поинтересовался Обухов, поджидавший Вольского в "ауди". — Получилась дружба?

— Все путем! — подмигнул подвыпивший Вольский. — Покажи, что там клиент наговорил, — велел он афганцу. Из внутреннего кармана Зураб вытащил тонкий и плоский, как металлический брусок, цифровой диктофон. Коснувшись блестящей полусферы-кнопочки, он передал его Вольскому. Из миниатюрного динамика полилась на удивление чистая запись эпизода вечеринки: "Александр Борисович! Поскольку вы подтверждаете, что на взаимное сотрудничество и выполнение поставленных задач вы решились добровольно, находясь в твердой памяти и своем уме..." "...Конечно, добровольно!" "...разрешите вручить вам первый гонорар — двадцать тысяч долларов. Тратьте, на что нравится..."

— Отлично получилось — и монтаж не нужен! — оценил Вольский. Я всегда говорил, что техника — великая сила!

Мужчины рассмеялись.

Вечер и правда удался. Неизвестно только — какое будет продолжение.

У каждого своя работа. Одни — убивают и, следуя известной формуле: нет тела — нет дела, стараются всеми способами избавиться от улики. Другие ищут про-

павшие трупы и преступников. Причем те, кто ищет, вовсе не обязательно являются сыщиками. Так странно устроена жизнь.

Пока Хасан нажимал на поиски кавказцев, а обеспокоенные исчезновением земляков азербайджанцы прочесывали местность вокруг пакгаузов Южного порта, оперативники майора Миронова искали тех же самых людей: Аслана и Нияза, отличившихся в ресторане "Канарейка", плюс — Михаила Морошина. О нем до сих пор не было никаких известий. Дело не сдвигалось с точки, пока в один прекрасный момент кое-что не изменилось: в МУР поступила информация о готовом к захоронению неопознанном трупе на Перепечинском кладбище... Запылившаяся "десятка" угрозыска двигалась вдоль огромного зеленого поля с аккуратными холмиками-клонами. Два оперативника из отдела Миронова с тоской глядели на скучный пейзаж. Могилы "неопознанных" не отличались друг от друга, уравнивая постояльцев двух гектаров отрешенной тишины и беспощадного одиночества в правах.

— Пойдем, посмотрим, который тут ваш! — гостеприимно пригласил сыщиков директор кладбища. — У меня сегодня двое рабочих заболели — вот мы и задержались, а то бы вы не успели. Ямы заранее рою — только укладывай и засыпай.

Тело осмотрели и условно опознали с большой долей вероятности. Погибшим насильственной смертью оказался не кто иной, как ветеран спецслужб — Михаил Морошин. Обнаружена и причина смерти — слепое огнестрельное ранение. Выходного отверстия не нашлось, пуля застряла внутри.

Последний путь бывшего чекиста оказался неблизким и таким же окольным, как прожитая жизнь. Вместо предания матушке-земле, к которой Морошин был так близок при жизни, его сняли с "кладбищенского конвейера" и малой скоростью отправили в экспертно-криминалистический центр МВД для оформления процедуры официального опознания и проведения экспертизы. Майор Миронов был доволен работой ребят, и как только сын Морошина официально опознал отца и расписался в соответствующей графе протокола, сыщик позвонил Каледину.

— Михаил Юрьевич, привет тебе! Миронов... — привычно представился он.

— Здравствуй, Игорь Михалыч! — бодрым голосом приветствовал полковник. — Какие новости принес?

— Как всегда, хреновые! — с легкой тоской ответил сыщик. — Нашли мы твоего Морошина. Оформили опознание.

— Кто из родственников приехал? — спросил Каледин.

— Сын, — ответил Миронов. — Жену не стали трогать — тело не в том состоянии. Причина смерти — огнестрельное ранение. Пулю извлекли, отправили на экспертизу. Она сохранилась хорошо, так что подождем выводов спецов.

— Спасибо, Михалыч! — произнес полковник. — Как только придет ответ от баллистиков, позвони, пожалуйста. Мне важно знать, из какого оружия стреляли. И по торопи, если можешь.

— Без вопросов, — пообещал сыщик.

Чеченцы снимали квартиру на втором этаже затрапезной пятиэтажки. Они старались вести себя тихо, чтобы ничем не привлекать внимание любопытных жильцов и местного участкового. Впрочем, последний был не так страшен, как думается, потому что давно навел порядок в жилом секторе. Кроме квартплаты сдавшей квартиру тетке, нелегальные арендаторы отстегивали по пять сотен и bravому участковому, а за мизерную, в общем-то, сумму сверх того он помог им оформить временную регистрацию и с тех пор в доме не появлялся. Привыкшие к спартанской жизни в отрядах Аслан с Ниязом развлекались выпивкой, игрой в карты и, разумеется, женским полом по доступной цене. Время шло, боевых операций не

проводилось, и постепенно горцы начали привыкать к вынужденной городской командировке, как к чему-то неизбежному, но необходимому для общего дела. Зураб на время свернул "проекты" в Москве, и боевики впали в ожидание. Они чувствовали — скоро что-то будет. После отъезда Ашрафа у чеченцев выдалась длинная пауза, во время которой они решили пополнить запасы оружия и боеприпасов. По словам Зураба, скоро им предстояла трудная работа, ради которой они сюда приехали, и пары любимых "беретт" с остатками патронов да припрятанного про запас китайского "ТТ" с самодельным глушителем будет явно недостаточным. Ответственное дело согласовали с Зурабом, на что он выделил некоторую сумму в твердой валюте.

Вот тут-то и сработал подзабытый всеми закон парных случаев, на который рассчитывал Хасан. Суть его сводилась к простой идее: если что-то случилось один раз, это может повториться. А значит, рано или поздно кавказцы снова выйдут на торговцев оружием. Когда это случится, и сколько придется ждать — не знал никто, но это было не столь важно. Вооруженный теорией Хасан оказался прав. Но он не учел другого правила: даже стреляя в небо, стоит следить за тем, чтобы, падая вниз, пуля не попала в твою же голову. В конце дня, когда теплое солнце катилось к горизонту, окрашивая рваное небо в сине-розовые тона, чеченцы позвонили Ключнику и заинтересовались наличием товара. Убедившись, что это те самые кавказцы, которых ищет Хасан, мастер металлоремонта радостно потер руки. Рыбка клюнула. Первым желанием Ключника было забить "зверям" стрелку и сразу же порадовать доброй вестью дружбана. Приедет Хасан и быстро во всем разберется... Но сказанное кавказцами заставило его остановиться и пересмотреть планы. Дружба — дружбой, а бизнес врозь! Покупатели хотели взять много товара, а от сделки Ключник мог получить хорошие деньги.

— Я еду за товаром, — сказал он. — А вы с бабками подгребайте на старое место. Встретимся через два часа. Опоздаете — я уезжаю.

— Договорылись, брат! — согласился Аслан. — Только прихвати побольше расходных, чтобы потом опять не ехать.

— Нет вопросов! — согласился Ключник, справедливо полагая, что после передачи денег ехать к нему кавказцам уже не придется. Хасан об этом позаботится.

Спрятав мобильный телефон в карман, Ключник скинул халат, закрыл палатку на замок и отправился за товаром. Петляя по московским закоулкам, он все думал, когда позвонит Хасану. Тут ведь точность нужна. Поторопиться — бригадир раньше покупателей приедет — и ни хрена с них не получишь. Главное — правильно рассчитать время. Ключник свернул с дороги и по грунтовке проехал к гаражам. Скинув с тайника хлам, он вытащил две пачки импортных патронов и, подкинув в руке тяжелую упаковку, прикинул не вес, а примерную стоимость. Потом размотал маслянистую холстину. Осмотрел пистолет Макарова и тоже прикинул, словно цена железки имела прямую зависимость от веса. Вороненая сталь лаково поблескивала на свету. Машинка — новьяк! Только номер аккуратно сточен.

Ключник проверил магазин — полный и, замотал вещицу обратно в тряпку. После того, как все это добро он спрятал и замаскировал в нише запасного колеса, "БМВ" продолжила путь. Заскочив к "серьезным пацанам", Ключник получил "товар", но от сопровождения отказался — мол, сам справлюсь, не впервой. Да и покупатели известны: брали уже товарчик не раз. Но дело было не в этом. Парень знал, что на "стрелку" приедет Хасан, а лишние глаза с ушами тому не нужны. Мало ли как обернется.

Пока Ключник колесил по городу, чеченцы встретились в Зурабом. На свою квартиру афганец их не водил: то ли опасался хвоста, то ли не хотел светиться с "лицами

кавказской национальности". Оставив "паджеро" на стоянке, Зураб зашел на продовольственный рынок возле метро, где уже десять минут маялись чеченцы.

— Что берете? — уточнил афганец.

— Три "пэма", пару калашей, и по мелочи — патроны, там, гранаты, — сообщил Аслан. — Хватит или нет? Что делать-то будем? Когда акция?

— Пока не известно. Берите три автомата и рожков к нему — запас мешок не тянет, — внес коррективы Зураб. — Вот бабки. Езжайте. Только смотрите там — на ментов не нарвитесь! — Афганец передал деньги и, не дожидаясь, когда парни уйдут, медленно двинулся к выходу.

Он шел и думал о поручении Вольского найти строительную фирму с не говорящими по-русски рабочими. Несколько человек должны быть достаточно надежными, чтобы выполнить особую работу и не проболтаться. Задача непростая, но Зурабу она по плечу. Это будут турки.

Туристическая фирма "Тропики", в которой работала Марина Сватко, находилась за пределами Садового кольца, но не очень далеко от него. Прежде чем принять окончательное решение, Вольский решил поговорить с Мариной, лучше его разбиравшейся в туристическом бизнесе. Мысль, посетившая командира террористической группы при первой встрече с Немым, показалась ему очень подходящей и при дальнейшем рассмотрении не вызвала отторжения. Требовалось лишь уточнение ключевых моментов и получение согласия самой Марины. В конце рабочего дня черная "БМВ" подкатилась к "Тропикам", и высокий приятный мужчина в костюме вошел в офис. Молоденькая девушка-менеджер выпорхнула из зарослей фикусов и пальм, встретив клиента теплой улыбкой тропиканки.

— Добрый день! Вы у нас в первый раз?

— Я бы хотел поговорить с Мариной Сватко.

— Подождите минутку, я ее приглашу. Присядьте. — Маленькой ручкой девушка указала на кожаный диванчик у стола с проспектами и упорхнула, оставив в воздухе невидимый шлейф духов.

Вольский сел на диван, мысленно прокручивая предстоящий разговор, и вдруг услышал:

— Привет!

Марина была ослепительна. Легким вихрем она прошла через зал и остановилась напротив него. Волосы уложены в новую прическу, а неброская губная помада заменена на более яркую, гладкую, гляцевую. В коричневом пиджаке и такого же цвета юбке Марина казалась стройной и высокой. Красивые ноги прикрывались тканью юбки, а в нейлоне и на высоких каблуках смотрелись просто изумительно.

— Здравствуй! — произнес Вольский. — Я к тебе.

— Я догадалась! — улыбнулась Марина. — Как ты меня нашел? Ах да, я же говорила.

— Мы могли бы перекусить и поговорить. Домой я тебя довезу. Ты во сколько заканчиваешь?

— Хоть сейчас. Только я на машине.

— Не проблема. До машины довезу, — нашелся Вольский.

— Подожди — я девчонкам скажу...

В машине Марину ждал сюрприз: ароматный букет свежих роз в изысканной, бахромистой обертке с бантами.

— Ой, как красиво! — воскликнула она и окунула лицо в нежный бархат алых лепестков. — Мои любимые! Нежные! Очень люблю этот сорт!

Черная "БМВ" зашелестела шинами и словно по мановению волшебной палочки перенесла их в центр города. Они вышли у небольшого уютного рестораничка и спустились в зал. Там полумрак, приглушенная музыка, тихие голоса, светильник на столе. Из темноты возник официант.

— Что будем заказывать?

— Подожди, — осадил его Вольский и передал меню Марине. — Пусть женщина выберет.

Наконец заказ был сделан, и официант бесшумно исчез.

— Так о чем мы хотели поговорить? — спросила Марина. Она не сомневалась — Вольский сейчас признается, что искал повод встретиться.

Но все его мысли были подчинены наработке плана операции.

— Есть деловое предложение, — сказал Вольский. — Мне нужна турфирма. Директором будешь ты. У тебя есть опыт в этих делах, поэтому реши, будет это самостоятельная структура или филиал твоих "Тропиков".

— Почему я?

— Мне нужна работающая турфирма, но в этом бизнесе, кроме тебя, у меня знакомых нет. Я готов вложить деньги в широкую рекламу...

Марина согласилась, и все оставшееся время они говорили только о делах.

Вечер пролетел быстро. От вина кружилась голова, и от поездки домой на собственной машине Марине пришлось отказаться.

— Останови тут, — попросила она, когда до дома оставалось совсем немного. — Не хочу, чтобы кто-то нас увидел.

"БМВ" затормозила за автобусной остановкой.

— Спасибо за замечательный вечер. И за предложение. Наверное, я ждала его всю жизнь.

Вольский не торопился прощаться, и Марина не уходила. Оба чего-то ждали: последней точки, штриха, слова...

— Ну, я пошла? — неуверенно спросила она. От энергичности и деловитости не осталось и следа. Марина выглядела смущенной.

— Наверное, — бессильно развел ладони Вольский.

Он взял женщину за руку и, придвинув к себе, дружески поцеловал, не понимая, зачем это. Поцелуй коснулся краешек губ. Почувствовав, как Марина замерла, Вольский сделал вторую попытку и... не встретил сопротивления.

Поцелуй длился долго, и был логичным завершением вечера. Наконец Марина оторвалась от Вольского и, не говоря ни слова, бросилась к своему дому...

Дневная суета города утихомиривалась лишь к вечеру. Он собирался погрузиться в сумерки и потонуть в огнях... Но всему свой срок. К зданию бывших механических мастерских подкатила "девятка". Чеченцы огляделись, но никого не увидели.

— Сколько времени? — суетился Нияз.

— Через пять минут прибудет, — ответил Аслан.

Чеченцы заперли машину, поправили спрятанное под одеждой оружие и закурили.

— Как думаешь, — спросил Нияз, — зачем мы тут торчим? Что за операция будет с этим шурави-Андреем?

— Кто их разберет! — недовольно бросил Аслан. — Может, Зураб и знает, но темнит! По-моему — всё вокруг той ракеты вертится, про которую чекисты болтали. Или это туфта для ФСБ! Может, метро взрывать будем?

— Вот здорово бы было! — обрадовался Нияз. — Отомстить им за наших!

Ключник уже подъезжал к месту встречи. Рассчитав время по-своему, он позвонил Хасану и, не вдаваясь в подробности, сообщил:

— Ну что, братан! С тебя станется! Кавказцы забили стрелку у мастерских. У них как раз "семечки" кончились. Если поторопишься — они твои.

— Спасибо, брат!

— Разберемся! — хмыкнул Ключник.

Уже издали он заметил у ржавого воздухозаборника одинокую "девятку". Две фигуры в черных свободных брюках и зелено-коричневых туристических кроссовках повернулись на звук мотора. "Они," — легко узнал продавец. "БМВ" въехала на пятак, развернулась и подала задом к избитой двери.

Кавказцы сдержанно поздоровались.

— Достал? — поинтересовался Аслан, пропуская Ключника вперед.

— Как договаривались, — ответил тот, бережно придерживая тяжелый баул. —

Только...

— Что?! — резко переспросил чеченец.

— Расслабься! — усмехнулся Ключник. — Ты чего такой нервный? Стволы привез, а патроны сейчас брат подвезет.

— Брат? Что за брат? — напрягся Аслан. — Это твой брат?

— Мой, мой! Мамкин сын!

Пробравшись через лабиринты коридоров, троица оказалась в помещении с выбитыми окнами и единственным пыльным столом. В прошлый раз Ключник раскладывал тут свой товар. Здесь же пересчитывали и деньги.

И на этот раз торговец поставил сумку на стол. Неторопливо расстегнул молнию.

— Помогите! — попросил он Нияза.

Чеченец послушно поддержал холщовый сверток, и вместе они выложили его на крышку стола. Спрятанное от глаз оружие глухо стукнулось о дерево. Так же неторопливо и тщательно Ключник разворачивал ткань, а Аслан следил за ним. Чеченцу казалось, что продавец делает все очень медленно, и это раздражало.

— Ты что, дарагой! Травки накурился? — поторопил он Ключника.

— Было, — спокойно ответил тот.

— А что сегодня один? — поинтересовался Нияз. — Не боишься?

— Я же вас знаю, — спокойно ответил продавец.

Большой кусок ткани расстелился по столу. На тряпках размером поменьше расположились три укороченных автомата и столько же макаровых. Чеченцы одобрительно цокали языками, с удовольствием брали оружие в руки и разбирали.

— Деньги при вас? — завершая сделку, поинтересовался Ключник.

— При нас, при нас, — гортанно произнес Аслан, рассматривая оружие. — Только пока патронов не будет, и дэнэг нэ будэт!

— Патроны у меня есть, только мало. А к "береттам" у брата, — выкрутился Ключник. — Платите за сколько есть, и за стволы. Привезут — возьмете еще. Сейчас принесу. — Он пошел на улицу, чтобы отложить патроны из второй сумки...

— Сходи с ним, — велел Аслан, заподозрив неладное. Сначала ему не понравилась странная медлительность продавца, теперь насторожило желание выйти на улицу. Может, это какой-то сигнал?

— Зачем светиться! — не согласился торговец. — Я и один сгоняю!

— Иди с ним, — надавил чеченец. — А ты смотри...

Положа руку на оружие, Нияз отправился с Ключником. Ситуация усложнилась: отсыпать боеприпасы при чеченце не получится. Показать полную сумку — вызовет вопросы. Вот попал... Торговец оружием шел узкими длинными коридорами и размышлял, как поступить. Теперь ему хотелось, чтобы Хасан приехал поскорее. Но вме-

сто этого рука судорожно нащупывала под одеждой шершавую рукоятку пистолета, а палец силился сдвинуть с места флажок предохранителя. Рычажок не находился. Вернулись. Сумка встала на стол. Прикрывая ее собой, Ключник обреченно выкладывал патроны и магазины к автоматам. Аслан стоял неподвижно, наблюдая за работой. Не нравилось ему поведение продавца. Какой-то напряг, зыркание глазами, нервозность и видимость отсутствия страха.

— Все? — спросил он, когда продавец вытащил часть патронов.

— Все, — ответил Ключник. — Деньги.

— Где-то ты медленный, а где-то быстрый! — многозначительно произнес Аслан и велел Ниязу: — Посмотри, что в сумке.

— С какой стати! — обиженно выкрикнул Ключник. — Вы чо, в натуре! Отмасливайте бабки и разбегаемся!

— Давай! — Чеченец повторил приказ.

Нияз отодвинул Ключника в сторону и, распахнув сумку, кивнул старшему.

— Что там? — спросил тот.

Нияз молча выложил на стол две пачки патронов калибра девять миллиметров. Картонную упаковку украшала надпись "беретта".

— Ты чего замутил хотел? — угрожающе рявкнул Аслан.

Инстинктивно Ключник выхватил пистолет и ткнул Ниязу в бок.

— Бабки на стол, козлы! — крикнул он.

Аслан приближался, а Ниязу некуда отпрыгнуть — палец торговца судорожно жал на курок. Но чеченец не собирался погибать! Он крутанулся вокруг своей оси и рубанул по пистолету, будто сучок хотел срубить! Грянул выстрел. От оглушительного звука заложило уши. По ребрам Нияза прошлась горячая струя порохового выхлопа. Он не понимал, почему ему тут же не разворотило внутренности, но раз он до сих пор жив, значит, на это воля Аллаха! Чеченец мгновенно вышиб пистолет у Ключника и несколькими мощными ударами швырнул врага в стену. С истошным воплем торговец врезался в бетон и, расцарапав лицо, сполз на пол, но тут же лихорадочно вскочил, подобрал стальной прут и изо всех сил рубанул по пистолету Нияза. Оружие упало на пол, но даже без него чеченец был опасен: он сам, как оружие. Ключник поджал ногу и тут же распрямил ее, попав Ниязу в кость. От адской боли чеченец согнулся, но успел схватить Ключника за ногу. Тот ударил чеченца в расплывчатое пятно физиономии, попутно ткнул коленом Аслана и, перевернув стол, устремился к выходу. Ключник бежал узкими лабиринтами смежных помещений и надеялся только на чудо. Это чудо было человеком и имело короткое имя. Хасан! Но чудо не торопилось, и дышать становилось все труднее.

Зловещие тени приближались, и вот уже Аслан вскинул пистолет и, прицелясь, выстрелил по мелькнувшим ногам Ключника. Он вскрикнул и, волоча ногу, скрылся из виду. По гулкой лестнице чеченцы рванули вверх. Кровавый след помог быстро выследить убегающего человека. Аслан замедлил шаг. Бежать Ключнику некуда — разве что выпрыгнуть из окна. Возможно, он так бы и поступил, если бы не ранение и меткость боевиков. Ключник почувствовал дуновение холодного воздуха в спину и понял, что приходит конец. Чеченцы сделали всего два выстрела — на каждого по одному. Обе пули попали в голову, и Ключник умер, не издав ни звука. Густая кровь лениво вытекала на цемент. Чеченцы действовали стремительно. Они сгребли трофейное оружие в сумки и, соблюдая осторожность, по одному высочили на улицу. Нияз прижался спиной к стене. Сжимая автомат в подрагивающих нервной дрожью руках, он прикрывал Аслана. Тот подбежал к машине, осмотрелся и подал знак. Теперь ствол его оружия следил за тылом Нияза, пока боевик бежал от двери. Взыл

двигатель. Срывая колесами землю, озверевшая "девятка" прыгнула в стремительный разворот и пришла в движение.

Боевики Хасана подъехали к механическим мастерским всего через десять минут после окончания финальной сцены драмы.

Глава 5. Свобода выбора

Москва — торговый город. А товары везут в столицу со всего мира. Торгуют всем, в том числе и оружием. Криминальная торговля идет бойко — оптом и в розницу, потому что оружие — товар ходовой и нынче нужен многим. От желающих нет отбоя.

Вот Вольский вышел на одного типа, известного под кличкой Шлепик. Работая у авторитета Сала, Вольский встречался со Шлепиком. Но Сало ушел в депутаты той еще, прошлой Думы, и их пути разошлись. Может, и к лучшему. А старая ниточка взяла, да и пригодилась в самый подходящий момент. Следуя простым правилам, Вольский нашел парня без особого напряжения, сделал несколько "точечных" звонков и миновав цепочку посредников. Последним звеном в ней был Шлепик. Пропуском Вольского в закрытую и мутную сферу криминального бизнеса стало не только имя — Сало, но и кое-какие наработанные связи. После нескольких проверяющих вопросов Шлепик назначил встречу в вестибюле станции метро Октябрьская. Место шумное, многолюдное, не слишком удобное для разговора. Но Вольский решил, что Шлепик просто страшется от возможности записать разговор на магнитофон или других вариантов...

— Привет! — протянул руку Вольский, узнав Шлепика.

Тот почти не изменился, только одеваться стал лучше, да морщин на лице прибавилось.

— Здорово! — произнес Шлепик, сверля Вольского подвижными пронизывающими глазами-буравчиками. — Какие проблемы? Если просто за жизнь побазарить, так это не ко мне. Кстати, как там Саложивает?

— Про Сало не знаю, я с ним несколько лет не виделся. Стволы нужны. Десяток автоматов. Бесшумники, типа "вал", "винторез". По цинку патронов на каждый. Пистолы с глушаками — десяток... — методично перечислял заказ покупатель. — Гранат штук двадцать, гранатометов пяток. Подствольники... Взрывчатки — килограмм двести...

— Братан! А ты, случайно, не алмазный фонд грабануть собрался? — серьезно заинтересовался Шлепик и напрягся.

С гулом подъехавший поезд остановился. Распахнув широкие створки, вагон вывалил на платформу людскую шевелящуюся массу. Из последней двери последнего вагона вышли трое в милицейской форме и неспешно двинулись вдоль станции... С другой стороны болтали два мужика в штатском. Вроде, какие-то бумаги друг другу показывали... Не опера ли сидят на стreme, пасут фишку? Сердце Шлепика колотнулось в груди и замерло. Менты или нет? Рука нырнула в карман. Парень медленно повернулся к Вольскому и с угрозой шепнул:

— Пойдем со мной и не дергайся, фраерок. Если мусоров навел — хана тебе любому! — В ребра Вольского ткнулось что-то тупое, холодное...

Обухов, присутствовавший неподалеку, заметил, что происходит, и был готов действовать. Но, поймав успокаивающий взгляд шефа, расслабился и отошел в сторону. Уголовник не должен его видеть. Наряд милиции, испугавший Шлепика, приближался. Лейтенант странно поглядывал в его сторону. Поначалу Вольский не волновался: его документы в порядке, оружия и наркоты при себе нет. Но что в кармане у Шлепика? Нож? Пистолет? Пара патронов и героин?

Если сейчас его окликнут, одному Богу известно, что может произойти. Неужели этот недоумок приперся на встречу со стволом? А если менты Шлепика повяжут — от братвы потом не отмыться. Не докажешь им, что не ты оперов привел. Да и спрашивать особо никто не будет: перо под лопатку или пуля в затылок. С кем потом разговаривать? А главное — кому!

Направляясь к переходу, Шлепик и Вольский прибавили шаг. Они торопились. Боковым зрением Шлепик заметил, что менты свернули и... исчезли за колонной. От сердца отлегло.

— Вроде, отвалились, — напряженно произнес торговец, оглядываясь по сторонам. — Пошли наверх.

И вдруг — как взрыв над головой.

— Мужчина, можно вас на минутку! — раздался властный голос. — Документики покажем?

Шлепик оглянулся и вздрогнул. Вспотевшие пальцы крепко сжали стальную ручку, укрытую в кармане.

Милицейский наряд обошел их по залу и внезапно встал на пути. Дергаться поздно, бежать некуда. Крепко попали.

— Уходи, я их отвлеку, — прошептал Вольский и, незаметно столкнув брата в толпу, замедлил движение. — Вы меня? — уточнил он у лейтенанта.

— Нет, проходите! — зычно сказал милиционер. — Мужчина с сумкой, задержитесь!

Только теперь Вольский увидел плохо бритого мужика с дорожным баулом на плече. Приезжий — сразу видно. Услышав приказ, тот медленно опускал сумку на гранитный пол. Вольский повернулся и, не останавливаясь, последовал за Шлепиком.

— Ну, мусора, блин, конкретно, шороху дали! — улыбался неровными зубами Шлепик, закуривая на краю Ленинского проспекта. — Еще чуть — и мне бы крышу сорвало! Завалил бы всех на хрен! Извини, братан, что на тебя тень навел!

— Я не в обиде, — скупно улыбнулся Вольский. — Только стрелку надо было не в метро забивать, раз со стволом топаешь!

В знак взаимного примирения знакомые дошли до ближайшего ларька и, взяв по бутылочке пивка, прогуливались вдоль проспекта, обговаривая условия предстоящей сделки.

— Заказ большой, быстро не сделаешь. Чтоб все скомплектовать — предоплата нужна. Ассортимент широкий! — Тонкие синеватые губы уголовника растянулись в резиновой улыбке.

— Бабки не вопрос, — откликнулся Вольский. — Главное, чтобы язык за зубами лежал, и кидалова не было. Товар нужен качественный.

— Обижаетесь, братуха! — ухмыльнулся торговец, сделав несколько крупных глотков. — У нас фирма, эксклюзив! Все железки — тики-тики! В нулевочку, в масле! Слушай, вижу, ты пацан бывалый. Не слышал случайно — братва двух кавказцев ищет. В кабаке братьях замочили. А на днях — Ключника мочканули. Он тоже "железом" промышлял.

— Нет, не слышал, — отмахнулся Вольский. — Чужие разборы меня не касаются. Что за кавказцы? — больше из вежливости, чем из интереса, осведомился Вольский.

— Кто их знает, — жаловался торговец. — Стреляют четко, в яблочко! Не простые, видать, чурки. Типа спецназа.

— Могу пацанов поспрашивать, — пообещал Вольский. — А чего там было, напони вкратце? Как, говоришь, кабак называется?..

Скупой рассказ Шлепика многое расставил на места. Вольский практически не сомневался. Кавказцы, которых дружно разыскивает милиция и московская братва — не кто иные, как чеченцы Аслан и Нияз — боевики Зураба, члены московской ячейки "Аль-Кайды", задействованные в ответственной операции "Кара Аллаха"! Они говорили про "беретты". Хвалились оружием. Они собирались покупать патроны у "проверенного человека". Вот тебе и раз! Допокупались!

Шлепик и Вольский договорились о сроках, оплате и способах связи. Распрощались.

Пройдя через метро и подземный переход, Вольский убедился в отсутствии слежки и только после этого подошел к синей "ауди". Энергичным движением распахнул дверь и плюхнулся в велюровое кресло. В машине нервничал Обухов.

— Как он тебе показался? — спросил он.

— Думаю, чистый. Я знаком с ним давно, не будет он сдавать меня, чтоб от таких бабок отказаться, — предположил Вольский. Срывая с держателя мобильный телефон, он мрачно заметил: — Проблемы обычно приходят оттуда, откуда их меньше всего ждешь!

— Ты о чем? — насторожился Обухов, приготовившись к неприятностям. — Что-то случилось?

— О наших чеченских братьях! — раздраженно бросил Вольский. — Вот что случилось! Случилось то, что они в нашей команде! — Едва сдерживая злость, Вольский набрал номер и вслушался в паузу между телефонными гудками. — Зураб, это я! Нужно срочно встретиться! Нет, они как раз мне не нужны! Давай через полчаса! Не надо на стройке! А ты успеешь, не на ишаке ездись!

Эстафета торговцев оружием заработала пару часов спустя.

Жесткие колеса джипа замедлили вращение и замерли каменными жерновами. Зураб прыгнул с подножки и приблизился к бывшим десантникам. Поздоровались.

— Что случилось? — с озабоченностью поинтересовался афганец.

— Это вы в "Канарейке" четверых ухлопали? — жестко и без предисловий спросил Вольский. Его взгляд был пронизывающим и беспощадным.

Зураб медлил с ответом, будто соображая, о чем речь. Он знал ответ, но думал, какую его часть можно озвучить.

— В ресторане я встречался с агентом. Аслан и Нияз меня прикрывали. Из-за налета шпаны все могло сорваться, — говорил Зураб медленно, но уверенно. — Охране ничего не оставалось делать, как стрелять. Это плохо, я согласен, но так случилось. Неизбежность. Ты не спрашивал раньше — я не говорил.

— Что ты мне еще не говорил из того, чего я не спрашивал?! — напирал Вольский. — Что за агент?

— Немой! — афганец сообщил псевдоним Сватко. — Да что случилось-то?

— Вы покупали патроны к "береттам"?

— Недавно парни ездили к надежному человеку и кое-что приобрели. В том числе и патроны. Какие проблемы, брат?

— Приобрели — это убили и забрали? — повысил голос Вольский. — А теперь их ищут все! Вы что, блин! Совсем бошки потеряли? Кто у вас командует: ты ими или они тобой?

— Как убили? Подожди, брат, не торопись... — растерянно пролепетал афганец. — Мы воины, а не бандиты. Чеченцы деньги заплатили, я сам им дал!

— Значит, кинули тебя твои воины, а бабки присвоили!

— Что хочешь делай, дарагой, только не говори Ашрафу! — взмолился афганец. — Хочешь, я расстреляю этих шакалов при тебе! Клянусь Аллахом, моя рука не дрогнет!

— Моя тоже не дрогнет! — злился Вольский. — Короче, так! Твои люди — ты с ними и разбирайся! Мне лишней крови не надо! Но и к стройке они чтобы близко не подходили! Пусть сидят дома и на улицу носа не показывают!

Зураб пообещал, что все будет именно так, как сказано.

Вольский немного успокоился и начал давать четкие указания:

— Скажи им, чтобы "беретты" сбросили в реку или закопали в землю — слишком много наследили!

— Все понял, командир! Сделаем, как положено! — клятвенно заверил Зураб. — Отсидаются на квартире — я их на старую работу переведу! На понижение пойдут! Так не скажешь Ашрафу?

— Договорились! — согласился Вольский.

Почему-то он не спросил афганца — что такое "старая работа", на которую тот собирался перевести чеченцев. Видимо, за главным, не обратил внимания на мелочь. А следовало бы поинтересоваться.

Вопреки скептическим ожиданиям, бывший прапор Александр Сватко оказался смысленным, оборотистым и способным организатором. Не без помощи денег он в короткие сроки открыл фирму, оформил лицензию и кучу необходимых документов. Снял офис, набрал персонал и начал работать. Не один, конечно, а под руководством друзей: Зураба и Вольского. Дело пошло, как по маслу: фирма тут же получила выгодный заказ от компании, занимавшейся оптовыми поставками. Оптовики предлагали нормальные деньги за возведение под ключ складов-офисов в нужном им месте. С учетом того, что получить земельный отвод под строительство нелегко, они согласились на оплату и всех прочих расходов, выражающихся во взятках чиновникам. В таких тепличных условиях можно горы свернуть. Наняли проектировщиков. Сделали проект. Утвердили смету. Место строительства заказчик определил в промзоне, зажатой между Мичуринским и Ломоносовским проспектами, поскольку от нее расстояния до его торговых точек примерно равны. Удобное расположение складов экономит значительные средства на транспортных расходах. В общем, все подсчитано. В качестве субподрядчика Сватко рекомендовали привлечь турецкую строительную фирму, давно и успешно работавшую в Москве. За счет привлечения нелегальной рабочей силы общие расходы значительно сокращались... Однако главного Сватко не знал. Турецкую фирму "притащил" Зураб, а рабочие, трудившиеся в ней, были не только гастарбайтерами, приехавшими на заработки, а людьми религиозно надежными, т. е. поддерживающими радикальный ваххабизм. На таких можно было положиться во всем. Проект склада-офиса утвердили на всех бюрократических уровнях. А сложности, которые все же возникали время от времени, удавалось преодолеть, используя нехитрый и известный всем прием: деньги. Там, где не срабатывали деньги, отлично справлялись "большие деньги".

Под охраной надежных ребят из ЧОПа началось стремительное исполнение первого этапа строительства — возведение нулевого цикла и фундамента. На огромной колесной платформе турки притащили желтый бульдозер и оранжевый экскаватор, которые, работая в несколько смен, вгрызались в московскую землю, словно мыши в головку сыра. Разноцветные КАМАЗы без задержек становились под погрузку и вывозили выбранный грунт. За месяцы ударного труда турки проделали огромную работу, и нулевой цикл приобрел осязаемые черты. После этого количество подъезжавших самосвалов пошло на убыль, зато зача-

стили миксеры-бетономешалки с вертящимися полосатыми бочонками. Все делалось с такой поразительной быстротой и тщательностью, что можно было подумать — за высоким забором раскручивается стройка века, одобренная и патронируемая самим московским правительством. А именно такие слухи разползались по окрестностям. Спустя еще пару недель работы приостановились и перевелись на слабо текущий режим: у заказчиков появились “временные проблемы с оплатой”, и они сократили финансирование. Именно эту причину торможения знал каждый сотрудник фирмы Сватко, включая его самого. Но это было неправдой. Истинную причину замедления строительства знали только три человека: Вольский, Обухов и Зураб. Еще меньше людей — только двое из выше-названных — были в курсе того, что оптовой фирмы, заказавшей и щедро оплатившей строительство офиса-склада, на самом деле не существовало в природе. Нет, официально она, конечно, была зарегистрирована и значилась во всех положенных реестрах. Просто люди, учредившие ее, давно умерли. Фирма-милый пузырь создавалась на время и для проведения акции “Кара Аллаха”, и главной ее задачей являлись не оптовые закупки товаров, а создание видимости законченной производственной цепочки: “Заказчик — Подрядчик — Субподрядчик...”. Деньги “Аль-Кайды” прогонялись через множество подставных и транзитных компаний и счетов, запутывая следы и отводя подозрение от Подрядчика, то есть — от Сватко.

Строительство товарного склада переместилось на нулевой цикл и шло полным ходом. Каждый день на стройку привозили бригаду рабочих, ни слова не говорящих по-русски. Они уходили за ворота, опускались в подвал и...пропадали там всю смену. Время от времени к котловану подъезжал самосвал турецкой строительной фирмы. Он вставал рядом и, когда транспортер наполнял кузов неизвестно откуда взявшейся землей, уезжал. Что происходило в котловане, никто не знал, но реальность была таковой — под прикрытием стройки турки рыли тоннель, предназначение которого знали лишь двое: Вольский и Обухов. Так продолжалось до того дня, пока подземный ход не достиг конечной трехсотметровой отметки, а мобильник Вольского не загудел тревожной нотой.

— Андрей, срочно приезжай! — выпалил Обухов, и по его взволнованному голосу стало ясно, что на стройке ЧП.

— Что случилось? — спокойно спросил Вольский. — Чего ты так волнуешься?

— Проходку закончили, но там ничего нет! — чуть медленнее выпалил Обухов. — Ты слышишь меня?! Под “грибком” пусто! Никакой трубы нет! Понимаешь?!

— Ладно, я ничего не понял, но уже еду! — бросил Вольский и, развернув машину, заспешил на Юго-Запад.

Притормозив у ворот, Вольский коротко просигналил. Суровый чоповец вышел из будки и впустил начальство на территорию. Турки из бригады неторопливо курили в стороне и не выжили в тонкости строительного дела. Подошел Обухов.

— Прошли тоннель до отметки, а под “грибком” пустота — нет трубы! — еще раз повторил он. — Газоотводного канала нет, прикинь!

— Если нет трубы, тогда зачем нужен “грибок”? — резонно усомнился Вольский, взглянув на видневшуюся на пустыре вентиляционную будку — такую же как у метро.

— А если это обманка, и трубы нет вообще? А если “чекисты-пенсионеры” кинули арабов?! Что тогда?

Вольский на это не ответил. По металлической лестнице он живо спустился в подвал, желая все увидеть своими глазами. Пройдя вдоль конвейерной ленты, подельники углубились под перекрытия и приблизились к широкой железной двери. Вре-

занная в стену несколькими метрами ниже уровня земли она смотрелась незатейливо, будто за дверью продолжение подвала или комната. На самом деле это не соответствовало действительности, как и многое на стройке. Дорогу им преградил Аслан.

Увидев боевика, Вольский вспомнил Шлепика. И то, что братва ищет кавказцев.

— Как дела? — поинтересовался он.

— Бэз проблем! — отрапортовал Аслан. Безразличные черные глаза отражали свет электрической лампы.

— К пушкам патроны нашли? — спросил Вольский.

— Канэчно! — скупой улыбнулся боевик.

Железная дверь открылась. Вольский оказался в длинном коридоре с гирляндой тающих в глубине фонарей. Уникальное сооружение не было похоже на тюремный подкоп или заброшенную каменоломню. Это был настоящий тоннель в полный рост, с ровным бетонным полом, стенами и укрепленным стальными балками сводом. Вольский любил надежность и основательность.

— Как это, нет трубы? Такого не бывает! — не мог поверить он. — Маркшейдер ошибся с прокладкой курса!

— Мы несколько раз лазером проверяли, — сообщил Обухов. — И расчеты проверяли. Вышли точно в заданное место — под "грибок"! И по дальномеру и по рулетке: сантиметр в сантиметр! И по локатору!

В конце пещеры Вольский заметил вбитый колышек — контрольную метку. Не верить расчетам спецов не было оснований. Он поднялся на поверхность, припал к окуляру специального прицела, синхронизированного с лазером под землей, прицелился... Все точно. Ошибка невозможна. По спине прокатилась волна озноба: долгосрочный план дал трещину, едва начавшись? Арабы серьезные люди, не поверят и не захотят войти в положение. — Хватит в прятки играть! Сватко или с нами или... никак! — решительно произнес Вольский. — До шахты мы все равно доберемся, с его помощью или с чужой! Если только шахта не блеф! Звони Саше. Скажи, чтобы бросил все и срочно приехал сюда!

Новенькая "ниссан-премьера" въехала на отвоеванную у города территорию. Придерживая черную визитку, Сватко неторопливо вылез из машины и пошел к пролазному вагончику. Работяги почтительно расступались. Он заглянул в вагончик, но, не обнаружив там Вольского, отправился вдоль забора. Шеф нашелся сам.

— Пошли, Сашок, разговор важный есть! — произнес Вольский, увлекая его в подвал. — Проблема возникла, и, похоже, кроме тебя, нам никто не поможет ее решить.

Деловито придерживая сумку, Сватко спустился вниз.

— Проблемы решаются! — усмехнулся он и, поскользнувшись на решетчатой ступеньке, едва не упал. У ленточного транспортера Аватко удивленно остановился. — А эта штуковина зачем тут?

— Сейчас все узнаешь! — подмигнул Обухов. — Пойдем, пойдем! На краю подвала — стальная дверь. В щель между блоками уходят силовые кабели.

— Бойлерная? — догадался бывший прапор. — А чего кабели раскиданы?

Дверца открылась. Мужики шагнули внутрь, оказавшись в крошечной тьме.

Громко и гулко, словно выстрел, щелкнул выключатель, Сватко остолбенел. Гнезущая тишина уперлась в уши. Глаза видели, но не хотели верить. Потому что реальность оказалась покрупче самых страшных фантазий. Во вспыхнувших нитях электрических ламп взору директора строительной фирмы открылся бесконечный тоннель, похожий на декорации съемочного павильона "Мосфильма". Уж больно нереально смотрелся он, выходящий из фундамента московской стройки.

— Это что? — с вытянутым лицом прошептал Сватко.

— Куда он идет?

Впрочем, Сватко был не так глуп и, рассчитав направление подземного хода, прикинул конечную точку. Он вел к секретному объекту "Поляна-6" с шестой по счету и последней уцелевшей пусковой шахтой. Где-то там, в толще земли, замерла на стапеле мощная баллистическая ракета. И стройка — только прикрытие! Сзади захлопнулась дверь. Сватко пугово оглянулся, но там никого не было: Аслан незаметно исчез.

— Короче, так, Сашок! Давай поговорим, как мужики! — внезапно и жестко начал Вольский. — Коротко, ясно и без соплей. Договорились?

Сватко замер, угадывая тему предстоящего разговора.

— Нам известно, где ты работал раньше, поэтому и вышли на тебя. В шахте "Поляны-6" осталась ракета. Так?

— Осталась, — выдохнул Немой.

— Мы должны проверить ее состояние, — по-командирски четко поставил задачу Вольский.

Бывший прапор с усилием слотнул. Он наконец понял, откуда взялись все щедрые подарки, упавшие прямо на голову. Причем нужную голову — его. Фирма, хорошая работа, шикарная японская машина, кредит, деньги... Ничего на свете не делается просто так, и за каждый подарок когда-то приходится заплатить. У Сватко еще оставался шанс все повернуть вспять, но он не сумел им воспользоваться. Не захотел.

— С формальностями покончили! — продолжал Вольский. — Теперь за дело. Пошли, пройдемся по нашему "Метро-2"! Как попасть в шахту?

— Самое простое — через газоотводный канал, как вы и хотели, — сказал Сватко. — Только в надстройке сигнализация. Если залезть — прилетит тревожная группа. А в самом канале защитные ограждения — просто так не пролезешь. На вилы сядешь!

— Мы так и подумали, — ответил Вольский. — Поэтому тоннель завели чуть ниже "грибка". Но проблема в том, что под ним ничего нет! Трубы нет, понимаешь?

— Правильно! — со знанием дела усмехнулся Сватко. — Это отстойник-ловушка! Так специально сделано. Под надстройкой прямоугольный подвал, а канал входит в него метрах в двадцати пяти правее.

У Вольского от сердца отлегло. Не лоханулся он с выбором маршрута проникновения. Да и добровольный помощник, похоже, не врет. Старается, чтобы бабки зарабатывать.

— Просто перпендикуляр в земле сверлим, и мы в канале? — обрадовался Обухов.

— Точно! — подтвердил Сватко. Ощущение собственной значимости возвращалось в родное лоно. К Саше прислушиваются такие важные люди! Да и сам он теперь — человек не последний!

Ресторан "Канарейка" работал в обычном режиме. Он был наполнен людьми, запахами и музыкой. Народ продолжал подтягиваться, чтобы, начав отдыхать днем, к вечеру хорошенько продолжить. Белая "Волга" оперативного отдела ФСБ причалила к тротуару у заведения и, скрипнув тормозами, остановилась. Грубовато щелкнули двери — майор Игнатов и капитан Кузин пружинисто вылезли из машины и прошли по залитой светом улице. Они поднялись на крыльцо, потянули массивную дубовую дверь и оказались в затемненном помещении. Круглолицый швейцар дядя Ваня встретил гостей как положено: с подобострастной улыбочкой и почтением:

— Здравствуйте, господа! Вы к нам поужинать? Будьте любезны!

— Добрый день, — ответил Игнатов. — Как пройти к директору?

Вопрос насторожил швейцара. Одни приходили уже, спрашивали директора. А чем все закончилось? Стрельбой и потасовкой. Нет, теперь дядя Ваня ученый. Его на мякине не проведешь! Отставной милиционер взглянул на скучавшего Костю-Борова — местного охранника, и тот, приняв сигнал, немедленно поднялся.

— Вам назначено? — горой надвинулся греко-римский борец, заслонив пивным пузом проход в зал.

— Назначено, — спокойно ответил майор и движением фокусника извлек из кармана удостоверение. — Мы из ФСБ. Где кабинет директора?

Охранник отступил.

— Через зал и направо, — коротко сказал он.

Чекисты ушли, а к Косте подскочила его подружка — длинноногая официантка Танька Филатова.

— Кто это — не из налоговой? Не проверка? — полушепотом протараторила она, тронув приятеля за руку и обворожительно улыбувшись.

— Из ФСБ! — серьезно ответил ухажер.

— Хватит чиркать! — прикрикнул дядя Ваня. — Танька! Быстро в зал — клиенты ждут!

Процесс пошел. Оперативники опрашивали очевидцев, составляя словесные портреты кавказцев. Однако они наступали на те же грабли, что и милиция, и четкой картинки не получалось. Люди припоминали лишь общие признаки. Получалось, что для свидетелей все кавказцы — на одно лицо. Какие же это свидетели? То ли стресс виноват, то ли время стерло в памяти увиденные однажды искаженные злобой лица. Кто знает. Психика дело тонкое. А чекисты делали свою работу аккуратно и по методике. Ручеек работников ресторана пополнял их записи деталями и фрагментами. Наконец, для беседы пригласили Сережу Рогожкина. Кузин задавал Рогожкину стандартные вопросы, записывал приметы преступников, снова спрашивал... И видел, что парень сильно волнуется. Побледнел, руки дрожат, губы посинели. С чего бы это?

— Для обычного свидетеля парень слишком нервничает, — выйдя в коридор, шепнул напарнику Кузин. — То ли боится, то ли чего-то знает...

— Чего может бояться свидетель? — спросил Игнатов и сам же ответил: — Мести преступников.

— Но одни убиты, а других давно след простыл, — заметил капитан. — У меня впечатление, что боится он не их, а нас. Попробуй, поговори с ним, а я покурю!

Так и сделали. Кузин ушел на "перекур", а майор попытался разговорить Рогожкина. Но зацепок не появилось, раскрутить парня "на правду" не получилось, пришлось его отпустить.

Однако вскоре страх Рогожкина сам дал о себе знать.

Чекисты уже заканчивали работу и собирались уезжать. Пока Игнатов опрашивал дядю Ваню, капитан Кузин отлучился в туалет. Стоя в кабинете, он вдруг услышал голоса.

— ...Ничего с тобой не случится! — нагло урчал грубый голос. — Прокатишься с нами и вернешься!

— Да не могу я! — отпирился чей-то знакомый голос. — Там из ФСБ приехали. Со всеми разговаривают! И работы много — никто меня не отпустит! Не могу я! Честно!

— Ну, ты, козел! — не на шутку рассердился грубиян. — Я два раза повторять не буду! Ща в репу заеду, и все равно поедешь! Или поползёшь! Понял?!

— Давай на выход! — прохрипел еще один голос.

Предмет разговора показался капитану занимательным. Кого-то куда-то заставляют ехать насильно, а тот не соглашается. Конечно, это не дело ФСБ, но все же

интересно посмотреть — кто бы это мог быть? Кузин быстро вышел из туалета и в полумраке подсобики заметил двух парней, один из которых, отчаянно жестикулируя, толкал второго, делая поменьше. Кузин двинулся в глубь служебного помещения, старательно делая вид, что происходящее его не интересует.

— Ребята, я не могу уйти с работы! — повторял парнишка небольшого роста, потирая ушибленное плечо.

— Да отстаньте вы!

“Рогожкин! — безошибочно узнал его капитан. — Не их ли парень боялся?”

— Мужики! — произнес он, улыбаясь. — Чего шумите?

— Не твой базар, мужик! — не оборачиваясь на голос, огрызнулся парень с впалыми угреватými щеками. — Топай, куда топал, пока ноги есть!

— Сказано же вам — не хочет он с вами ехать! — все так же беззаботно улыбаясь, напомнил капитан, приближаясь к странной троице.

— Ты чо — тупой, мужик? — озверел “впалый”, обернувшись. — Вали своей дорогой, пока ноги не вывали! Валеk! Покажи лоху выход! А ты заткнись! — небрежно бросил он и ударил Рогожкина в живот. — Я ясно объяснил?

Парень ойкнул и согнулся, а навстречу капитану расхлябанно-моряцкой походкой уже шел Валеk. Дебильное лицо не выражало ничего, кроме готовности исполнить команду “фас”. Когда до жертвы осталось метра три, та повела себя вызывающе.

— Приторможите немного и предъявите документы! — жестко приказал капитан.

— А ты типа папа римский? — скривился Валеk. — Или мент, может? Да я тебя знаешь где видел, козел!

— Я сотрудник Федеральной службы безопасности! Приготовьте документы!

Слова произвели и шокирующее действие. Валеk на секунду опешил, широко раскрыл глаза и вывалил челюсть. “Впалый” оставил Рогожкина в покое и тоже посмотрел на “наглого мужика”, затем нервно усмехнулся.

— Нам наплевать, какой ты там сотрудник! Понятно?! Мы не торгуемся! Ты попал, мужик!

— Ты от смерти на длину ножа. Разве дохлякам нужны документы? — по-своему объявил Валеk, опуская руку в карман.

Рогожкин слился со стеной. От страха он не мог произнести ни слова. Ему хотелось крикнуть капитану: “Бегите, это бандиты!...” Но предатель-язык не шевелился.

Валеk напал без предупреждения. Из-за быстроты и мощи броска Кузин чуть не попал под удар, но сумел его блокировать. Бандит оказался чрезвычайно проворен, силен и напорист. Вскоре Кузин понял, что, несмотря на внешнее бахвальство и распальцовку, боевыми искусствами Валеk не блистал. Приемы уличной драки были предсказуемыми и не предусматривали неожиданных действий. Они рассчитаны на человека, не подготовленного к встрече с бандитом в темном переулке, а капитан был готов. Тем временем тень Рогожкина отделилась от “впалого” и медленно двинулась вдоль стены... “Впалый” прокричал угрозы, отвлекая внимание на себя, а в это время Валеk поднялся и обнажил нож.

Кузин примерился и приготовился к защите, но, опасно блеснув, нож неожиданно прыгнул в левую руку бандита и в стремительном броске нацелился в капитана.

Стандартным приемом Кузин заблокировал холодное оружие, а согнутая кисть скользнула, обвиваясь змеей вокруг вооруженной руки. Нажимом предплечья Кузин вывернул нож из сомкнутых пальцев. Пытаясь удержать оружие, Валеk отклонился назад, и тогда капитан ударил его в подбородок. С неприятным звоном заостренная сталь упала и тут же была откинута ногой. С утробным урчанием бандит опрокинул-

ся на спину, увлекая за собой штабеля ящиков с пивом и шампанским. Крупное бесчувственное тело сползло на ровно выложенный искусственный гранит. Все это заняло не более минуты.

— Валек! Вставай, чего разлегся! Уходим! — громко прокричал "впалый". Но, прежде, чем тот сумел очнуться и понять, что ему говорят, команду отработал Рогожкин. Заметив, что остался без присмотра, он что есть мочи рванул к служебному выходу.

В мерцающем свете дневного светильника Кузин увидел, что "впалый" держит пистолет. Оружие плотно сидело в напряженной руке, высматривая, куда бы выплюнуть твердую свинцовую жвачку. "Пээм — безошибочно определил Кузин. — Интересно, патрон уже в стволе?" Но додумать не успел. Рядом с капитаном будто стена треснула. Тупая пуля с хлестким звуком расколола кафель. Острый кусок камня кольнул щеку. По коже покатались темно-красная капелька. Кузин упал. Пыльное, захламленное помещение всколыхнуло пара грохнувших вдгонку выстрелов. В пробитом ящике звякнуло стекло. Треснула плитка на стене. Скрикошетившие пули металась в смертельном танце и шлепались в коридоре. "Впалый" оказался плохим стрелком. Совсем не таким, как Аслан с Ниязом, прошедшие школу выживания. Подхватив бутылку, капитан саданул ею в потолок. Раздался сочный хлопок, осколки битого стекла полетели на пол, и все погрузилось в темноту.

Нащупав тяжелый коньячный "пузырь", капитан метнул его, словно ручную гранату. Бандит пригнулся. Брызги стекла накрыли стену, осыпав его колким дождем. "Впалый" огрызнулся беспорядочным огнем и... побегал. Вторая бутылка капитана догнала его и больно ударила в спину. "Впалый" громко заматерился, а Кузин вскочил и бросился в наступление! В глубине коридора слышались шаги и возбужденные голоса — кто-то торопился на помощь. Вдруг сзади что-то шевельнулось — очнувшийся Валек понял, что влип основательно и конкретно. Он вскочил и поспешил воспользоваться суматохой, чтобы тараном прорваться на волю. Удар оказался безупречно рассчитанным, и Валек отключился снова. А когда очнулся, на его руках блестели черные кольца наручников. "Впалый" тоже хотел спасти свою шкуру. Угрожая оружием работникам ресторана, он пробежал через подсобные помещения и выскочил к служебной двери. Теперь уже ничто не сможет ему помешать, а если кто-то и решится встать на пути, то пара патронов в мажореве еще осталась! Делая шаг к свободе, "впалый" с разбега шибанул плечом дверь... В следующую секунду он увидел вспышку яркого света, но понять его природу не успел. Майор Игнатов, обежавший ресторан по улице, мощным ударом сбил уловника на асфальт.

Дальнейшее уже являлось делом техники и не представляло проблемы. Милицейский наряд составил протокол задержания, приобщив к нему изъятые вещественные доказательства: нож и пистолет Макарова. Валька и "впалого" с ветерком прокатили по вечерней Москве до отделения милиции. Вменяемые им статьи уголовного кодекса весили серьезно: покушение на убийство сотрудника правоохранительных органов, находящегося при исполнении, незаконное хранение и ношение оружия. Но еще одним значительным довеском к обвинению могла стать попытка похищения человека, коим, без сомнения, являлся Сергей Рогожкин. Но тут возникли вопросы: почему повар сбегал, наплевав на присутствие сотрудников ФСБ, и куда так настойчиво приглашали его братки?

Вечер не принес ответа ни на один из вопросов. Не нашлось их и на следующий день, потому что арестованные упорно молчали. А Сергей Рогожкин не появлялся дома всю ночь и утром не вышел на работу.

Окончание следует.

* * *
После всех скитаний
солнышко обманет.
Ялта, как Титаник,
тонущий в тумане.

Души пред иконой
плакали свечами.
Как шальные кони,
мы по жизни мчались.
Сколько мне отпущено? —
я пока — не знаю.
На кофейной гуце
кисея резная.
Веру и надежду
призову к ответу.
Потеряюсь между
тем и этим светом.

* * *
Крым! Душа шюлем бредит.
Жизнь прищипорила года...
Гладью вышит белый лебедь
в пльцах графского пруда.
В шаль цветов земля одета,
явь — иль зрительный обман:
легким призраком Одежды
бродит меж аллея туман.
В полдень мир теней не страшен.
Бьются в резонанс сердца
под оскалом серых башен
Воронцовского дворца.
Рай земной я здесь искала...
Залпом белого вина
разбивается о скалы
набежавшая волна.

* * *
Не забыли, как любили
на лихом излете лет,
как неслись автомобили
всем смертям во след на свет,
как в смятеньи со слезами
жили ссоры и стихи,
под святыми образами
совершались грехи.
Обсуждаема другими
станет повесть наших дней.

Мы останемся нагими
на полотнах простыней.

* * *

В родословной дождей —
капли жажды потухшей.
Это —
прошлых людей пересохшие души
просят вспомнить светло...
просто так,
беспричинно...
Я разглажу стекло:
там
при свете лучины
чьи-то пряди волос
жадно
губы полощут,
вдруг
в созвездии рос
воскресая на ощупь.

* * *

Нас ждали чужие пороги...
И мы незаметно выросли,
когда расходились дороги
попарно — по две параллели.
А годы, увы, пролетали.
Мы их удержать не умели...
И в зеркальцах хрупких проталин
подчас отражались метели.
Мы истин своих не открыли.
Не в нас ли погибли Икары?
А тени лежали, как крылья,
разбитые о тротуары.

* * *

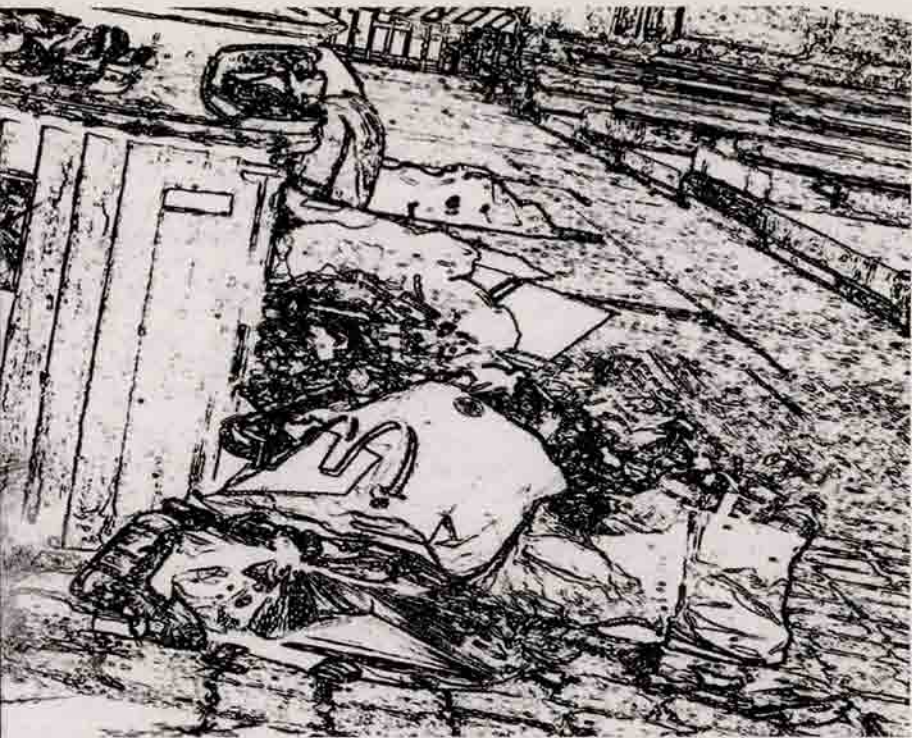
Показалось — я здесь бывала,
И, наверное, я права.
Малахитовым покрывалом
поманила меня трава.
Я, возможно, была любима
и бродила здесь не спеша.
Стрекозой, пролетавшей мимо,
упорхнула моя душа.
Верю — кто-то скорбел в разлуке,
разминая комья земли.
Этот храм не мои ли внуки
к возвращению возвели?..

Руки Олли

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

■ Та июльская ночь выдалась жаркой. Воздух, касающийся ладоней Олли, сообщал ему о дискомфорте городских жителей: миллионы людей мечтали о приходе зимы.

Даже в самую суровую погоду руки Олли оставались мягкими, теплыми, влажными... и чувствительными. Его тонкие пальцы обладали удивительными способностями. Когда он за что-то хватался, пальцы словно сливались с поверхностью объекта. Когда отпускал, освобождали, будто со вздохом.

Каждую ночь, независимо от сезона, Олли приходил в темный проулок за рестораном "У Стазника", где рылся в трех мусорных баках в поисках случайно выброшенных столовых приборов. Поскольку Стазник придавал большое значение уровню обслуживания, а цены в ресторане кусались, столовые приборы стоили дорого, и усилия Олли не пропадали даром. Каждые две недели ему удавалось набрать полный комплект, который он и относил в один из близлежащих комиссионных магазинов. Вырученных денег хватало на вино.

Выуженные из мусорных баков столовые приборы являлись главным, но не единственным источником его существования. По-своему Олли был талантливым человеком.

В ту жаркую июльскую ночь его талант прошел серьезную проверку. Придя в проулок, чтобы нащупать в баках ножи, вилки или ложки, он нашел потерявшую сознание девушку.

Она лежала за последним баком, на боку, головой к кирпичной стене, закрыв глаза, сложив руки на маленькой груди, словно спящий ребенок. Дешевенькое, об-

тягивающее, короткое платье показывало, что она уже не дитя. Бледная плоть чуть высветлилась в темноте. Большого Олли разглядеть не удалось.

— Мисс? — позвал он, наклонившись.

Она не отреагировала. Но шевельнулась.

Он опустился рядом с ней на колени, тряхнул, но разбудить не смог. Когда прекратил на спину, чтобы разглядеть лицо, что-то задрезжалось. Чиркнув спичкой, он увидел рядом с ней стандартный набор наркомана: шприц, закопченную ложку, металлическую кружку, огарок свечи, несколько пакетиков белого порошка, завернутых сначала в пластик, а потом в фольгу.

Он мог бы оставить ее и продолжить поиски ложек, но пламя спички осветило ее лицо, и содержимое мусорных баков отошло на второй план. Он увидел высокий лоб, широко посаженные глаза, чуть вздернутый, усыпанный веснушками нос, пухлые губы, обещавшие эротические наслаждения и говорившие о детской наивности. Когда спичка погасла и стусилась темнота, Олли уже знал, что не сможет оставить ее здесь, потому что никогда в жизни не видел такой красавицы.

— Мисс? — Он еще раз потряс ее за плечо.

Она опять не отреагировала.

Он посмотрел в одну сторону, в другую, не обнаружил кого-либо, кто мог бы неправильно истолковать его намерения. Убедившись, что они одни, наклонился ниже, положил руку на грудь, почувствовал, что сердце, пусть слабо, но бьется, поднес влажную ладонь к носу и уловил легкое дыхание. Девушка была жива.

Он поднялся, вытер ладони о мятые грязные брюки, с сожалением глянул на мусорные баки, в которых наверняка ждала богатая добыча, и поднял девушку. Весила она совсем ничего, и он понес ее на руках, как жених несет невесту, к своему дому. Сердце гулко билось от непривычной нагрузки, но он донес ее до конца проулка, торопливо пересек пустынную авеню и нырнул в другую неосвоенную улочку.

Десятью минутами позже открыл дверь и внес ее в свою квартиру, расположенную в подвале. Положил на кровать, закрыл дверь, включил подобранную на помойке лампу с газетой вместо абажура, стоящую на столике у кровати. Девушка по-прежнему дышала, но не приходила в себя.

Он смотрел на нее, гадая, что делать дальше. Ранее он действовал целенаправленно, теперь растерялся.

Раздраженный неспособностью ясно мыслить, вновь вышел на улицу, запер за собой дверь и вернулся в проулок за рестораном. Нашел ее сумочку, бросил в нее шприц, ложку и все остальное, что валялось рядом с ней. Снедаемый тревогой, причину которой понять не мог, зашагал к себе.

Столовые приборы в мусорных баках начисто забылись.

Сидя рядом с кроватью на стуле с прямой деревянной спинкой, Олли рылся в сумочке. Достал шприц и свечку, сломал, бросил в мусорное ведро. В ванной разорвал пакетики с героином, высыпал порошок в унитаз и спустил воду. В металлическую чашку она ставила свечку, на которой готовила очередную дозу. Он положил чашку на пол и расплющил несколькими ударами каблука. Вымыл руки, вытер их рваным полотенцем с логотипом какого-то отеля и почувствовал себя лучше.

Дыхание девушки стало более частым, прерывистым. Лицо посерело, на лбу выступили капельки пота. Стоя над ней, Олли понял, что она умирает, и испугался.

Сложил руки на груди, запрятав кисти с длинными пальцами под мышки. Мясистые подушечки просто истекали влагой. В принципе, он понимал, что его руки способны не только на поиск столовых приборов в гудах мусора, но не хотел признавать за ними таких способностей: опасно.

Олли вытащил галлоновую бутылку вина из гардероба и глотнул прямо из горла. Вкусом вино не отличалось от воды и не могло снять напряжения. Не могло, пока на его кровати лежит эта девушка. Пока так трясутся руки.

Он оставил бутылку и все-таки решился.

Олли терпеть не мог использовать руки для чего-либо, кроме как для поиска неких предметов, которые, после конвертации в деньги, позволяли приобрести вино, но сейчас выбора не было. Включились основные инстинкты. На кровати лежала красавица, чьи классические черты лица просто завораживали. Серая кожа и капельки пота на лбу не умаляли ее красоты. Не в силах оторвать от девушки глаз, Олли последовал за руками к кровати, словно слепой, ощупывающий препятствия в незнакомой комнате.

Для того, чтобы его руки могли эффективно действовать, следовало ее раздеть. Белья девушка не носила. Груды маленькие, твердые, высокие, талия слишком тонкая, кости на бедрах торчали, хотя даже недоедание не слишком отразилось на округлости ног.

Он коснулся ее висков, разгладил волосы, подушечками пальцев прошелся по лбу, щекам, нижней челюсти, подбородку. Нашупал пульс на шее, осторожно нажимал на грудь, живот, ноги, отыскивая источник болезни. Вскоре все понял: передозировка. Узнал он и еще одну подробность, в которую не хотелось верить: передозировка сознательная.

Руки болели.

Олли коснулся ее вновь, ладони описывали плавные круги по телу, он уже не знал, где заканчиваются его руки и начинается ее бархатистая кожа, они сливались воедино, стали двумя облаками дыма, одно из которых переливалось в другое.

Полчаса спустя она уже не пребывала в коме, просто спала.

Осторожно он повернул ее на живот, обработал руками спину, плечи, ягодицы, бедра, завершая начатое. Прошелся по позвоночнику, помассировал затылок, заблокировав восприятие ее красоты, сосредоточившись на перекачке энергии от него к ней.

Пятнадцать минут спустя он не просто снял наркотическую зависимость, но полностью и навсегда излечил ее от пристрастия к наркотикам. Теперь ей становилось бы плохо от одной мысли о том, чтобы уколоться. Он об этом позаботился. Руки позволяли.

Олли откинулся на спинку стула и заснул.

Часом позже вскочил, преследуемый кошмаром, который стерся из памяти. Быстро подошел к двери, обнаружил, что она заперта, выглянул из-за штор в окно. Ожидал, что напорется на чей-то взгляд, но нашел только ночь. Никто не видел, как он использовал свои руки.

Девушка спала.

Укрывая ее простыней, он вдруг понял, что даже не знает имени своей гостьи. В сумочке нашел удостоверение личности: Энни Грайс, двадцать шесть лет, незамужняя. Ничего больше, ни адреса, ни имен родственников.

Взялся на стеклянные бусы, но эти маленькие гладкие шарики ничем его не порадовали. Он решил, что бусы приобретены недавно, поэтому еще не вобрали в себя ауру хозяйки, и отложил их.

А вот потрепанный бумажник принес ему массу образов, дал полную картину последних лет жизни Энни: первое приобретение кокаина, первое использование, последующая зависимость, переход к героину, воровство, работа во все более грязных барах, проституция, которую она называла иначе, чтобы успокоить совесть, на-

конец, полный отрыв от общества, одиночество и сознательное желание уйти из жизни.

Он бросил бумажник в сумочку.

Пот лился по нему ручьем.

Хотелось вина, но в такой ситуации оно не могло принести забвения. Кроме того, он еще не утолил любопытства. Как вышло, что такая красотка прошла путь, за свидетельствованный бумажником, который находился при Энни Грайс семь последних лет?

Он нашел в сумочке старинное кольцо (семейное наследство?), подержал в руке, позволил образам войти в него. Поначалу они не имели отношения к Энни. Он видел раннюю историю кольца, ее прежних владельцев, поэтому дал команду мозгу перенестись вперед, поближе к нынешним временам.

Энни семь лет. Директор сиротского приюта только что передала девочке то не-многое, что осталось после пожара, уничтожившего ее дом шесть месяцами раньше. В огне погибли и родители. А потом ее жизнь стала цепочкой печальных событий. Застенчивость сделала ее мишенью более агрессивных сверстников. Робость и скромность в переходном возрасте помешали приобрести друзей. Первый любовный опыт прошел неудачно, и контакта с людьми она стала бояться пуще прежнего. Не имея денег на обучение в колледже, работала продавщицей, переходя из одного магазина в другой, несчастная, замкнутая, одинокая. Одно время пыталась побороть собственную застенчивость отчаянной агрессивностью, но закончилось это знакомством с морально деградировавшим молодым человеком по имени Бенни. С ним она прожила год и впервые нюхнула кокаин. Собственно, одиночество и жизнь без любви и привели ее к наркотикам. Все это Олли чувствовал, знакомясь с образами, источниками которых был потрепанный бумажник.

Кольцо вернулось в сумочку, а Олли схватил бутылку с вином. Он пил долго и жадно, пока не избавился от депрессии: не своей — Энни. Потом заснул.

Разбудила его девушка. Она сидела на кровати, смотрела на него, привалившегося к стене, и кричала.

Олли поднялся, его качнуло, он заморгал, сонно, туго соображая, что к чему.

— Где я? — в голосе девушки слышался испуг. — Что ты со мной сделал?

Олли не ответил. Молчание было его спасением. Он давно уже выяснил, что ни с кем не может говорить. То ли был немой, то ли боялся слов. Руки дрожали, потные, розовые. Он покачал головой и нервно улыбнулся, надеясь, что она поймет главное: он только хотел ей помочь.

Вероятно, она осознала невинность его намерений, потому что лицо стало не таким испуганным. Хмурясь, девушка натянула простыню до шеи, чтобы прикрыть наготу.

— Я не мертва, хотя вколола себе передозу.

Олли улыбнулся, кивнул и вытер ладони о рубашку.

Ее глаза раскрылись от неподдельного ужаса, когда она смотрела на исколотые иглой вены на руках. То был ужас перед жизнью, перед самим существованием. Окончательно убедившись, что попытка самоубийства провалилась, она зарыдала, завывала, мотая головой, золотые волосы то и дело закрывали бледное лицо.

Олли быстро подскочил к ней, прикоснулся, и снова уснул. После чего, окончательно протрезвев, направился к окну, выглянул в свет раннего утра, коснувшийся бетонных ступеней, ведущих к двери, вновь задернул штору и облегченно вздохнул: ее крики никого не встревожили, не привели к его порогу.

В ванной он плеснул в лицо холодной водой, думая, что делать дальше. Мелькнула мысль, а не отнести ли девушку в проулок, где он ее и нашел, и расстаться с

ней навсегда. Но так поступить он не мог. Почему — не понимал, да и не пытался найти логическое объяснение своему поведению: боялся ответа, который мог получить.

Вытирая лицо грязным полотенцем, Олли вдруг осознал, какое жалкое представляет из себя зрелище. Принял ванну, побрился, переоделся в чистое. Он по-прежнему выглядел, как бродяга, но уже бродягой по выбору, а не по случаю. К примеру, разочаровавшимся в жизни художником. Или, как в некоторых старых фильмах, богачом, удравшим от наскучивших обязанностей, которые налагали богатство и положение в обществе.

Его удивил столь забавный ход собственных мыслей. Он считал себя человеком заведенного порядка и не жаловал фантазий.

Встревоженный, Олли отвернулся от своего отражения в зеркале и прошел в большую комнату, чтобы проверить, как там девушка. Во сне она выглядела такой чистой, такой невинной.

Тремя часами позже, прибравшись в обеих комнатах, Олли сменил на кровати простыни. Даже зная, что это невозможно, подумал о том, чтобы и дальше не будить ее, а ухаживать из года в год, словно она в коматозном состоянии, а он — медицинская сестра. Это было бы счастьем, какого он еще не знал в жизни.

Но он уже проголодался и знал, что, когда она проснется, тоже захочет есть. Поэтому покинул квартиру, заперев за собой дверь. В двух кварталах, в маленьком продуктовом магазине покидал в тележку все необходимое. Так много еды за один раз он не покупал никогда.

— Тридцать восемь долларов двенадцать центов, — назвал сумму кассир, не скрывая своего пренебрежения — чувствовал, что Олли не сможет заплатить.

Олли поднял руку, коснулся лба и пристально посмотрел на кассира.

Тот моргнул, смущенно улыбнулся, сжал пальцами воздух.

— Ваши сорок долларов, — и положил несуществующие купюры в соответствующее отделение кассового аппарата, давая Олли сдачу и перекладывая купленные продукты в пакеты.

Шагая домой, Олли явно чувствовал себя не в своей тарелке, потому что никогда раньше не использовал свои способности, чтобы кого-то обмануть. Если бы не девушка, прошлой ночью он бы обследовал мусорные баки, возможно, сумел бы полностью собрать еще один комплект столовых приборов, а потом перешел бы к другим способам добывания денег. На станциях подземки он без труда находил выроненные пассажирами монетки, иной раз его нанимали, чтобы что-то разгрузить или перенести. Так что ответственность за обман лежала не только на нем. Тем не менее, совершенная кража тяготила его.

Дома он приготовил обед: жаркое, салат, свежие фрукты, и разбудил Энни. Она как-то странно посмотрела на него, когда он указал на накрытый стол. Олли чувствовал, как в ней разгорается пожар ужаса. Обвел рукой прибранную комнату, ободряюще улыбнулся.

Девушка села, вновь вспомнила ночь, вспомнила, что уйти из жизни не удалось, и в отчаянии закричала.

Олли умоляюще поднял руки, попытался что-то сказать, но не сумел.

Кровь бросилась ей в лицо, она набрала полную грудь воздуха и попыталась соскочить с кровати.

Олли пришлось прикоснуться к ней руками и опять погрузить в сон.

Укрывая ее простыней, он отругал себя за наивность. С чего он взял, что она забудет про все свои страхи, будет вести себя по-другому, увидев, что он принял

ванну, переоделся, прибрался в квартире и приготовил обед? Она могла измениться только с его помощью, а вот это требовало времени, немалых усилий... и жертв.

Еду он выбросил. Есть уже не хотелось.

Долгую ночь Олли просидел у кровати, опираясь локтями на колени, положив голову на руки. Подушечки пальцев, казалось, слились с висками, ладони — со щеками. Он погрузился в ее разум, чувствовал ее отчаяние, надежды, мечты, честолюбивые замыслы, знания и опыт, доставшиеся дорогой ценой, ошибки, заблуждения, недостатки. Он достиг глубин ее души.

Утром Олли выпил два стакана воды, дал попить и девушке, не выводя ее из полусна. Затем нырнул в хаотичный мир ее разума и оставался там, с короткими перерывами, день и ночь, исследовал, изучал, набирал информацию, бережно и осторожно настраивал ее психику.

Он не задавался вопросом, почему тратит на девушку столько времени, энергии, эмоций. Возможно, не хотел признаться себе, что основной мотив — замучившее его одиночество. Он сливался с ней, касался ее, изменял, не желая задуматься о последствиях. А к следующему рассвету закончил работу.

Вновь наполовину разбудил Энни и дал попить, чтобы уберечь от обезвоживания. Потом погрузил в глубокий сон и прилег рядом. Взял ее руку в свою. Вымотанный донельзя, заснул, и ему казалось, что он плывет в огромном океане, песчинка среди волн, и его вот-вот проглотит что-то ужасное, поднимающееся из глубин. Как ни странно, сон этот не напугал Олли. И в жизни, так уж сложилось, он постоянно ждал, что его кто-то или что-то проглотит.

Двенадцатью часами позже Олли проснулся, принял душ, побрился, оделся и приготовил обед. Когда разбудил девушку, она снова села, в недоумении огляделась, но не закричала.

— Где я? — спросила Энни.

Сухие губы Олли беззвучно задвигались, он мгновенно потерял уверенность в себе, смог лишь обвести рукой комнату, которая теперь вроде бы уже была ей знакома.

На лице девушки отразилось любопытство, она еще не знала, как себя держать в незнакомой обстановке, но страх перед жизнью определенно покинул Энни. От этой болезни ни она, ни Олли не излечились.

— Да, уютное у тебя местечко. Но... как я сюда попала?

Олли облизал губы, поискал слова, не нашел, указал на себя и улыбнулся.

— Ты не можешь говорить? — спросила она. — Ты немой?

Он обдумал ее вопрос, решил, что предложенный ею выход скорее хорош, чем плох, и кивнул.

— Бедненький! — Энни долго смотрела на синяк на руке, на сотни отметин от иглы, без сомнения, вспомнила передозу, которую тщательно приготовила и ввела в кровь.

Олли откашлялся и указал на стол.

Энни велела ему отвернуться. Слезла с кровати, сняла верхнюю простыню, вернулась в нее, как в тогу, села за стол и улыбнулась ему.

— Я умираю от голода.

Фея! Она просто очаровала Олли.

Он улыбнулся в ответ. Все шло, как по маслу. Он поставил еду на стол, знаками дав понять, что повар он так себе.

— Выглядит все очень аппетитно, — заверила она его. И начала накладывать еду в свою тарелку. Не произнесла ни слова, пока все не съела.

Потом попыталась помочь ему убрать со стола, но скоро устала, и ей пришлось вернуться в постель. Когда он закончил и сел на стул рядом с кроватью, она спросила:

— Чем ты занимаешься?

Он пожал плечами.

— Как зарабатываешь на жизнь?

Олли подумал о своих руках. Что бы он рассказал о них, если бы мог говорить? Пожал плечами, как бы отвечая самому себе: "Ничего особенного".

Энни оглядела опрятную, но убогую комнатку.

— Нищенствуешь? — Олли не ответил, и она решила, что попала в точку. — Как долго я смогу здесь оставаться?

Жестами, выражением лица, движением губ Олли заверил ее, что оставаться она может, пока сама не захочет уйти.

Энни долго всматривалась в его лицо, пока не поняла смысл его жестикуляций, затем попросила:

— Нельзя ли уменьшить свет?

Олли встал и выключил два из трех рожков люстры. Когда повернулся к кровати, она уже лежала нагая, готовая принять его.

— Послушай, я понимаю, что ты принес меня сюда и ухаживал за мной не за так. Ты рассчитываешь на... вознаграждение. И имеешь полное право его получить.

В замешательстве Олли взял чистые простыни из стопки в углу и, игнорируя ее предложение, начал перестилать постель, не прикасаясь к девушке. Она в изумлении тарачилась на него, а когда он закончил, сказала, что не хочет спать. Он раздраженно настаивал. Когда ему это надоело, он прикоснулся к ней, и Энни мгновенно заснула.

Утром она позавтракала с тем же аппетитом, что выказала прошлым вечером за обедом. Очистив тарелку, спросила, можно ли ей принять ванну. Олли мыл посуду под аккомпанемент ее мелодичного голоса, доносившегося из-за двери ванной. Песню, которую она пела, он никогда раньше не слышал.

Энни вышла из ванной с чистыми волосами цвета гречишного меда, обнаженная встала у изножия кровати, знаком подозвала его. Выглядела она куда лучше, чем в ту ночь, когда он ее нашел, но определенно могла бы прибавить несколько фунтов.

Олли отвернулся от нее, уставился на несколько тарелок, которые еще не успел вытереть.

— В чем дело? — спросила она.

Он не ответил.

— Ты меня не хочешь?

Он покачал головой: нет.

Энни шумно втянула в себя воздух.

Что-то тяжелое ударило в бедро, вызвав резкую боль. Повернувшись, Олли увидел, что девушка держит в руке тяжелую стеклянную пепельницу. Ощерив зубы, она шипела на него, как разъяренная кошка, колотила по плечам пепельницей, кулачком, пинала, визжала. Наконец, пепельница выскользнула из рук, обессиленная, Энни привалилась к его груди и заплакала.

Олли обнял ее, чтобы успокоить, но ей хватило сил, чтобы яростно отбросить его руку. Она повернулась, попыталась дойти до кровати, споткнулась, упала и лишилась чувств.

Он поднял ее и положил на кровать. Укрыл, сел на стул, дожидаясь, когда она придет в себя.

Полчаса спустя, открыв глаза, Энни дрожала всем телом, комната плыла перед глазами. Он ее успокоил, откинул волосы с лица, вытер слезы, сделал холодный компресс.

— Почему ты не хочешь меня? Я тебе не нравлюсь? Но я не могу по-другому расплатиться с тобой. Кроме своего тела, мне дать нечего.

Он прикоснулся к ней, обнял ее. Мимикой и жестами постарался убедить, что дать она может гораздо больше. Уже дает, просто находясь здесь. Находясь с ним рядом.

Во второй половине дня Олли отправился по магазинам. Купил девушке пижаму, одежду для улицы, газету. Ее позабавил его пуританский выбор: пижаму он принес с длинными рукавами, с длинными штанинами. Энни надела ее, потом почтала ему газету: комиксы и жизненные истории. Почему-то она решила, что он не умеет читать, а он не стал ее разубеждать, поскольку безграмотность соответствовала создаваемому им образу: алкоголики книг не читают. И потом, ему нравилось слушать, как она читает. Очень уж сладкий у нее был голосок.

Наутро Энни надела новенькие синие джинсы и свитер, чтобы вместе с Олли пойти в продовольственный магазин на углу, хотя он и пытался ее отговорить. На кассе, когда он протянул несуществующую двадцатку и получил сдачу, Энни, вроде бы, смотрела в другую сторону.

А вот когда шли домой, спросила:

— Как ты это делаешь?

Он изобразил недоумение. Делаю что?

— Только не пытайся душить Энни голову, — усмехнулась девушка. — Я чуть не вскрикнула, когда кассир схватил воздух и дал тебе сдачу.

Олли промолчал.

— Гипноз? — не унималась Энни.

Он облегченно кивнул. Да.

— Ты должен меня научить.

Он не ответил, но ее это не остановило.

— Ты должен меня научить этому маленькому фокусу. Если я им овладею, мне больше не придется торговать своим телом, понимаешь? Господи, да он еще и улыбнулся, схватившись за воздух! Как? Как? Научи меня! Ты должен!

Наконец дома, более не в силах выдерживать ее напор, боясь, что ему достанет глупости рассказать про свои руки, Олли оттолкнул ее от себя. Она попятилась, уперлась ногами в край кровати, села, удивленная столь его внезапной злостью.

Больше подобных вопросов Энни не задавала. Их отношения вновь наладились, но все изменилось.

Поскольку она больше не могла просить обучить ее гипнозу, у нее появилось время для размышлений. И поздним вечером она озвучила их.

— Последний раз я укололась шесть дней тому назад, но никакой тяги к наркотикам у меня больше нет. А ведь в последние пять лет без этой дряни я не могла прожить и нескольких часов.

Олли развел виноватыми в том руками, показывая, что и он не понимает, как такое могло случиться.

— Ты выбросил мои игрушки?

Он кивнул.

Она помолчала.

— Причина, по которой я больше не нуждаюсь в наркотиках... это ты, что-то, сделанное тобой? Ты меня загипнотизировал и сделал так, что я могу без них обойтись? — Кивок. — Точно так же, как ты заставил кассира увидеть двадцатку?

Олли пальцами и глазами изобразил гипнотизера на сцене, вводящего зрителей в транс.

— Это не гипноз? — Энни пристально смотрела на него, и ее взгляд пробивал фасад, которым он давно уже отгородился от людей. — Ты экстрасенс?

"Кто это?" — жестами спросил он.

— Ты знаешь, — покачала головой Энни. — Знаешь.

Наблюдательности, ума у нее оказалось побольше, чем он думал.

Энни вновь начала насесть на него, только трюк с несуществующей двадцаткой ее больше не интересовал.

— Давай, рассказывай! Как давно у тебя эти способности, этот дар? Стыдиться нечего! Это же чудо. Ты должен гордиться! Весь мир у тебя в кулаке!

И пошло-поехало.

Глубокой ночью Олли так и не смог вспомнить, что именно, какие ее слова, какой аргумент заставил его расколоться — он согласился показать ей, на что способен. Он нервничал, вытирал свои волшебные руки о рубашку. Очень волновался, совсем как мальчишка, пытающийся произвести впечатление на девочку, которую впервые пригласил на свидание, но при этом боялся последствий.

Сначала Олли протянул ей несуществующую двадцатку, заставил увидеть ее, потом растворил в воздухе. Затем, театральным взмахом руки, оторвал от стола кофейную чашку, сначала пустую, потом полную, от пола — стул, от стола — лампу, от пола — кровать, сначала одну, потом с Энни на ней, наконец, себя и летал по комнате, как индийский факир. Девушка хлопала в ладоши и визжала от восторга. Убедила его устроить ей полет на швабре, пусть и в пределах комнаты. Она обнимала его, целовала, требовала новых фокусов. Он пускал воду в раковину, не поворачивая крана, разделял струю на две. Она выплескивала на него чашку воды, но вода разделялась на сотни струек, которые летели в разные стороны, не задевая его.

— Эй! — Энни раскраснелась, ее глаза сверкали. — Теперь никто не сможет помыкать нами, никогда! Никто! — Она приподнялась на цыпочки и обняла его. Он так улыбался, что сводило челюсти. — Ты великолепен!

Олли знал, жаждал этого и одновременно страшился, что скоро они разделят постель. Скоро. И с того самого момента жизнь его изменится. Энни еще не полностью осознала его талант, не представляла себе, какой непреодолимой стеной между ними станут его руки.

— Я все-таки не понимаю, почему ты скрываешь свой... талант?

Стремясь, чтобы она поняла, он обратился к воспоминаниям детства, которые так долго подавлял, загоняя в глубины подсознания. Попытался сказать ей, сначала словами, которые не срывались с губ, потом жестами, почему ему приходилось скрывать свои способности.

Что-то она уловила.

— Они обижали тебя.

Он кивнул. Да. Еще как.

Талант этот возник неожиданно, без всякого предупреждения, когда ему исполнилось двенадцать, словно вторичный половой признак в период полового созревания, сначала заявил о себе очень скромно, потом — во весь голос. Мальчик, конечно, понимал, что такое следует скрывать от взрослых. Долгие месяцы он скрывал свои новые способности и от остальных детей, от самых близких друзей, пугаясь собственных рук, в которых, казалось, сосредоточилась новая сила. Но постепенно начал показывать друзьям, на что способен, его талант стал их общим секретом от мира взрослых. Однако вскоре дети отвергли его, сначала обходились

словами, потом начали издеваться, били, пинали, вываливали в грязи, заставляли пить воду из луж, все потому, что своим талантом он отличался от остальных. Он мог бы использовать свою силу, чтобы противостоять одному, может, двоим, но не всей своре. На какое-то время он сумел скрыть свои способности, даже от себя. Но по прошествии лет понял, что не может прятать и не использовать свой талант без ущерба для здоровья и психики. Потребность использовать заложенную в нем силу была куда как сильнее потребности есть, пить, заниматься сексом, даже дышать. Отказ использовать ее равнялся отказу от жизни. Олли худел, не находил себе места, болел. И пришлось вновь использовать свою силу, но уже в тайне от кого бы то ни было. Он осознал, что жить ему суждено в одиночестве, пока эта сила будет при нем. Не по выбору — по необходимости. Талант этот не удалось бы скрыть, найдя среди людей. Он проявлялся неожиданно, удивляя окружающих. А если он выдавал себя, друзья уходили, да и последствия могли быть слишком опасные. Вот и оставалась ему лишь жизнь отшельника. И в городе он, само собой, стал нищим, одним из невидимых в каменных джунглях: никто его не замечал, никто с ним не дружил, но при этом он чувствовал себя в безопасности.

— Я могу понять, что люди завидовали, боялись тебя, — проговорила Энни. — Некоторые из них... но не все. Я думаю, ты — великий человек.

Жестами он, как мог, попытался что-нибудь объяснить. Дважды буркнул, стараясь что-то сказать, но безуспешно.

— Ты читал их мысли, — прервала его Энни. — И что? Полагаю, у каждого есть секреты. Но обижать тебя за то... — она печально покачала головой. — Что ж, больше тебе не придется бежать от своего таланта. Вместе мы сможем обратить его тебе на пользу. Мы вдвоем против всего мира.

Олли кивнул. Но уже печалился из-за того, что вселяет в нее ложные надежды, потому что в этот момент произошла смычка. Мгновением раньше ее не было, а тут появилась. И он понимал, что и на этот раз все пойдет обычным путем. Узнав про смычку, она сразу запаникует.

В прошлом такое случалось лишь после интимной близости. Но Энни была особенной, вот смычка и произошла еще до того, как они занялись любовью.

На следующий день Энни не один час строила планы на будущее. Олли слушал. Наслаждался возможностью говорить о том, чего никогда не будет, знал, сколь недолгой будет эта радость. Смычка ставила на радости крест.

После обеда, когда они лежали на кровати, держась за руки, пришла беда, как он и ожидал. Энни долго молчала, о чем-то думая, потом спросила:

— Сегодня ты читал мои мысли?

Лгать смысла не было. Он кивнул.

— Много?

Да.

— Ты знаешь все до того, как я говорю?

Олли молчал, похолодевший, испуганный.

— Ты читал мои мысли весь день?

Он снова кивнул.

Она нахмурилась, заговорила тверже.

— Я хочу, чтобы ты это прекратил. Ты прекратил?

Да.

Энни села, отпустила его руку и пристально всмотрелась в него.

— Но ты не прекратил. Я чувствую, что ты внутри меня, наблюдаешь за мной.

Олли не решился отреагировать.

Она снова взяла его за руку.

— Неужели ты не понимаешь? Я чувствуя себя такой глупой, что-то лопочу, а ты уже все знаешь, прочитал в моей голове. Я чувствую себя идиоткой, что-то втолковывающей гению.

Он попытался успокоить ее, сменить тему. Что-то проквашал, словно заколдованная лягушка, но вновь обратился к жестам.

— Если бы у нас обоих был этот дар... — продолжала Энни. — Но он только у тебя, и я чувствую себя... ущербной. А то и хуже. Мне это не нравится, — она помолчала. — Ты перестал?

Да.

— Ты лжешь, не так ли? Я чувствую... да... я уверена, что могу тебя чувствовать... — Тут до нее что-то дошло, и она резко отодвинулась от него. — Ты не можешь прекратить читать мои мысли?

Олли не мог объяснить, как появляется смывка: однако стоило ему проникнуться к женщине глубокими чувствами, их разумы каким-то образом соединялись. Он не понимал механизма этого явления, но такое с ним уже случалось. Он не мог объяснить, что теперь она стала продолжением его самого, его частью. А мог лишь кивать, признавая ужасную правду: "Я не могу перестать читать твои мысли, Энни. Я читаю их точно так же, как и дышу. Это физиологическое".

— Никаких секретов, никаких сурпризов, ты знаешь все.

Медленно текли минуты молчания.

— Ты начнешь жить за меня, принимать решения, заставляя меня сделать то или иное, без моего ведома? Или уже начал?

До такой степени он контролировать ее не мог, но знал, что она ему не поверит. С учащенно забившимся сердцем она сдалась первобытному страху, который ему уже доводилось видеть в других.

— Я хочу уйти прямо сейчас... если ты меня отпустишь.

Трясущейся рукой Олли коснулся ее лба и погрузил в глубокий сон.

В ту ночь, пока она спала, Олли прощупал ее рассудок и стер кое-какие воспоминания. Бутыль с вином он держал между ног и пил, пока работал. Задолго до рассвета он сделал все, что хотел.

По темным, пустынным улицам Олли отнес девушку в проулок, где и нашел, опустил на землю, подsunул под нее сумочку. При ней остались нетерпимость к наркотикам, вновь обретенные уверенность в себе и ощущение личной значимости, которые могли помочь ей начать новую жизнь. Его подарки.

Олли вернулся домой, не взглянув в последний раз на ее прекрасное лицо.

Открыл бутылку вина. Несколько часов спустя, уже набравшись, вдруг вспомнил слова "друга" детства, произнесенные после того, как он впервые продемонстрировал свой талант: "Олли, ты сможешь править миром! Ты — супермен!"

Олли громко рассмеялся, расплескав вино. Править миром! Он не мог править собой. Супермен! В мире обычных людей супермен не король, даже не романтический бродяга. Он — изгой. А будучи изгоем, ничего не может добиться.

Он думал об Энни. О неразделенных мечтах и любви, о будущем, которое так и не реализовалось. И продолжал пить.

Ближе к полуночи наведаясь в проулок за рестораном "У Стазника", чтобы порыться в мусорных баках. Во всяком случае, собирался порыться. Вместо этого провел ночь, бродя по проулкам и боковым улочкам, выставив перед собой руки, будто слепец, пытающийся нащупать путь. А Энни понятия не имела о его существовании.

Ни малейшего понятия.

Перевод с английского **Виктора ВЕБЕРА.**

А у нас в квартире — газ...

— Здравствуйте! Служба газа. Плановая проверка газовых плит.

Даже если капитану милиции Ольге Александровне В. что-то и пришло в голову при виде неказистой фигуры газовщика, подозрения тут же рассеялись. Все было, как надо: грязная спецовка, кепка, чемоданчик с инструментами, небритая физиономия. Классический "дядя Вася из ЖЭКа". Впрочем, "рассеялись" — не совсем верно сказано, скорее, они сразу отошли на второй план: молодая женщина как раз в этот момент красила волосы, и смывать краску предстояло через пять минут.

— Все нормально? — пошаркав ботинками о половик, газовщик прошел на кухню и внимательно оглядел трубы. Ольга плотнее запахнула на груди халат, глянула на часы и закурила:

— Нормально. У нас вообще с газом проблем нет. И плита новая...

— М-да? — "дядя Вася" поставил чемоданчик на пол, раскрыл его и достал массивный газовый ключ. — Гибкая проводка, м-да... Сами устанавливали?

— Ну да, муж...

— Позовите-ка его, если можно.

— Да его нет, он сегодня...

Договорить Ольга не успела, потому что в следующий миг до нее полностью дошел смысл выражения "искры из глаз посыпались". Удар в лоб был настолько неожиданным, что она даже не успела испугаться, просто мимо глаз, как в замедленной съемке, проплыл кухонный дверной проем, показался потолок прихожей, и вдруг что-то с силой обрушилось ей на спину. И все. Больше ничего — в том числе и выстрела, она не слышала.

Давным-давно, еще в незабвенное советское время, Москву держал в страхе бандит по кличке "Мосгаз". Так окрестили его оперативники угрозыска, которые сбились с ног, пытаясь отловить жестокого убийцу. Позволю себе кратко напомнить.

В декабре 1963 года по Москве пошли разговоры, что по домам бродит банда под видом работников газовой службы, грабит, убивает, насилует. Участковые стали обходить квартиры и предупреждать жильцов об опасности. Это было вполне объяснимо. Неизвестный бандит зарубил топором одиннадцатилетнего мальчика, похитив из квартиры 60 рублей, флакон "Шипра", темные очки и детскую кофту. Через неделю в Иваново таким же образом убил двенадцатилетнего подростка, но, обзлившись на ничтожную добычу (пара шмоток, старые облигации), на соседней улице изнасиловал пятнадцатилетнюю девочку, нанес ей семь ударов топором. Ребенка спасло чудо, и позже эта девочка помогла выйти на след бандита... И так далее.

В то время москвичи и жители других городов открывали двери без страха. Особенно если человек представлялся работником коммунального хозяйства. Из-за несовершенства средств массовой информации люди имели смутное представление об орудующем в городе маньяке, не помогали даже предупреждения участковых. Поэтому неизвестно, сколько жизней унес бы еще кровавый "Мосгаз", если бы не совершил ошибку, которой мастерски воспользовались сыщики.

Во многом тут сыграл роль ведущий оперативник МУРа Владимир Чванов. Его участок располагался в Марьиной роще, как раз там, где и произошло последнее убийство: маньяк зарубил на Шереметьевской улице 46-летнюю женщину. Из квартиры исчезли настольные часы "Мир", пять мотков пряжи, три пары носков, кошелек и 30 рублей. Кроме того, преступник вынес телевизор "Старт-3". Начали опрос жильцов, показывали всем фоторобот бандита. Оказалось, что его многие видели, поскольку заходил он во все квартиры подряд. Если дома оказывались мужчины или группы людей, убийца предлагал расписаться в какой-то тетради и быстро уходил.

Постепенно выяснилось, что молодой мужчина с завернутым в простыню большим предметом уехал с Шереметьевской улицы на бортовом грузовике. Опросив водителей окрестных предприятий, оперативники узнали, куда поехал преступник: на 2-ю Мещанскую улицу. Там же отыскался и краденый телевизор, который купила какая-то женщина. Вышли на продавцов и задержали подружку бандита, которая помогла поймать и его самого, в Казани. Задержанием руководил лично министр внутренних дел Татарии. Известно, что в благополучном исходе дела был заинтересован сам Никита Хрущев.

12 января 1964 года знаменитый "Мосгаз" был задержан. Его звали Ионеску Владимир Михайлович, 1937 года рождения, уроженец города Тбилиси, дважды судимый, имеющий двухлетнего сына. По совокупности обвинений его приговорили к расстрелу и в начале февраля расстреляли...

Павел Дмитриев (фамилия изменена) прочел о "Мосгазе" в книге по истории МУРа. Это случилось тоже давно и в первый момент прошло мимо его сознания. Всплыла информация позже, именно тогда, когда будущий "Мосгаз-2"

окончательно утратил надежду вернуть долги.

А начиналось все безоблачно. Павел появился на свет в 1964 году (по иронии судьбы, через месяц после расстрела бандита). Семья Дмитриевых считалась обеспеченной. Отец, летчик-испытатель, приносил неплохую зарплату. Мать, зубной техник, имела репутацию знающего специалиста, у нее были постоянные клиенты и, естественно, доходы. Павлику — единственному сыну — ни в чем не отказывали. Даже старшая сестра Марина не могла похвастаться таким количеством игрушек, одежды, сладостей, каким осыпали младшего, любимого ребенка. Наверное, именно из-за этого брат с сестрой никогда не ладили, но, так как родители всегда вступались только за Павлика, до открытых ссор дело не доходило.

Павла баловали. Он пошел в престижную, с математическим уклоном, школу. Ему наняли репетитора по немецкому языку, учили рисовать, играть на аккордеоне, лет в десять отдали в скульптурную студию. Казалось бы, живи да радуйся, но, как это бывает часто, вложения не оправдались. Мальчик рос трудным.

Все началось со случая, когда в десять лет он избил одноклассника. Просто избил, на первый взгляд — ни за что. Причем бил сильно, рассек бровь, губу, ударил головой о стену. Когда стали разбираться, признался, что тот мальчик хвастался дорогим биноклем, подаренным на день рождения родителями. А когда Павлик попросил дать ему в бинокль посмотреть, не дал. Побоялся, видно, что рослый сверстник просто отнимет игрушку.

— И ты избил его только за это?.. — в полной растерянности спросила мать уже дома, после тяжелого разбирательства в школе.

Павлик посмотрел на нее исподлобья:

— А что ему, жалко было?

— Но, сынок, это же его вещь. Он имел полное право ее тебе не давать.

— Что значит — его? Я просто посмотреть хотел, — мальчик, казалось, не понимал маминого шока. — Ему что, жалко?

— Павлик, — мать едва не плакала. — Но он тебе ничего не должен, как ты не понимаешь?.. Нельзя же бить человека только за то, что он тебе что-то не дает. Да и зачем тебе бинокль? Если ты хотел, чтобы у тебя был такой, почему ты не сказал нам с папой?..

Папа вернулся вечером усталый и измученный, и, подумав, мать решила ничего ему не говорить. Жалко стало мужа. Да и сын, вроде, осознал свой поступок и вполне раскаялся.

На самом деле, Павел просто сделал вывод: говорить правду родителям нельзя. Все кончится нотациями на тему добра и зла, которых и на уроках он слышал достаточно. Поэтому следующий инцидент, через пару месяцев, выглядел уже как настоящий рыцарский поступок...

В классе у них училась некрасивая девочка. Миленькая, но какая-то серая, тихая, в очках — в общем, готовая мишень для насмешек. Ее не дразнил только ленивый, и Павел не был исключением. Ирочка (так звали девчужку) все терпела и пыталась даже улыбаться. Однажды на перемене ее толкнул парень года на два старше, засмеялся и пошел было дальше, но сильный удар по голове сбил его с ног. Бил Павел, которому уже не первый месяц хотелось иметь такой же нож с наборной рукояткой. Завязалась драка, во время которой нож исчез. Но на этот раз Паше не влетело, наоборот, директор похвалил его при всем классе: как же, заступился за девочку!

Тот парень, понятно, жаловаться никому не пошел. Да и кто поверит? Он понимал, что любая попытка отбить свою собственность будет истолкована не в его пользу. Оставалось только сжать зубы и затихнуть до лучших времен.

А Павел понемногу входил во вкус. Брать чужие вещи ему нравилось, и он не понимал, почему. Вроде все есть, но достается как-то легко, без усилий, а потому не ценится. Вещью надо завладеть с риском! Поэтому юный Дмитриев с 12 лет начал грабить. Сначала малышню, потом и ровесников. Действовал с компанией, поскольку однажды парень, хозяин ножа, подстерег его у лесопарка и сильно избил. Парень, правда, вскоре поплатился...

Мать, конечно, видела, что в доме появляются какие-то вещи. То фотоаппарат сын принесет, то какую-то одежду, то очередной нож, а как-то раз принес дорогой магнитофон. Но на все у него находились объяснения: это друг одолжил, то нашел, а вот это обменял. Потом вещи появляться перестали: Павел перешел на их чистый эквивалент — деньги.

В армию его не взяли: из коренастого подростка он превратился в тщедушного молодого человека с плохим зрением и сильным искривлением позвоночника. Это мешало ему служить, но совершенно не препятствовало регулярным набегам на чужие дачи, квартиры и одиноких прохожих. Потом Павел как-то остепенился, устроился с помощью знакомых в мебельный магазин и занялся "честным бизнесом", который не требовал никакого риска. Так прошло несколько лет.

Правильно говорят: горбатого могила исправит. Дмитриеву исполнилось уже тридцать лет, но подростковая тяга к приключениям и щекотке нервов никуда не исчезла. Правда, уличные грабежи были невозможны из-за здоровья, да и напарники переженились и разъехались. Но нашелся и другой способ разнообразить свою жизнь: карты. Павел любил их с детства, играл неплохо и постепенно освоил игру на деньги. Нет, не от бедности, а от недостатка острых ощущений. Хоть и деньги выходили не маленькие, на семью хватало.

Павел уже давно не жил с родителями. Он женился на девушке со своей же улицы и в скором времени ждал наследника. Дома все кипело радостными приготовлениями, а будущий отец догуливал последние недели относительной свободы. Тогда-то он и встретил в ресторане того типа.

Он и сам не помнил, как согласился играть. Вроде, был трезвый и понимал, что парень явно играет лучше. Но согласился и за один вечер оказался должен новому знакомому несколько миллионов рублей (по меркам 1994 года). Сумма была огромная, таких денег у Дмитриева не было.

Он продал дачу, машину, гараж, золотые украшения жены, занял денег у родителей, но на покрытие долга все равно не хватало. А кредитор угрожал уничтожить самое ценное — его семью.

Тогда-то Павел и решил вернуться к старому ремеслу...

Сначала он просто брал деньги. Заранее "прозванивал" квартиры, подбирал ключи, кое-где и просто взламывал замки. Однажды наткнулся в богато обставленной квартире на старушку, та завопила, и Дмитриев ударил ее подвернувшимся молотком по голове. Все оказалось так просто, что он вдруг очень ясно вспомнил, где читал об этом. Зачем рисковать, выслеживая жильцов, зачем подбирать ключи, прятаться, когда можно просто позвонить в дверь, представиться работником ЖЭКа, а дальше действовать по ситуации? Если откроет безобидная бабушка, ребенок, женщина — убивать. Если мужчина — проверить трубы и спокойно уйти.

Он дошел до верха наглости: заранее вешал на двери подъездов объявления о плановой проверке газовых плит, и эти клочки бумаги играли ему на руку много лучше любых объяснений. У людей словно висела пелена перед глазами: ему открывали, вели его на кухню, даже угощали чаем. А потом,

не успев закричать, падали на пол, открывая доступ к ценностям своего жилища.

В общей сложности, Дмитриев убил 8 человек, трое из них были дети от 11 до 14 лет. Убивал одинаково, несколькими ударами газового ключа по голове. Тем же ключом он ударил и Ольгу, капитана милиции, которая воспользовалась отгулом, чтобы спокойно покрасить волосы...

Дома была 68-летняя свекровь, она как раз гладила белье в комнате, когда раздался звонок в дверь. Она слышала, как Ольга отпирает дверь, разговаривает с кем-то, потом явственно прозвучало слово "муж". Глава семьи был на работе, и Ольга, видимо, сообщила это визитеру. В следующую секунду раздался глухой удар, а вслед за ним — звук падающего тела.

Пожилая женщина знала, что невестка, по долгу службы, таскает с собой табельный "макаров", и знала, в каком ящике секретера лежит оружие. Правда, понятия не имела, заряжено ли оно. Но возиться было некогда...

Когда Ольга открыла глаза, над ней нависало знакомое лицо оперативника из ближайшего отделения милиции. Увидев, что женщина пришла в себя, он хмыкнул:

— Молодец мамаша-то. Точно в лоб. Нарочно так не попадешь!

— Убила?! — ахнула Ольга.

— Сразу, — подтвердил оперативник. — Похоже, это наш кадр. "Мосгэз" номер два, четвертый месяц его лова... Вот и поймали.

Дело было закрыто в связи со смертью подозреваемого. Правда, Ольге вместе со свекровью пришлось долго бегать по кабинетам и писать длинные объяснения. Зато отношения между ними, до этого прохладные, сразу как-то пошли в гору. Как говорится, нет худа без добра.

13 сентября 2005 года
исполняется 70 лет замечательному
российскому писателю
Альберту Анатольевичу Лиханову,
бывшему главному редактору журнала
"Смена".

Коллектив редакции поздравляет своего
бывшего шефа с днем рождения
и желает здоровья, счастья и больших
творческих успехов.

Те, кто до нас

**Заповедь новую даю вам:
да любите друг друга.**
(Ин. 13,34)

Мне еще не стукнуло четырех лет, как я сильно простыл, и у меня началось воспаление среднего уха. По-взрослому — отит.

Сначала я захандрил, потом ухо заболело всерьез, и в нем, как выразилась бабушка, стало сперва "тукать", а потом "стрелять". Скоро стрельба превратилась в сплошную канонаду, и я стал кричать. Меня грели, мама накладывала компрессы — толстый слой ваты с камфарным маслом, и все это обвязывалось вокруг головы какой-нибудь косынкой, сложенной в плотную ленту.

В недолгие минуты, когда боль утихала, меня усаживали на родительскую кровать в подушки, и мне эти мягкости со всех сторон нравились, как и запах камфарного масла. Этот запах удивлял какой-то приятной необычностью, далекостью, ненашестью. Ведь камфарное дерево, объясняла, отвлекая меня, мама, наверное, растет в Африке.

В Африке? В мои неполные четыре года это было знакомое мне место! Там ведь река Лимпопо. И туда скачет отважный доктор Айболит.

Но потом снова настал миг, когда я все забыл — и Африку с Айболитом, и маму с бабушкой. Я просто орал от боли и даже не очень хорошо запомнил момент, когда мама, пометавшись по комнате, поспрашивая себя и бабушку: "Что делать? Что делать?" — торопливо оделась и выскочила на улицу, крикнув напоследок:
— Россихин! Россихин!

Я пылал жарким огнем, кричал отчаянным ором и рвался в какую-то даль, пока бабушка, плача со мной, пробовала в утешение прижать меня к себе.

Истощая себя воплем, предаваясь мучительной боли, от которой рвалась голова, я увидел, как в комнату вошел очень высокий, под самый наш низенький потолок, худой мужчина. Из-за спины дядьки выглядывала перепуганная мама, а он потирал

руки, согривал их — на улице, я знал, было холодно и неприятно, как говорили — мерзопакостно, — когда природа не то смеется, но то плачет сама над собой, на несколько, пусть считанных, но отвратных дней останешься между поздней осенью и начальной зимой.

Выйти из дому в такую непогоду — против этого протестует всякая душа, и уж только неотвратимый долг принуждает отправиться в путь — для мамы такой неотвратимостью был мой крик, а для доктора?

Посмотрев на высокого дядьку, я снова закричал, может, только чуточку потише, включая в дело все малые резервы своей небольшой воли и слабенькой души.

Доктор глянул на меня мельком, что-то сказал вполоборота маме — та повела его за переборку, к рукомойнику, и железный друг застучал носиком, сдержанно залопал, выпуская воду на докторские ладони.

Потом мужчина приблизился ко мне. Бабушка угодливо подставила ему венский стул — единственную нашу мебельную ценность, а доктор улыбался мне совершенно неискренней улыбкой и все гладил, потирал руку об руку — а уж потом мне объяснили: согривал их, а тогда мне казалось, разминал их, щелкал суставами, тер друг о другу, чтобы сподручней расправиться со мной.

Сев на венский стул, он оказался, конечно же, ниже, но голова его все равно встала надо мной, и, чтобы посмотреть ему в лицо, мне приходилось отрываться от подушки, а это не доставляло облегчения.

Я не разглядел цвета его глаз, я даже не очень запомнил его голос. У доктора были усы и бородка клинышком, очень небольшая, аккуратно стриженная, она выглядела вполне симпатичной и даже очень шла к его вытянутому лицу. Но вот усы! Они торчали в стороны, будто крылья небольшого летательного аппарата, словно две обтекаемые плоскости, предназначенные разрезать плотный встречный ветер, и даже были слегка загнуты назад. Слегка лысоватый, с открытым высоким лбом и прямыми седоватыми волосами, доктор был, в общем, вполне встречаемым на улицах типом, если бы не усы!

Все его лицо, а может, даже вся высокая худоватая фигура предназначались, чтобы на легком, едва уловимом удалении чуточку впереди себя нести это замечательное крылатое сооружение, которое смело могло бы взвить своего владельца ввысь и унести в заоблачные высоты. Вот было бы чудо!

Но это потом, после, когда мне стукнет лет десять, а то и все двенадцать.

В тот же день, по знаку врача, мама подала ему потрепанный саквояж, — такой же, как в книжке про Айболита, он расстегнул его и вынул две вещи.

Первая напугала меня до изнеможения, и я заорал с новой мощью.

На раздвижном темном обруче блестело средних размеров круглое зеркало, и, когда доктор напялил на голову обруч, водрузил зеркало надо лбом, подзаслонив им один свой глаз, мне показалось, что предо мной чудище. Оно сверлило, слепило меня глазом-зеркалом — про циклопов, сказочных чудовищ с одним огромным глазом во лбу я еще не слыхивал, — а вторым, живым человеческим глазом, как-то ехидно щурясь, оглядывало меня.

— Не кричи, — утешал он меня отвратным, ясное дело, хриплым голосом.

Вторую вещь доктор положил прямо на кровать. Это была овальная, малахитового цвета, коробочка. Из нее он достал блестящую железку, вроде воронки, только поменьше и поблескучее, и принялся дышать на нее.

— Что это? — завопил я в полнейшем отчаянии.

— А ты потрогай, — протянул мне врач свою блестящую штучку. — Это такая вороночка, ничего страшного.

Я не прикоснулся к ней, этой вороночке, и с тех пор испытываю смертельный ужас перед любыми никелированными медицинскими приборами, а увидев их, содрогаюсь всем телом и отвожу глаза. Ясное дело, к вороночке не прикоснулся, но, дурачок, поверил взрослому уговору. И тогда доктор велел своим покорным подручным, бабушке и маме, приблизить электрическую лампочку, свисавшую с потолка, отчего его железное око совсем ослепило меня, вставил мне в ухо, освобожденное от компресса, свою проклято блестящую вороночку, пошарил рукой в малахитовой коробочке, что-то достал оттуда, не видимое мною, и прикрикнул маме, прижавшей мою голову к своей груди:

— Держите!

В ухо кольнуло так, что боль, будто высокий звук, достигла своей высшей точки, и этот высокий звук превратился в визг, — я заорал в последнем отчаянии и изнеможении. И, выкрикивая свою боль, отыскивая виноватого и бесспорно признавая им, конечно же, этого усатого злодея с сияющим вогнутым кругом над правым глазом, я прокричал ему в лицо:

— Тараканище!

Последнее, что помню, — как он сдирает с головы свой обруч с круглым зеркалом и его вполне серьезно огорошенное лицо.

Я провалился в забытие. Очнулся — может, через минуту, а может, через пять, почти здоровым. Оказывается, доктор проткнул мне барабанную перепонку, гной вытек, и оставалось только долечить меня, а это уже, как меня утешали, вполне пустяки.

Доктор улыбнулся мне и ушел за перегородку.

Там он шумно надевал пальто с бобровым воротником, мама шуршала какими-то бумажками, они тихо переговаривались, наконец, доктор опять заглянул в комнату. Коротко сказал:

— Поправляйся! — А взрослым добавил: — Через три дня.

Дверь негромко притворилась, повздыхав за стенкой, вернулась мама.

Бабушка спросила:

— Много?

Мама рассмеялась:

— Да сколько бы ни было! Он его спас!

Обе наперегонки завздыхали, а мама вдруг расхохоталась:

— За что же ты его так обозвал-то, а? Своего спасителя?

А я ничего не помнил.

Тогда бабушка вздела очки к потолку и передразнила меня:

— Та-ра-кан, Таракан, Тараканище!

Они смеялись! Еще час назад плакали, а я орал, а теперь вот смеялись надо мной, маленьким, а я не обижался.

Дня через три, как было велено, мы пришли к доктору Россихину. По дороге мама, уже не смеясь, а очень даже всерьез просила меня не обзывать его больше.

— А больно будет? — спрашивал я.

— Что ты! Все уже прошло! Только посмотрит — и все!

— Опять этим глазом? — унывал я.

— Зеркальцем, сынок, зеркальцем — оно освещает ушко, чтоб виднее. И все. Посмотрит и похвалит!

Еще она рассказывала, что доктора зовут Николай Евлампиевич, и он, может, самый лучший в городе "ухогорлонос", да еще и живет от нас через пять домов, просто совсем рядом, и она сама не знает, как это ее осенило — побежать тогда к нему, а не ждать утра, чтобы тащиться потом в поликлинику и стоять долгуя очередь.

Еще она говорила, что у доктора свой частный двухэтажный дом, такие дома вообще-то отбирали, но "ухогорлонос" оставили, потому что он занимался частной практикой, и к нему, ежели приспичит, не такие, как мы, прибегают.

— А какие? — спрашивал я, и, пока мама уклончиво-дипломатично пробовала перевести на уровень четырехлетнего ума социальное устройство общества, я, не дожидаясь завершения мыслей, обгонял ее объяснения:

— А что такое частный дом? А частная практика?

Маме помогали разные детали, некоторые из них выглядели блестящими в прямом смысле слова. На крыльце, куда мы поднялись, висела сверкающая табличка, как пояснила мама, с фамилией-именем-отчеством и медицинской специальностью доктора. Над ней немножко другим цветом, но тоже блестял пупырышек звонка. Мама подергала его на себя, и где-то внутри большого, с огромными, как мне показалось, зеркально чистыми окнами дома зазвенело.

Еще на улице я услышал звуки рояля. Кто-то в доме играл, даже звонок наш прозвучал вкрадчиво, будто стыдясь своего унылого однообразия.

Открыла женщина, нас, оказывается, ждали. Мы, наверное, слишком долго раздевались, главным образом, из-за меня — мама с трудом стягивала с моих валенок калошки, чтобы не наследить, а я держался за ее спину, и вот так мы пыхтели оба — мама от затруднения, а я от волнения — все-таки мне было страшновато, и немало требовалось силенок, чтобы довериться маме и прийти с ней сюда, к Тараканищу.

Музыка из-за закрытой двухстворчатой белой двери все это время, пока мы раздевались, не умолкала, и я подумал, что мама нарочно не торопилась, слушая эти прекрасные звуки и стараясь им не помешать.

Наверх вела пологая, с блестящими перилами, светлая деревянная лестница, устланная голубой ковровой дорожкой — никогда я после такой красоты не видал, — и, похоже, она меня успокоила, да и ухо ведь совсем не болело. Так что, протопав валенками путь по голубой ковровой речке и увидев доктора, я почти радостно крикнул ему:

— Здравствуйте!

Он снял пенсне и спросил, с интересом вглядываясь в меня:

— А не боишься? — Я, видать, замер, соображая, и он прибавил: — Тараканища-то?

И вдруг доктор "ухогорлонос" смешно пошевелил мне своими усами. Будто маленький самолет покачал крыльями. Я освобожденно засмеялся. А он пошевелил усами еще раз и еще.

Только теперь я оглянулся. Конечно, я сразу понял, что попал в необыкновенное место, но не чувствовал себя свободным, а был скованным, сжатым, как всякий человек перед неведомым испытанием. А теперь эта несвобода рассеялась, словно туман, и, глубоко вздохнув, я оглянулся.

Под потолком сияла огнями удивительная люстра — тележное колесо, только очень черное и лакированное, и по кругу — керосиновые лампы, но внутри них не фитилек, а электричество, а посреди колеса огромная лампа, и в ней полно огня — что там за лампочка?

На полу лежали пушистые толстые ковры, они утыкались в две сверкающие безликой кафельные печи. Но это еще не все и не самое главное!

На стенах висели большие и маленькие застекленные коробки! А в них — бабочки! Красные, синие, зеленые и желтые, большие и маленькие, в полосочку и крапинку — нет и пары одинаковых! То, что таких бабочек не видывал я — дело понятное, но их не видала и мама, потому что она охала и причитала, как будто, как будто... Даже и не знаю, — как!

И тут вдруг я произнес:

— Вы их поймали в Африке?

Доктор стоял с мамой, что-то, видать, разъяснял ей, но на мой вопрос сразу обернулся и искренне поразился:

— Да ты-то как догадался?

Я пожал плечами. Ведь Лимпопо, Айболит, да если уж на то пошло, и Тараканище, существовали в моей головенке не как бесстыдные фантазии, но самая настоящая живая реальность.

— И в Африке, — кивнул он в ответ на мое удивление, — и в Европе, и в Азии. Жаль только, в Америке мне не довелось побывать. Особенно в Латинской.

Мама всплеснула руками:

— Так вы в Африке бывали?

— Не без того, — засмущался доктор и пояснил: — Ну, да это давно было, до революции, и совершенно в научных целях.

Не стану хвастаться, будто я вел себя по-мужски, по-взрослому. Когда он усадил меня в особой белой комнатке на первом этаже, предназначенной для пациентов, резко придвинул от стены яркую лампу на какой-то решетчатой раздвижке и снова взглянул на меня блестящим огромным глазом, внутри которого я увидел самого себя — маленького, съездившегося, уменьшившегося в тысячу раз, мне стало не по себе, я захныкал, и маме, моей дорогой, милой, любимой маме пришлось взять меня на руки, как маленького.

Напрягаясь всем своим малым телом, я вдруг услышал, что музыка стихла, и на меня опять накатил страх: я понял, что взрослые, даже мама, опять меня обманывают.

Доктор больно оттягивал мочку моего уха, светил в него своим отражателем, чего-то кричал, мякал и вообще напускал на себя всяческую строгость.

Потом встал, снял с головы обруч, выключил верхнюю люстру, отошел к умывальнику и под шипучую водопроводную струю, стоя к нам спиной, сказал, что опасность миновала, нужна еще неделька-другая тепла, отсутствие сквозняков, чтобы не ходил я в мокрой обуви, и мылся водой комнатной температуры.

Мама сунула руку в карман платья и протянула доктору деньги.

— Спасибо, доктор! — сказала она и взяла меня за руку.

“Ухогорлонос” сунул деньги небрежным движением в карман брюк.

Мама одела меня и собралась сама. Полупоклонившись хозяину частного дома, сказала, чуточку улыбнувшись:

— Еще раз спасибо, доктор!

Мы выкатились на крыльцо, соскочили с него по ступенькам и двинулись домой непонятно скорым шагом, почти побежали...

А потом я немножечко вырос, и началась война.

Ушел на фронт отец, подарив мне, прощаясь, свой значок ГТО на серебряной запонке. По вечерам окна завешивали светонепроницаемыми шторами, чтобы вражеские самолеты не нашли нас хотя бы по щелочке света. Магазины, где прежде все свободно продавалось, закрылись на долгие годы. Появилась ценность дороже денег под названием карточки.

Все-все-все переменялось в нашей жизни. И не постепенно, а враз. Раньше люди улыбались друг другу, а теперь ходили с опущенными лицами и, даже встретив знакомого, кажется, не особенно этому радовались. Будто все думали крепкую и тяжелую думу, и дума эта одна для всех.

Разве не ясно, что я забыл про доктора?

И Африка, и бабочки, и сам Тараканище отодвинулись куда-то в закоулки памяти, потому что новая жизнь, как темная туча, надвинулась на нас.

Правда, мама как-то сказала мимоходом, будто "ухогорлонос" работает теперь в их госпитале, и она часто встречает его, но, сказала мама, "по-моему, не узнает".

— Ну, не узнает и не узнает, велика печаль, разве мало у него пациентов? — защитила доктора всегда сочувствующая другим бабушка.

Но однажды, было это классе во втором, и наши уже гнали немцев в ихнюю Европу, мама велела мне после уроков сходить на рынок и купить два кружка мороженого молока.

Базар уже угасал, тетки укладывали по корзинам опустевшие бутылки, ряды пустели, только там, где продавали несъестное, еще колготился, пошумливал народ, и я, к радости первой же молочницы, деловито перед тем узнав цену, сложил в авоську свою мороженую покупку.

Рынок я не любил, да и побаивался его, когда он был полон и шумен, но отчего-то решил все-таки по нему прошвырнуться. Мороженое молоко в сетке — негустой товар, чтобы кто-то на него позарился, деньги я все отдал продавщице, сорвать с меня мою драную, изъеденную молью и временем шапчонку не хватило бы духу даже у последнего пропойцы, ну а тигровое мое пальтецо американского пошиба, полученное по ордеру мамой, было слишком бы приметным и для сбыта неудобным.

Я брел по рынку, озираясь по сторонам, мимо теток с валенками и телогрейками, мимо взрослых с похоже серыми лицами, которых выстроила здесь не корысть, а нужда и тягость.

Городские рынки в войну, а впрочем, и в мир тоже, — открытая язва самых немислимых людских бедствий.

Я брел по рыхлому, растолченному в кашу рыночному снегу, а приостановившись на минуту, увидел, что возле рыночных ворот, простоголовый, сидит на тележке с шарикоподшипниками вместо колес инвалид Митя, известный всему городу герой и псих, а перед ним лежит перевернутая шапка со звездочкой, почти полная медяков и бумажек, — даже мне известно, что Митя этот на особом положении, ведь и на плечах у него — золотистые, хотя теперь и грязные погоны с тремя звездочками, старлей, старший лейтенант.

Митю не трогают милиция, не лезут к нему и солдаты из военной комендатуры, ясное же дело, неловко придирается к этим погонам на глазах у рынка или тащить под руки — машин нет, а на телегу не взгромоздишь — не дастся, он сильный и буйный, к тому же разорвет телогрейку, а под ней блеск медальный, и даже орден посверкивает, — так что Митя заорет, да и кулачищем двинет — слабо не будет.

И летом, и зимой Митя гологолов, а в шапке полно денег, и время от времени, отрезвев, он зовет кого-то из немых огарышей, и те, не смея обмануть, пересчитывают народную дань безногому орденоносному офицеру, исчезают куда-то и тащат чекушку, наполненную мутной гадостью — самогоном.

Митя сливает, булькая, содержимое чекушки в себя, хрустит огурцом, присланным в подарок и утешение безвестным доброхотом, видать, в придачу к греющей душу чекушечке, произносит несколько десятков восклицаний, вроде — "Родина-мать зовет!" или "Вперед, за Родину, за Сталина!" — при этом яростно рычит и крутится на своей тачке, летом визжа подшипниками, а зимой, по снегу, как сейчас, беззвучно, — и матерится в пять колен, вызывая, как ни странно, народное сочувствие и дополнительные пожертвования в ушанку, стоящую как бы на особицу от него.

Но в тот зимний день Митя безмятежно прихрапывал, откинув голову на столб, и, хотя глаза его были страшно полуоткрыты, было ясно, что он ничего не видит, не слышит и совершенно пренебрегает жизнью.

Постояв перед ним полминуты, я двинулся дальше.

И тут у меня что-то упало внутри живота, что-то оторвалось там и замерло. Нет, нет, не в одном ряду с ранеными солдатами и понурыми тетками, а по другую сторону рыночных ворот стоял Тараканище, наособицу от них, являя собой некую отдельность, а, может, даже гордыню. А к груди! Он прижимал! Большую застекленную коробку! С бабочками из Африки!

Точнее, он даже не стоял. Переминался. Почти безостановочно — или мне так показалось? — переступал с ноги на ногу, беспокойно шевелился и вертел головой. Можно было подумать, что какая-то колючка попала ему за воротник, а в ботинке вылез гвоздик. Я даже посмотрел на его ноги. Там блестели совсем новые калоши.

Калоши тогда считались немалой ценностью, их ведь тоже выдавали, но не по карточкам, а по ордерам, они распределялись на работе, а для детей — по школам. Так вот, Таракан стоял в блестящих и привлекающих внимание калошах, вертел шей, переступал с ноги на ногу и ни на чем не останавливал свой взгляд.

Я сперва подумал — поздороваться или нет, но тут же понял, что делать этого не следует. Во-первых, прошли уже годы, как он проткнул мне ухо, во-вторых, я вырос и стал, конечно же, совсем другим. Но, главное, если он не хотел узнавать меня, значит, на это были причины. И эти причины я сразу понял.

Продавать! На рынке! Бабочек из Африки! Что-то было в этом неправильное. Может, предательское. Но я уже точно знал: на рынок приходят продавать свои вещи не от хорошей жизни.

Я разглядывал бабочек в коробке “ухогорлоноса” и опять восхищенно дивился роскошеству их форм и раскрасок. Потом тяжело вздохнул — по всему выходило, что бабочек убивают тоже, и если о погибших бойцах плачут их родные, о бабочках никто и нигде не заплачет. Хотя, может быть, один такой человек есть, и он стоит передо мной.

Мне вдруг стало отчаянно жалко Николая Евлампиевича. Вместе с бабочками. И отдельно от них.

Я еще раз пригляделся к нему и увидел, что усы “ухогорлоноса” выглядят совсем не так, как раньше, они утратили свой самолетный вид, не летят вдохновенно, чуточку опережая его, а обвисли и, обходя рот, спускаются к краю подбородка, отчего лицо выглядит уныло и даже виновато.

А еще на темно-коричневом пальто его не было мехового воротника. Бобрового, сказала тогда бабушка, а она знала толк в таких делах. Значит, пристежного бобра отстегнули — ничего себе! Вот только докторовы калоши блестели в толченом грязном снегу. Совершенно неуместно сверкали, между прочим. Они его и подвели.

Между мной и доктором вдруг возник затасканный зеленый бушлат, вернее, его спина, потому что владелец был обращен лицом к доктору.

— Торгуешь? — хрипло спросил бушлат.

Доктор, бегая глазами и явно вызывая подозрение, не ответил, только слегка кивнул. Бушлат, видать, решил, что с ним не желают говорить. А разве на рынке это позволено?

— А откуда взял? — вдруг рявкнул бушлат. — Из музея стибрил, что ли, твою мать? Аль из института украл? А может, в школе?

Наконец-то взгляд доктора остановился на не видимой мне половине бушлата. “Ухогорлонос” неуверенно произнес, явно робея:

— Это мое.

— Мое! — презрительно, издевательски протянул бушлат. — Ишь, интеллигенция сраная! Бабочек уже продает! До края дошла! — И вдруг, подавшись ближе к доктору, уже не изгаляясь, а осведомляясь, деловито прохрипел: — Ну, и почему твой товар?

Доктор что-то прошелестел, мне не слышное, но бушлат громко повторил его слова, заорав:

— Ничего себе! Кило масла! За бабок сушеных целое кило масла! Да я тебя и не про них спрашиваю! Про калоши! Почему калоши продашь?

Доктор испугался. Он что-то вдруг понял. Ощутил опасность. Он убрал с груди застекленную коробку, перехватил ее под мышку и громко и уверенно ответил:

— Калоши не продаются. — А потом быстро пошел прочь.

Только теперь я увидел вторую половину бушлата: красная от водки востроносая харя, тупые глаза и выбитые передние зубы. Увидев, что я гляжу на него не боясь и даже усмехаюсь, бушлат вяло твякнул:

— Чё лыбишься?

Я не испугался, ответил ему:

— Это его бабочки. Он их в Африке поймал. Еще до революции.

— В Африке? — неожиданно восхитился чумной мужик. — Сам поймал? Ну, ты даешь!

— Это не я даю, а он дает!

— Дает, — призадумался бушлат. — А чё молчал? Чё глазками бегал? — И все дальше погружаясь в какие-то свои соображения, пробормотал: — Надоть, Африка! Где таперича Африка?

Не для одного меня Африка была волшебным паролем.

Дома я во всех подробностях рассказал про доктора.

Мама еще не пришла с работы, а бабушка выслушала меня, не перебивая, и сразу засобиралась.

— Ты пока готовь уроки, — велела, — а я скоро вернусь.

Но вернулась совсем не скоро. Уже и мама из госпиталя прибежала — она всегда возвращалась с работы быстрым шагом, порой переходящим в бег: все про меня беспокоилась, торопилась, все боялась за меня, особенно зимой, как бы я не угорел, закрыв заслонку раньше, чем отпылают синим пламенем последние в печи угольки.

Уже стемнело, как бабушка явилась, слегка розовая, то ли от морозца, то ли от волнения, и с порога объявила:

— Вернулась из разведки! — И, велев сперва мне опять пересказать мои рыночные похождения, продолжила: — Нехорошо это, человек нам помог, я же не забыла Николкины терзания, надо разузнать, думаю, что с доктором творится?

И вот она развела, что семью доктора, хоть он и в частном доме, уплотнили, поселили к ним эвакуированных из Киева, так что хозяева переместились на второй этаж, домработницу отпустили в деревню, частных приемов больше не было, людям, наверное, платить нечем, а поскольку дом большой и в нем четыре печки, по две на каждом этаже, доктор валит забор вокруг своего участка, сам пилит и колет доски и бревнышки, сам же и топит две печи наверху, а две топят приезжие, им-то привозят дрова от власти — не дрова, а бревна, и, хоть доктор ведет себя смирно, из-за дров этих все-таки то и дело вспыхивают ссоры, потому что эвакуированные потаскивают у него сухие доски на растопку — ведь привозят-то сырые бревна, летом выловленные из реки.

Бабушка в деталях и лицах рассказывала, как она втиралась в доверие к бедным киевлянкам, оказавшимся у разбитого корыта, — но это только так говорится: никакого, даже разбитого корыта у них не было, ни кастрюль никаких, никаких кружек-ложек, собрали только одежды побольше, не известно им было, куда повезут и когда еще вернутся.

Впрочем, за почти целый год, как они теснили Николая Евлампиевича, кружками и ложками беженки уже обзавелись, кастрюлями тоже, но вот пилу и топоры у доктора берут в долг. Хотя и топить-то не умеют! Жили в домах с паровым отоплением — никаких забот.

Далее бабушка излагала, как она увещевала приезжих. Было их четверо, все пожилые, одна курящая, в очках, говорит, что служила важным секретарем. Сначала бабушка их утешала, желала им поскорее вернуться по домам, в славный и теплый их город. Потом плавно перевела беседу на Николая Евлампиевича, его городской, как "ухогорлоноса", авторитет, подчеркивая, что он же не противился, когда власть решила его уплотнить, поселить сюда беженцев. "Ведь не противился?" — "Да что вы!" — "Вот видите? И надо относиться к нему с глубоким почтением, не правда ли?" Все дружно кивали ей. "Вот вам дрова, хоть и сырые, привозят, а ему — нет, разве справедливо?" И с этим эвакуированные соглашались. И спрашивали ее: "А вы откуда? Из исполкома?" — "Я, — не растерялась бабушка, — представитель общественности!" И все успокоились сразу. Ишь ведь какое словечко выискала гордое!

Они, кажется, даже обрадовались, что бабушка от общественности, а не от исполкома. Понизив голос, стали просить ее повлиять на доктора, чтобы он куда-нибудь продал рояль. "Пройдите, — сказали ей, — в этот зал, — и она проходила, — смотрите, сколько места он занимает, — и она смотрела. — Послушайте, — просила ее, — неудобно, в чужом доме и приходится ставить на рояль книги, сумки, а то и кастрюли. Мы же подстилаем под них газеты, — удивлялись беженки, — а Николай Евлампиевич заходит и обижается".

Они, как выяснилось, предлагали ему поднять рояль на второй этаж, хотя понимали, что сделать это невозможно, нет таких мужских сил, а потому, на их взгляд, лучше бы инструмент продать. Но Николай Евлампиевич и слышать не желал.

Бабушка размышляла практично:

— Да кому продашь-то? Война идет! Кто купит рояль!

— Пусть не боится, — отвечали ей. — Кончится война, приобретет новый! Выжить-то надо! А тут — видите — нам негде разместиться!

Курящая говорила громче всех. Странно, конечно, решать за другого человека — продать или не продать его вещь. Да и какую! Вещищу! Беженки, говорила бабушка, наступали на нее, даже горячились. "Вы же от общественности!" — шумели.

Ну а потом она поцарапалась, словно мышка, к Николаю Евлампиевичу в фанерную дверь. Лестница, которая вела на второй этаж, пояснила бабушка, теперь была обита фанерой до потолка, отделяя таким образом верх от низа, и там, где она начиналась, была фанерная дверца. С накладной петлей для всячего замка.

— А голубая дорожка? — спросил я.

Оказалось, никакой дорожки, голые деревянные ступеньки, давно не мытые и затоптанные!

В общем, бабушка поцарапалась, и доктор наверху сразу вскричал:

— Войдите!

Так кричат врачи из кабинетов, когда стучатся пациенты.

Но Николай Евлампиевич бабушку больной не признал. Едва ее голова появилась над лестничным провалом, сказал громко и твердо:

— Рояль не продается!

Но бабушка замахала руками и головой, опять употребила словечко, уже однажды пришедшее ей на ум, и пояснила, что представляет собою общественность, но доктор не утешился, а поехался.

Внизу, хотя эвакуированные не умели топить, было тепло, а здесь стояла совершенная холодрыга. Доктор сидел за вишневым столиком в углу, одетый в свое всесезонное коричневое пальто без бобрового воротника. А ноги блестели — столик был изящный, но маленький и узкий, и докторские длинные ноги высывались из-под него, сияя новыми калошами.

— А бабочки, — не терпелось мне, — на стенках висят?

— Висят, висят, — ответила она и рассказала, как в ходе длительной и душевной беседы, которая сложилась не просто и не сразу, она выяснила, что доктор продал почти все — бобровый воротник, голубую дорожку, свои костюмы и прочую со старых лет сохраненную одежду, ценную библиотеку старинных книг и даже диковинную лампу с китайцами.

Я охнул.

— И только бабочек никто не покупает! — огорченно сказала бабушка. — И то правда, кому они теперь нужны?

И тут мама, которая задумчиво и, казалось, невнимательно слушала бабушку, сказала:

— А не кажется вам странным, что доктор слишком много всего продает? Но роль не трогает?

— Да кто его купит? — опять удивилась бабушка.

— Нет, — проговорила мама, — не в том дело. У него жена пианистка. Она больна туберкулезом. Умирает в больнице. Он покупает ей масло. Впрочем...

Мама умолкла. Мы с бабушкой переглянулись.

Жизнь продолжалась.

Дважды в день, по пути в школу и обратно, шагая домой, я миновал дом Николая Евлампиевича, всякий раз невольно им любясь.

Отчего-то уже тогда, в малые мои годы, поселилась во мне любовь к старому — к людям, сараям, домам, составлявшим собой наш старый же городок, отставший, да тем и любезный, конечно же, от дальних столиц, которые показывали в кино — каменных, массивных, но и, как я чувствовал, весьма холодных к своим обитателям.

То ли дело у нас! Вот хотя бы и докторов дом. Весь он темно-коричневого цвета, будто правильно спеченная буханка, нет, — бери выше, — осанистый пирог. Под самой крышей, тоже пропеченной ржавчиной, сдержанный, вовсе не фасонистый, но опрятный и достойный деревянный подзор. Окна не по-северному высоки и обиты наличниками. А посреди дома, словно его ладный мужской подпоясок, простенький же подбой, ровно такой, как подзор, только двойной, с острыми уголками вверх да вниз.

Все очень просто, если не сказать — обыкновенно, но такой дом, как и мой собственный, с годами будто бы теплеет внешними своими сторонами, и, кажется, приложи даже в мороз ладонку к коричневой обивке дома, он удивительно ответит тебе не холодом, а теплом, вроде как приветом из старых времен, не видимых нам.

Однажды у нас не получился какой-то урок, кажется, учительница заболела, а заменить ее не смогли, и я вприпрыжку катился домой, а прямо у жилища "ухогорлоноса", в далеком прошлом — Тараканища — лоб в лоб столкнулся с бабушкой.

Она двигалась, чуть склоняясь от напряжения, и платок сбился со лба, немного за-слонив глаза, а потому и не увидела меня издали. За собой бабушка тянула санки, на которых я катался, когда приходила охота, и в которых меня возили на прогулку, пока был мал.

Сейчас санки были загружены дровами, колотыми полешками, и я сразу понял, что это наши дрова, которые мы привозим, сушим, пилим и колем еще с лета, чтобы зимой не околеть.

Я окликнул бабушку, еще не понимая, что к чему, она испуганно вздернулась и за-алела, словно человек, застигнутый за нехорошим делом.

Мне еще и в голову ничего не пришло, а бабушка уже прощала себя:

— Ничего, Николенька, не пообедем. А то у доктора страшный холодище. Весь за-бор уже истопил.

— И что же, — спросил я, — беженки не поделятся?

— Нет! — нахмурилась бабушка, поправляя платок. — Что за люди! А еще эвакуи-рованные! — Но тут же пожалела чужих, осекла себя: — Может, в себя прийти не мо-гут, столько пережили!

Мы двинулись своими путями.

Я побежал домой, бабушка — в дом к Николаю Евлампиевичу.

В один прекрасный день бабушка сообщила, что Николай Евлампиевич Россихин вдруг спросил про меня и пригласил зайти в гости.

Ну да! Так и есть! Рано или поздно это должно было случиться. Я это знал! Пред-полагал!

Мама пыталась бабушку: как именно приглашал? В ответ бабуся моя туманила очи, отвечала, дескать, если даже доктор и не приглашал меня как-то особенно, напри-мер, на чай, то не возражал против моего посещения, которое, конечно же, не может обойтись без беседы. Взаимоинтересной.

— Коле же любопытно! — не спрашивала, а утверждала она.

Я кивал, подразумевая свои тайны.

— Ну, вот! — кивала она. — Чего здесь такого?

Мама вздыхала. Бабушкины суждения ее не очень убеждали, и, оглядев комнату, постучав дверцами старенького буфета, собрала она для Николая Евлампиевича ку-лек, в который вошел кулечек поменьше с американским яичным порошком, кусочек деревенского сала, который чего-то залежался в ее припасах — то ли оттого, что я его отвергал (меня с него тошнило), а они с бабушкой держали его до каких-то других, мо-жет, худших времен, — и еще один пакет, в полкило весом — гречневой крупы.

Сборы эти совершались в молчании, только, напомним, поскрипывали буфетные дверцы — и что-то часто поскрипывали, — то задумчиво закрываясь, то резко открыв-аясь вновь, и скрипом этим обнаруживали мамины чувства: верно ли она делает, так ли поступает, то ли дает и, наконец, в такой ли мере?

Наступавшись буфетными дверками, мама сказала, ни к кому не обращаясь:

— Скажите доктору, что это в больнице, его жене. — И добавила, помолчав: — А то еще не возьмет.

Тут некоторые удивятся. Как же так, спросят, за лечение больного малыша доктор брал, и даже деньгами. И вдруг не возьмет.

Да в том-то и дело, что вдруг.

Вдруг случилась война. Вдруг пришла беда, голод, карточки. И вдруг что-то сдела-лось с людьми. Одни, хвалившие жизнь, погибали, страшась, конечно же, — разве не страшно умирать? Другие, ругавшие жизнь, прятались от гибели. Живший в просто-рном доме подвигался, уступая место тем, кому некуда деться. Доктор, бравший го-

норар за лечение, оказавшись голодным, мог отказаться от гостинца с едой. Разве вот для больной жены примет...

В дом Николая Евлампиевича я вступил во второй раз и удивился точности бабушкиных описаний.

Фанерная перегородка уродовала прихожую, скрывая лестницу на второй этаж, и ступеньки ее уже не покрывала голубая ковровая дорожка. Оставшаяся часть прихожей была заставлена самодельными столиками, на которых гудели примусы, распространяя бедные запахи общественной столовой, а возле них суетливо передвигались три тетки разных возрастов, которые, завидев нас, заготовили между собой, будто гагары, снисходительно кивнули бабушке и тотчас повернулись к нам спинами.

Мы повесили наши пальтишки на вертлявые гвоздики, неумело, женской рукой вбитые в фанеру, поднялись вверх, и я замер, уже воочию поразившись переменам.

Пушистых ковров на паркетном полу больше не было, а паркетины возле стены, метра, наверное, на полтора в ширину, были отодранны и валялись грудой возле печи. И объяснять не надо, что ими топят, когда нету дров. Кафельная печка посреди не верхней залы до войны казалась мне сверкающе-белой, теперь сверкание исчезло: лаковые плиты то ли покрылись серым налетом гари, то ли просто посинели от окружающей тоски.

А тоска эта была густой, почти ощутимой. Уже не сияла огромная старинная люстра, основанием которой служила электрическая лампа, похожая на керосиновую, только большая, украшенная изящными розовыми цветами, в окружении целого венка из таких же сияющих, будто керосиновых, ламп. Этой люстры просто не было, и в потолке с круглой лепниной в виде белой виноградной гирлянды торчал ржавый крюк.

Исчез и столик с тонкими ножками, за которым когда-то, вытянув ноги, сидел доктор, и, уж конечно же, пропала громоздкая настольная лампа с китайцами по бокам на бело-матовом абажуре.

Но больше всего меня поразили стены. Они были пустыми. Когда-то сплошь увешанные коробками с бабочками, теперь они походили на цветастые старинные простыни с мелким рисунком и продольными линиями, в сплошных заплатках. Эти заплатки были яркими, напоминали что-то неизвестно-таинственное: здесь коробки прикрывали обои от света и старения. Зато остальное пространство поблекло, будто застиранные простыни. А все вместе — все эти выцветшие стены, паркет, отодранный от пола и открывавший почерневшие доски, поблекшая печь, пустота, гулко отзывавшаяся на наши шаги, — соединялось в беззвучную печаль.

Николай Евлампиевич сидел на гнупом венском стуле в углу, где когда-то стоял столик с китайской лампой, и ноги его в калошах были по-прежнему вытянуты вперед, но только калоши больше не блестели.

Что-то с ними случилось. Может, и они окунулись во всеобщую печаль и тоску, а тогда уже не до блеска.

Доктор сидел прямо, сложив руки на груди и вытянув ноги, смотрел на нас, и я распознал его отсутствие — он опять обретался где-то там, в ином пространстве.

Бабушка держала наш гостинец, покашливала, точно пыталась пробудить хозяина, но он глядел в нас, сквозь нас, мимо нас. И молчал. Будто кто-то загипнотизировал его, да и ушел, оставив одного.

— Николай Евлампие-ви-ич! — ласково побудила его бабушка, но он не очнулся. — Докто-о-ор! Очни-и-те-есь! — проговорила она погромче. Но "ухогорлонос" не реагировал. Тогда бабушка повернулась ко мне, как к взрослому, и произнесла удивительное и не очень понятное слово: — Отрешился!

Я моргал глазами, стоя в полушаге за бабушкой.

И вдруг Николай Евлампиевич проговорил хрипловатым голосом:

— Они! Никому! Не нужны!

— Кто? — не понял я.

— Бабочки! — ответил доктор, ничему не удивляясь. И кивнул головой за мою спину.

Я обернулся.

Возле барьера, огораживающего лестницу, ведущую вниз, стоял невысокий штабель из коробок с бабочками. Я их узнал сразу. Вернее, догадался, что это они. И кажется, на крыльях перелетел к этим прекрасным коробкам. Но они лежали стеклом вниз. Так что бабочки были скрыты от взгляда.

— Они теперь неуместны, — сказал мне доктор со своего венского стула, так и сидя с вытянутыми ногами в померкших калошах. — Эта красота теперь не нужна никому... — И проговорил сокрушительное: — Хочешь — бери!

Ну, ясное дело, я ничего не взял. Как можно!

Человек в отчаянии, бедствует и теряет надежду — да в таком положении он что угодно сказать может! Но я же не ворон какой-нибудь, чтобы налететь и утащить коробки с этими волшебными африканскими чудесами.

Бабушка, покряхтывая, спустилась вниз, вернулась с охачкой щепочек и нетолстых сухих палок, растопила печку, уважительно называя ее голландкой, а потом положила туда пару паркетин. Сквозь дырочки печной дверцы потянулись ползучие черные струйки вонючего дыма, лизнули кафельные бока, и тогда я понял, почему больше не блестят ее стенки. Разгорались паркетины медленно, дымно, но, когда сгорал с них воск, — громко трещали, и пламя гулко билось в печи.

Тем временем я, получив согласие бабушки, но вовсе не Николая Евлампиевича, опять впавшего в гипноз, осторожно переворачивал коробки, разглядывая бабочек, надписи над ними на нерусском языке, острые жальца булавок, пронзавших когда-то совершенные тельца. И вдруг меня охватило чувство жалости к ним. Нездешние эти существа, заставшая их красота были приколоты иголками затем, чтобы, полюбовавшись ими, отвернуться? Не слишком ли это жестоко?

Видно, я так глубоко впал в свои размышления, что не услышал докторовых шагов. Я стоял на коленках, отирая коробки, и откуда-то, мне показалось, из-под потолка, послышался хриплый голос:

— Где я тебя встречал?

Я поднял голову, и мне показалось, что первый раз после того моего детского воспаления среднего уха лысоватый доктор по-настоящему увидел меня.

— Вы его лечили! — подала голос бабушка.

— Не-ет, — протянул доктор. — Это я помню. Он же меня обозвал Тараканищем! Разве это забудешь! Но я где-то встречал его еще! И не один раз!

— Ну да! — ответил я. — На улице.

— На улице? — удивился доктор, отходя от меня. — Не помню. Ну да! Вероятно. На улице...

Я и думать не думал, что это у нас самый главный разговор. Решающий. Я только добавил:

— Вы всегда про что-то думаете, когда идете.

— Ну да, — ответил доктор.

— Про Африку?

— Про Африку? — удивился доктор.

— Так эти же бабочки оттуда?

— Ах, бабочки! Ну да! Хорошо бы... — Он опять начинал угасать, замирать, гипнотизироваться. И уже прощаясь, вдруг сказал жарко: — Иду — думаю. Сижу — думаю. Говорю — думаю. Сплю — думаю. Все мои думы про них. — И он объяснил, помолчал: — О сыне и о жене.

Вот так и вот тогда только и я, и бабушка, и мама узнали, что у доктора есть сын. Но мы не знали, что он в плену. Не знал об этом и доктор.

Со временем, выяснилось, что сын Россихина Евгений был хороший математик, закончил университет в Ленинграде, и его послали в артиллерию, когда началась война. Он стрелял из гаубиц — больших пушек с огромными снарядами, а для этого нужно хорошо считать. Вот и все, что мы узнали постепенно. И еще узнали, что от сына нет никаких известий. А раз нет даже похоронки из военкомата, значит, жив, и надо ждать.

Вот доктор и ждал, замерев, остановившись, все делая будто под гипнозом. И все, что можно, продавал, чтобы купить жене это редкое лекарство от туберкулеза. Как его? Пенициллин.

Я все спрашивала маму: как так, ведь лекарства в больнице бесплатные, значит, их не надо покупать, и жену доктора, не знакомую мне пианистку, должны лечить не за деньги.

— Не за деньги и лечат, — отвечала мама. — Хлористым кальцием. Горький такой раствор.

А новое это лекарство придумали, рассказывала мама, не у нас, а где-то за границей, кажется, в Америке, но оно не поступает в больницы, где лечат больных туберкулезом. Его привозят какие-то люди. Не воры, нет, а спекулянты: они тоже где-то достают, привозят в наш город и продают тем, кто может купить.

— А кто не может купить?

— Кто не может, — тушевалась мама, не желая говорить всю правду, — ну, те... болеют.

Надо бы ей сказать — умирают, но она жалела меня, не хотела расстраивать трудной правдой. Но я же был уже не очень маленький и так догадывался.

В общем, пенициллин на рынке не продавали. А как его продавали, я так и не узнал. Без слов ясно только, что стоил он дорого, потому что доктор продал все, что продавалось, и добрался до рояля.

Бабушка говорила, что киевские беженки не устают жаловаться на доктора. Приходит, мол, каждый день к роялю и требует очистить его. Потом протирает фланелевой тряпкой и молча стоит. Будто перед гробом.

Если он рояль продает — жена умрет, это же всякий школьник понимает.

Похоже, думы об этом совсем доконали Николая Евлампиевича. Бабушка рассказывала, что если раньше он сидел недвижно в своем углу, то теперь мечется. Молчит и ходит по верхней зале. Ходьба эта пугала и даже, наверное, угнетала бабушку, и вот в один прекрасный день она сказала ему, не сильно подумав:

— А вы дом продайте!

Он едва не упал от возмущения.

Вечером бабушка распялялась перед нами:

— А что! Дом-то частный! И можно так продать, что комнатку-то за собой оставить! Все бы сразу свалилось! Все беды! Сколько за дом-то получить можно?

— Да кому ты продашь целый дом? — удивилась мама. — В войну-то?

— И он это же спросил! — кивнула моя бабуленция. — Но тут же оделся и куда-то ушел. Может, советоваться? Покупателя искать?

В новое затруднение обеих заботниц, похоже, поставил я своим простым вопросом:

— А рояль куда?

Они уставились на меня и ничего не ответили.

Бабушка смешно и в лицах описывала покупателей, приходивших к доктору. Первый был в бурках и в серой каракулевой шапке пирожком, а пальто изнутри подбито стриженной овчиной — в таком не продует. Был он краснонос и крепок собой, видать, тыловая крыса из снабженцев.

Другой был, напротив, долговяз, и тоже не стар, как и первый, и вполне сыт, имел полувоенный вид, а одет был в офицерские сапоги, гимнастерку без погон и галифе, правда, сверху носил штатское пальто и загадочно представлялся то ли военпредом, то ли военоторгом, то ли военснабом — бабушка не разобралась.

Ну вот, на этом все и кончилось. Правда, к доктору заходили еще тетки из исполкома, предлагали весь дом сдать в аренду для какой-то гражданской конторы по уничтожению городских крыс, но, когда ему назвали цену, он, сказала бабушка, не рассмеялся, а прямо-таки залаял и ответил, что ему легче бесплатно все отдать. Да еще крысам.

Однажды бабушка заметила, что покупатели, а за ними вслед люди из исполкома, главное внимание обращали почему-то не на стены дома, не на его, например, фундамент, а на рояль. Первый, в каракулевом пирожке, и второй — в гимнастерке без погон — беспокоились так, будто рояль какой-то тяжкий груз в легкой лодочке и вот-вот ее перевернет. Крысиные хлопотушки оказались бесстрашнее, одна другой сказала, что можно, в случае чего, в детский сад отдать.

Но все в конце концов дружно отказались от дома.

Я улыбаясь: похоже, рояль спас россихинский дом. А дом, не продавшись, спас рояль.

Оказывается, если очень тяжко, то даже неодушевленные предметы могут выручать друг друга.

А что же люди?

А люди — ведь это же люди делали! — вызвали доктора Россихина в НКВД.

Бабушка рассказывала, что вернулся он совершенно бледный, даже голубой, полез в свой медицинский шкафчик и налил полстакана еще довоенного, для врачебных целей, спирта, но забыл его развести, выпил и задохнулся до слез, слава Богу, что она опять топила его печи и бегом принесла воды, — всю гортань опалил, не мог вымолвить слова, и слезы текли по щекам, как у малого. Бабушка думала, что все это от спирта, но оказалось, он плакал из-за сына.

Его вызывали сказать, что сын был в плену, и наши войска освободили лагерь, где он находился.

— Живой и здоровый, — ответили ему, отчего-то в ответ совсем не улыбаясь. И пояснили, что после пребывания в карантине состоялся суд, который осудил лейтенанта Россихина Евгения Николаевича за пособничество врагу, и он отправлен в Котласские лагеря.

Николай Евлампиевич кричал и плакал, потом, успокаиваясь, допытывался, что за пособничество, с кем и кому, и ему ответили, что подробностей не знают, но в бумаге, которая пришла сюда, сказано, что лейтенант в немецком лагере был бригадиром.

Это что — обязательно предателем?

Мама и бабушка пожимали плечами, как будто было холодно, и переходили на какие-то бессвязные междометия:

— Охо-хо!

— Ну и ну!

И без всяких объяснений становилось ясно, что они не то чтобы напуганы, но сжались. Прихлопнули свои разговоры, а может, даже немножко и свои мысли. Правда, бабушка потом рассказывала, как Николай Евлампиевич, едва только она отпоила его водой и он перестал кашлять страшным, каким-то кощеевым кашлем, забегал снова по комнатам и все восклицал:

— Не может быть! Не может! Это неправда! Женя честный мальчик. — И еще прибавлял: — Вот беда! Беда так беда!

Он рассказал бабушке, что сын записался на войну добровольцем, у него была бронь, ведь после института он работал на заводе, где выпускали пушки, но Женя от всего отказался, и докторова жена Елена Павловна очень сокрушалась — ведь сын даже жениться не успел. Ничего не успел! Мальчик!

Конечно, доктор забыл и про дом, и про рояль, да тут еще эти беженки. Бабушка прибежала однажды от доктора с совершенно круглыми глазами и спросила меня, что такое "капо". Этот же вопрос задала маме, едва она появилась на пороге.

Оказывается, эвакуированные устроили доктору скандал. Откуда-то узнали о сыне и кричали ему:

— Ваш сын капо! А вы — недорезанный буржуй! — И требовали: — Уберите ваш рояль! Куда? Да хоть в сугроб, а то мы и сами, понимаете?

— Что за люди? — возмущались наперебой мама и бабушка. — Ведь сами пережили неизвестно что, доктор потеснился, добровольно пустил их, и вот тебе — благодарность! Как можно!

Из вечерних бабушкиных отчетов следовало, что Николай Евлампиевич опять пошел в НКВД, но часовой даже не пустил его на порог и велел обратиться в окошко, а там посоветовали принести бумагу, потому что слова они и есть слова.

Николай Евлампиевич достал тетрадку и несколько дней подряд составлял заявления, а потом их рвал.

Наконец написал прошение о свидании с сыном. Для чего, это уже добавляла мама, обращался к госпитальному начмеду. Ему выдали хорошую характеристику. Заявление с госпитальной бумагой, не доверив почте, доктор отнес в окошечко НКВД.

Он даже маленько оживился, надеясь на встречу с сыном. Иногда, забывшись, что не один, и на него смотрит моя бабушка, мурлыкал под нос. Потом тушевался, краснел. Рассказывал о своих планах лечения Елены Павловны. Ведь наступила весна. Все зеленое полезло наружу, и бабушка однажды принесла для больницы луговой лук. Тугие, перетянутые ниткой пучки этого первого витамина продавали на рынке девочки и старухи, но бабушка сама насобирала и нам, и доктору, и в больницу.

Доктор передавал бабушке поклоны от Елены Павловны. Ей этот луговой лук, зеленая травка, помогла чувствовать себя получше, и она не переставала спрашивать Николая Евлампиевича, за что же и почему Бог послал им такую заступницу и хлопотунью, как наша бабушка, и неужели же у нее нет своей семьи и своих забот.

Еще Елена Павловна корила мужа за то, что он ничем не одарил бабушку, хоть чем-нибудь, пусть бы на праздник, на что моя хлопотуша больше всего огорчалась и внимания на этом моменте не заостряла, а отвечала, то ли отшучиваясь, то ли всерьез:

— Вот выйдет супружница ваша из заточения своего и подарит мне самое главное. Музыку, Ноктюрн Шопена.

Я удивлялся, откуда моя бабуля про ноктюрн, да еще Шопена, слышала, почти уверен был, что она это просто так говорила, чтобы снова передать что-нибудь Елене Павловне, а доктор верил ей:

— О, ноктюрн! Шопена! — И опускал голову. — Как давно это было!

— А вы сами-то, — спросила его однажды бабушка, — играть умеете?

Он утвердительно тряхнул головой.

— Так чего же никогда не сыграете? — удивилась бабушка. — Неудобно? Так мы сейчас этих жиличек попросим помещеньице освободить!

— Я просто не смею, — ответил ей Николай Евлампиевич. — Рояль откроет только Елена.

Лето, даже самое военное, загребает людей и детей в солнечные объятия. Прижимает к теплу, к цветам, к песчаным отмелям и купанью. Занятия кончились, и меня отправили в лагерь, а там нашему отряду досталась шустрая вожатая по имени Капитолина, которая в первый же вечер провела бойкий среди нас опрос: кто что любит.

Сдурю я сказал, что люблю бабочек. Объяснил, где и при каких обстоятельствах их видел. Пофантазировал на тему Африки, впрочем, тут и фантазировать не очень-то надо: всякий человек знает про Айболита, Лимпопо и может ведь сообразить, что в африканских джунглях живут огромные, со взрослую ладонь, цветные красавицы.

Весть о том, что в средней группе есть парнишка, секущий в энтомологии, науке о бабочках, что было стыдным преувеличением, надолго испортила мне всю жизнь. Во-первых, народ моего возраста стал держать со мной какую-то уважительную дистанцию, зачем-то создавая необоснованные мифы. Что у меня, дескать, не то отец, не то дедушка профессор по бабочкам и завезует специальным музеем, куда пускают только по знакомству. Во-вторых, слух об эфире, веществе для детей не доступном, с которым якобы я запросто управляюсь, — а ведь эфиром, и это хорошо известно, усыпляют не только бабочек или там собак, но и ранных бойцов перед операцией.

Но я ведь ничего не умел! Ничегошеньки! И меня ждал позор! Хотя весь грех мой был только в том, что я просто вслух сказал, будто люблю бабочек и мечтаю хоть одну засушить по всем правилам науки.

А энергичная Капитолина отправилась в город за эфиром и тонкими булавками, а я принялся перечитывать советы "Юного натуралиста" и рассматривать рамочки, начерченные там.

В лагере была, между тем, еще одна симпатичная личность — заместитель начальника Олег. Всегда ходил в выцветшей пилотке без звездочки, румянец в обе щеки, белобрысые брови и ресницы, голубущие глаза со зрачками в черничину и вечной на устах улыбкой. Где-то чему-то он доучивался и через год собирался на войну, а пока что улыбался во все свои красивые и целехонькие тридцать два зуба нашему гомонливому братству.

Заместитель Капитолины остановил взор на двух парнишках из соображавших, как надо обращаться с деревом и инструментами, и я обернуться не успел, как они напилели и настрогали из толстой фанеры десятка два ровных кусочков, продавив посередине ровики под бабочкины брюшки.

Возвращение главной вожатой из города я запомнил на всю жизнь. Потому что она привезла Николая Евлампиевича, надо же! Объяснилось все просто. Лагерь был госпитальным, а все дети в нем — медицинских работников, вот начальник госпиталя и решил провести подробный и тщательный осмотр всех ребятишек. Да еще и дать каждому ребенку медицинскую рекомендацию, а по возможности, на месте оказать нужную помощь. И первым прислали "ухогорлоноса".

Ну, конечно, все запрыгали вокруг доктора. Он потребовал кабинет, пару помощниц, потому что ему нужно было возвращаться в город до вечера, а требовалось осмотреть больше ста ребят.

Что касается меня, то Николай Евлампиевич, едва выбравшись из кузова, подошел, минуя взрослых, прямо ко мне и негромко, чтобы другие не слышали, сообщил, что привез приветы от бабушки и мамы, и передал мне гостинец — маленькую американскую шоколадку. Только когда он отошел к взрослым, я запоздало сообразил, что мне надо было бы расспросить его в подробностях, как обращаться с пойманными бабочками. Но теперь было поздно. Он шел, возвышаясь над группой встретивших его, поблескивая краешками пенсне, поворачиваясь, оглядывая окрестности, то в одну, то в другую сторону.

Олегова бригада тем временем наклепала с десяток сачков — палка, проволока, колпак из марли, и спор шел лишь о том, как их раздавать — сперва одному отряду на два часа, а потом все сачки — другому? Или дать в каждый отряд по два сачка на все время отлова?

Банка с широким горлом и притертой пробкой стояла наготове. Слянку с эфиром держала лично Капитолина. Можно было начинать. Но ведь в лагерь приехал "ухогорлонос", и часть народа следовало направить к нему. А все хотели бабочек!

Олег начал громогласно сортировать, кого куда, получалась неразбериха, слышались крики неудовольствия, но все-таки сачки раздали по отрядам, и они тут же замелькали в прилагерных кустах.

Минут через пятнадцать возле меня и Капитолины уже стояла очередь желающих сдать добычу. Вожатая капнула эфир в банку, я принялся опускать туда бабочек. В общем, из десяти сачков мы выудили семь капустниц и три крапивницы.

Они сидели на дне банки, сложив крылья, и не шевелились — уснули быстро, как только Капитолина закрыла крышку. Народ молча наблюдал сцену усыпления.

Было в этом что-то странное. И даже неприятное. Только что бабочка хлопала крыльями, потом складывала их и замирала. Да, она засыпала, но ведь это только так говорится. На самом деле — умирала. И мы, выходит, рассматривали смерть. Но надо ли глядеть на нее? Пусть даже это смерть бабочки, и на нее не страшно смотреть.

Я и раньше подбирался к этим мыслям. А теперь понял окончательно — мне это видеть тошно. Я для этого не приспособлен. Что-то совсем другое я должен полюбить и научиться делать...

Все бабочки на дне банки сидели, сложив крылья. Капитолина вопросительно смотрела на меня. Я кивнул ей без всякой радости, она открыла крышку и отвела лицо, чтобы не вдохнуть пары эфира. Малость подождав, я запустил туда руку и вынул одну бабочку.

Теперь предстояло развернуть ее крылья и положить на дощечку так, чтобы брюшко вошло в желоб. Булавкой проколоть, а крылья прижать полосочками бумаги, которые тоже приколоть. В общем, бабочку следовало распять.

Но у меня, как назло, ничего не получалось. Мертвая бабочка не разворачивала крылья. Я раздвигал их силком, но они не раздвигались. Одно крыло сломалось, и я отложил в сторону первую капустницу. Со второй тоже ничего не получилось. И с третьей.

Капитолина нервничала, а я покрывался потом. Вокруг нарастал недовольный ропот. Молва, поднявшая меня в высоту, готова была обрушиться вниз со всей силой тяжелого презрения к выскочке.

И тут я принял единственно верное решение. Я попросил меня подождать. И рванул в помещение, где осматривал детей "ухогорлонос". Очередь охотно уступила мне путь. Я забежал к Николаю Евлампиевичу и кратко, ничего не преувеличивая, но и не преуменьшая, рассказал о своей неудаче.

Он, когда я ворвался, светил в ухо какой-то девчонке, как когда-то мне, своим сверкающим зеркалом, но, наверное, ничего такого не находил, поэтому легко снял

с головы свой обруч, одобряюще похлопал пациентку по плечу и встал во весь свой громадный рост.

Был он в белом халате, и вот так — в халате — двинулся за мной, спрашивая какие-то подробности, ответить на которые я не мог. Может быть, от простого волнения.

Даже не глянув на банку с бабочками, "ухогорлонос" взял в руку фанерку из приготовленных командой Олега и сказал, что сделаны они верно, но их надо делать из мягкого дерева. Для убедительности потыкал булавкой в фанеру — она не держалась.

Одним мановением руки Олег отправил своих исполнителей на новые труды, доктор же попросил принести свежих бабочек. Толпа рассеялась. Осталось несколько мелких свидетелей, из малышей.

— Можно и без морилки, — добродушно кивнул он Капитолине, и она снова с удивлением посмотрела на меня. И добавил с видимой грустью: — Умирая, они складывают крылья. — Теперь он уже смотрел на меня. — Слыхал, есть такое выражение: не складывай крылья! Это значит, не сдавайся! Не умирай!

Мы стояли совсем рядом, и я, может быть, первый раз с тех давних пор, когда доктор проткнул мне ухо, увидел его лицо совсем близко.

Мне показалось, что он очень похудел, даже высох. Его большой нос, на котором чудом держалось пенсне, стал острым, как у ледокола, зато серые глаза за стеклышками увеличились, и из них, словно слезы, лилась тоска.

Ребята притащили сачок с капустницей, Николай Евлампиевич запустил в него руку, вытащил бабочку, взял пальцами ее грудку и прижал. Бабочка распустила крылья. Доктор пояснил, как надо нажимать и сколько секунд удерживать, чтобы она умерла, а потом вложил в рамку из мягкого дерева и предложил мне проколоть тельце булавкой. Я это сделал. Потом, под его наблюдением, закрепил крылышки ленточками из бумаги. В края ленточки опять воткнул булавки.

— Ну, вот, — одобрил Николай Евлампиевич, — ты и сдал экзамен на энтомолога. Совсем не трудно.

Когда высохла моя первая и последняя капустница, я прикрепил ее к стене возле моей лагерной кровати. Стены были деревянные, темно-коричневые, с рыжиной, как всякое старое дерево, и бабочка светлела ярким пятнышком на золотисто-темном фоне. Было даже красиво.

Но — вот именно! Убивать для красоты было тошно. Как это получалось у других — сказать не берусь, но я больше бабочек не ловил, потому что не мог ответить на главный вопрос: зачем?

В конце лета уехали беженки. К себе, в Киев. Когда они узнали, что настала пора возвращаться, с ними, говорила бабушка, что-то случилось. Они сразу, в один день, переменялись и снова стали интеллигентными. Из серых куколок превратились в цветастых и совсем уж не таких старых дам. Без конца благодарили Николая Евлампиевича. Приглашали в гости после войны. Писали на газетных клочках свои адреса.

Они даже решили поухаживать за роялем, протерев его тряпками с мыльной водой, но доктор, вместо того, чтобы порадоваться, опять расстроился.

А какой после них остался кавардак! Бабушка ходила несколько дней подряд со шваброй и выносила во двор груды хлама: и когда только успели насобирать всякой ерунды три вроде приличные женщины?

Однако бабуля все расчистила и все вымыла, нашла где-то однорукого, но ловкого фронтовика, который сломал фанерные перегородки, покрасил перила и подо-

конники. Бабушке уже не терпелось показать нам с мамой, как стал выглядеть докторский дом после отъезда эвакуированных.

Николай Евлампиевич по-прежнему приходил в сумерках, так что наш визит состоялся еще засветло, и я спокойно, не сторожась, побродил по нижним и верхним комнатам. Наверху почти ничего не переменилось, но внизу бабушка навела замечательную красоту: вытащила из чулана старые, выцветшие занавески, ласкавшие взгляд после стирки — нежно-зеленые, в цветочек, и вечерние солнечные лучи наполнили залу воздушной летней нежностью.

Посредине стоял прославленный рояль — я ведь так и не видал его ни разу, только слышал. И то один небольшой миг.

Черный красавец, несмотря на рассказы о дурном с ним обращении, стоял гордо и даже как-то самоуверенно. Да и неудивительно: это ведь был его дом.

Бабушка подвела нас с мамой к маленькому круглому стульчику, стоявшему перед ним, и откинула крышку. На обороте было начертано золотом какое-то иностранное слово. "Becker", — уважительно прочитала мама, а я осторожно провел рукой по сияюще-белым клавишам. Раздался нестройный звук, и я обругал себя: не лезь, если не умеешь.

Мы медленно обошли дом. Внизу были три комнаты, одна, как я помню, служила доктору медицинским кабинетом. Остальные были пустынные: там стояло по углам несколько стульев, вовсе не венских, а обыкновенных, хотя и довоенных, но ясно, что гостивших здесь — не своих.

Пол, там, где не паркет, — подкрашен, перила чисты, и только наверху — по-прежнему груды разобранного паркета и коробки с бабочками стеклом вниз.

Бабушка отправила нас домой, заметив, что подождет доктора, сдаст ему свою работу и, наверное, через часок воротится, но вернулась, не дождавшись его: доктор что-то припозднился.

Он не приходил домой две ночи — умирала Елена Павловна.

Мама сказала потом, что туберкулезные больные умирают медленно и мучительно, а Елена Павловна пролежала в туберкулезном стационаре почти два года, и ее не отпустили домой. "Значит, — сказала мама, — процесс был сложный".

Бабушка отдельно обсудила тему, как выразить свои скорбные чувства Николаю Евлампиевичу, хотя ни она, ни мы с мамой ни разу жену доктора не видели. Обсуждать тут особенно было нечего: мама на работе, мне видеть покойницу ни к чему, оставалась бабушка. Странно, если бы она не пошла на похороны.

Их подробности так и остались в неизвестности. Бабушка пришла не поздно, на вопросы махала ладошкой и плакала. Чего уж тут рассказывать?

Мама снова послала меня на рынок за молоком, но уже, конечно, не мороженым, и, наполнив бидончик, я миновал рыночные ворота, возле которых, как вечный часовой войны, опять спал, бросив на грудь свою круглую голову, герой Митя.

По ту сторону ворот дежурили тетки со сладкими петушками на палочках и тянули наперегонки разными голосами:

— Пе-етушки! Сладкие пе-етушки-и!

И тут я увидел доктора.

Он стоял без пиджака, в той своей домашней обвисшей коричневой кофте, но в ботинках с мутными калошами, хотя на улице была жарница.

Ноги сами подвели меня к нему. Но я ничего не смог придумать, кроме участливого приветствия:

— Добрый день, Николай Евлампиевич!

Он резко повернулся и, кажется, даже не разглядев меня, спросил, не приглушая голоса:

— Разве он добрый? — Потом вынул одну руку из брюк и проговорил без всякого выражения, скороговоркой, длинную фразу — я даже и не понял, что это стихи. — Живя, умей все пережить: печаль, и радость, и тревогу, чего желать, о чем тужить, день пережит, и слава Богу! — И вдруг заплакал, затрясся, закричал: — Это неправда, Федор Иванович!

Я хотел подсказать доктору, что не Федором зовут геройского калеку, а Митей, но говорить что-нибудь было жутко, потому что доктор, не стесняясь прохожих, плакал и кричал, спрашивая кого-то:

— День пережит? И слава Богу?

Тогда я взял длинного доктора за руку и легонько потянул на себя. Он, кажется, не управлял собой и был готов подчиниться всякому движению, даже такому слабому, как мое. Я поудобнее прихватил его за ладонь, и он послушно, будто слепая лошадь, побрел со мной. На нас оглядывались, но это не имело никакого значения. Я странно чувствовал себя — как будто был я взрослым и совершенно твердо знал, что делаю. В одной руке — бидончик с молоком, в другой — знаменитый доктор.

Мы перешли улицу, двинулись по легкому взгорку вверх, а возле деревянных домов, как известно, почти всегда есть деревянные насиженные лавочки, и мне пришла хорошая идея — посадить доктора на нее. Он молчаливо послушался. Тогда я открыл крышку бидончика и налил в нее молока. Крышка была фасонистая, глубокая, с коротенькой и крутой дужкой. Доктор выпил молоко, как маленький ребенок. Усы побелели, наполнились белой влагой, а с краешка рта поползли молочные капли.

Я наполнил еще одну крышку, и доктор снова выпил ее. Я налил третью.

Когда Николай Евлампиевич выпил и ее, я понял, что он опять как-то странно отключился, о чем-то снова мучительно думает, решил, что надо продолжить путь, и взял его за ладонь. Но он вежливо освободил ее из моей руки.

— Помнишь, — спросил он совершенно спокойно и разумно, — где смерть Кощева?

Я пожал плечами.

— На дубу сундук, в сундуке яйцо, в яйце игла, и на острие иголки — его смерть. Не очень-то я понимал, что он хочет сказать.

— А моя смерть — сын, — проговорил доктор, тихонько, будто одному мне сообщая. — Вот и он погиб! И где! В нашем лагере! Так зачем мне жить? И нет, не прав великий Федор! Все излечить невозможно. Это бессмыслица — все пережить, и слава Богу! Ха-ха-ха!

Доктор не рассмеялся, а крикнул это свое "ха-ха-ха". И мне стало не по себе. Ведь, выходит, я первым узнал о смерти его сына Жени? Сперва Елена Павловна, и почти сразу — сын?

Что там рассуждать — мне помогли мои невеликие лета. Не мог я как следует понять горя отца — еще рановато было. Да и он, конечно же, не рассчитывал, что найдет утешение. Ни у кого. А уж у меня — тем более. Но он и не хотел меня отяготить. Просто сказал мимоходом. Потом резко вскочил и двинулся в сторону своего дома, словно забыв про меня. Я за ним торопился, молоко в бидончике билось, выкатывалось каплями на бока, и я тащил бидон на весу, а это не очень-то удобно.

Возле докторова дома мы остановились, и он уже совсем разумно сказал:

— Я знаю, — проговорил, — тебе нравятся бабочки. Возьми их. Они украсят твой дом. А мне они уже не нужны.

Я страшно смутился и смятенно ответил:

— Нельзя... Нельзя...

— Эх, ты, — усмехнулся доктор, — добрая душа... — Он открыл дверь своего кирпичного дома и обернулся ко мне: — У меня долг... Скажи бабушке, чтобы зашла. Приходите вместе.

Мы пришли в тот же вечер.

Услышав от меня про гибель доктора сына, бабушка плюхнулась на табуретку и заплакала навзрыд. А успокоившись, сказала про зацепку. Что теперь у доктора нет зацепки, чтобы за жизнь зацепиться. Он остался один.

Пришли мы к доктору часов в шесть вечера, и я подумал, что он нас совершенно не ждал — хлопал глазами, рассматривал нас по очереди, будто первый раз видел. Потом уступил дорогу, прошел в зал, молча приглашая за собой.

На блестящей спине рояля я увидел две рамочки из очень толстого, слегка увеличивающего стекла. В одной рамке была порывшаяся фотография задумчивой девушки в закрытом платье, заколотом старинной брошью. В другой — стриженный военный с одним ромбиком в петлице.

— С Леной тогда только познакомились, — грустно сказал Николай Евлампиевич, показывая на рамки, — а Женя здесь перед отправкой на фронт.

— Но когда же, когда, — с придыханием спросила бабушка, — вы узнали про Женю?

— Извещение пришло в начале лета.

— И вы промолчали?

— А что тут скажешь? — твердо, словно отвечая кому-то совсем другому, ответил доктор. — Предатель! Изменник! Но я не верю! — Он подошел к роялю и сказал оттуда, понизив голос: — Мария Васильевна, Лена все спрашивала, как вас отблагодарить. И вы сказали, чтобы сыграла ноктюрн Шопена. Когда поправится.

Бабушка молча замахала руками, но доктор не обратил на это внимания.

— В общем, умирая, она попросила сыграть меня. Но я не музыкант. Только любитель. И вот репетировал целую неделю. Сядьте.

Он принес из углов два стула, пристроился на круглую подставку возле рояля, пощупал ногами педали и извинился.

На ногах-то у него были совсем потускневшие калоши, и доктор, побряхтывая, принялся их стаскивать.

Наконец калоши содрались, и я понял, почему доктор не продал их на рынке тому нахальному мужику: ботинки были протерты до дыр, а может, подметка сделана из картона — ведь какого только непутового товара не бродило по рынкам в военную пору! Во всяком случае, подметки докторских ботинок были дырявы, а в дырках этих шевелились пальцы в несвежих носках.

Но все это ерунда.

Доктор поставил ноги на педали, а руки бросил на клавиши.

И полилась музыка.

Ах, Шопен, глубокоуважаемый маэстро! И какой же это ангел поцеловал вас в темечко, как любила говаривать моя бабушка?

Музыку, которую я слышал, не пересказать словами. Мне было высоко, когда я ее слушал, вот что. Мне было грустно. Я куда-то взбирался, но добравшись до вершины, мое сердце обрывалось, падая. И еще мне было торжественно. Я не тут находился, не в комнате, где сидит, неловко устроившись, высокий старый человек в драных ботинках и мятых носках, а среди облаков.

Рояль умолк. Доктор встал. И поклонился бабушке.

— Это вас Лена благодарит, — сказал он. — Моими неумелыми руками.

И здесь бы можно поставить точку.

Но судьба распоряжается по-своему.

И хотя всеми — от мала до велика — правит она, и ей не всегда удается сладить с людьми.

Для доктора Россихина перемена судьбы оказалась издевкой.

В войну, и особенно после нее, государственный банк выпускал займы — такие листки бумаги, чем-то похожие на деньги, и на них печаталась цена этого листка — двести рублей, сто, пятьдесят. Подписывались на заем все, кто работал, и считалось, что добровольно, но на самом деле в обязательном порядке. Иначе говоря, в зарплату денег тебе выдавали меньше — на сумму займа, но вместо денег взрослый получал облигации, которые государство обещало сначала разыгрывать — и можно было за 100 рублей, например, выиграть целых 25 тысяч, а остальные, когда-нибудь в будущем, “погасить”, то есть просто получить деньгами обратно.

К займам взрослые относились добродушно. Ну ясно, что нужны деньги государству, особенно в войну. Пройдет беда, сочтемся. А то еще, глядишь, и выиграет кто, что же в этом плохого?

Были такие бумаги и у мамы моей, и у Николая Евлампиевича, разумеется. Только у нас с бабушкой не было, как у всех детей и стариков.

Кончилась война — для многих бедой, а для кого и радостью. Вернулся из Маньчжурии мой папка и, отдохнув пару недель, пошел на работу. Даже месяца не отгулял. Привез трофеи. Брезентовые сапожки мне, десятилетке, а еще фанерный серый чемоданчик, с которым я через семь лет уехал поступать в университет, и маме отрез на платье — белый китайский крепдешин с тонкими восточными цветочками, явно девичий, из которого — через целых тринадцать лет! — сошьют скромное свадебное платье для моей жены.

Но ничего этого еще никто не видел из тогдашних счастливых дней после победы, а я в брезентовых сапожках щеголял, вызывая мальчишечью зависть, но главной завистью — а моим счастьем — был отец. Дважды раненный, всю войну отрубивший, но живой.

Только бабушка вспыхивала иногда:

— Ой, как же я! Надо к доктору зайти!

И не заходила. То одно, то другое. А, главное, бесконечные рассказы отца — как его контузило первый раз, как ранило во второй, как их перекинули на строительство железной дороги под Котласом, обратно на фронт, уже в Румынию, а потом перевозили в Маньчжурию.

— Под Котласом? — насторожилась бабушка и спросила зачем-то шёпотом: — А лагеря для заключенных там были?

— Почему были, — не удивился отец, — они и есть. Немало там всякой швали из западных земель. С Украины, из Прибалтики. Из тех, кто отличился в плену.

На отцовских губах шевелилась презрительная улыбка, похоже, он что-то такое особенное знал про эти лагеря и про людей, которых туда привезли.

Ему бы тут остановиться, сдержаться, промолчать, но он выпил под пельмешки, сидел в расстегнутой гимнастерке, хоть уже и без погон, широкий ремень со звездой висел на спинке кровати, мама с бабушкой глядели на него, подперев кулаками щеки, и мой папа сказал:

— Однажды нас подняли по тревоге. Ну, что мы — железнодорожные войска! Кладем рельсы! Даже и оружия-то нет. Какие-то карабины да винтовочки довоенные. Но встали ночью вдоль полотна — массовый побег. Команда — стрелять без предупреждения. Одна сволочь в лагере, бандеровцы, отпетая публика. Осуждены на двадцать пять.

Он выпил рюмку, поморщился, заел пельменем, приветливо мне улыбнулся.

— Ну, стою. Вдруг хрустит валежник. Кто-то бежит, да прямо на меня. Я выстрелил — он с копыт!

— Убил?

Что-то такое отец услышал в моем вопросе. В отчаянном, наверное, моем восклицании. Медленно поставил рюмку. Поглядел мне в глаза, подумал. И ответил бодро:

— Ранил. Он заверещал, как заяц, тут же подбежали чекисты, унесли. Ранил.

Я вздохнул с облегчением. Не хотелось мне, чтобы отец убивал, хотя бы и заключенного.

И вот в те дни пришли два известия.

Сначала — удивительное. Отец явился откуда-то с газетой и кинул ее на стол.

— Почитайте, — сказал весело, — сообщение Сбербанка. Какой-то наш житель выиграл по Госзайму аж двадцать пять тысяч рублей! Счастливчик! Нам бы такое подвалило! Уж мы бы!

Но тут в дверь постучали, и мы оторопели.

На пороге стоял Николай Евлампиевич. Он был явно не в себе, глаза бегали, от предложения переступить порог решительно отказался и вызвал бабушку.

Она вернулась минут через десять совершенно смятенная, что-то зашептала маме. Та сперва засмеялась, потом прослезилась.

Отец лежал в майке и галифе на кровати, отдыхал после еды, шуршал газетой, спросил из-за нее:

— Ну, чего вы там шепчетесь?

— Ой, — сказала мама, и бабушка попыталась ее остановить:

— Не надо, он же просил!

— Надо — не надо, — недовольно, но не без любопытства проворчал отец. — Что там у вас?

— Да выиграл-то, — сказала мама, — деньги-то большие, знаешь кто? Наш "ухогорлонос"! И не знает, что с ними делать!

Отец швырнул газету, даже смял ее, вскакивая и смеясь.

— Везет же дуракам!

Но тут встала бабушка и, придвинувшись к отцу, к самому дорогому человеку, который вот прошел всю войну и вернулся живым и здоровым, чтобы защитить нас, проговорила очень серьезно и небывало для нее строго:

— Нет, не везет! Это перед ним Бог извиняется!

Тот вечер выдался беспокойным в нашем доме, потому что бабушка рассказывала историю доктора Россихина, а отец ее то подначивал, то подтрунивал: фронтовик, он считал, что имеет на это право.

Когда бабушка дошла до сына доктора, отец совсем разошелся.

— Да их всех, кто в плен сдался, надо к стенке ставить. Приказ особый был!

Не знаю, почему, но мне не нравился отцовский крик. Ведь он не знал Женю, Елену Павловну, два раза всего-то видел Николая Евлампиевича, и зря он так по-злому кричит на бабушку.

Вот она и заплакала. И даже как-то по-особенному заплакала — слезы катились из открытых глаз, а она не моргала. Будто увидела что-то страшное.

А спор оборвал я. Глупыми, в общем, словами.

— Папа, — сказал я жарко, — да не нужны нам эти двадцать пять тысяч! Бог с нами!

Отец осекся. Посмотрел на меня с удивлением и спросил:

— Да я разве про них?

Все случилось очень быстро.

Николай Евлампиевич зашел к нам, потом получил свой выигрыш и принес его домой. Позже выяснилось, что в сберкассе доктора уговаривали оставить деньги там, на книжке, а не уносить целую сумку бумажек, но он зачем-то уперся.

А ночью неизвестные воры неслышно сломали стекло в окне на первом этаже, вошли в дом и забрали деньги, наставив на доктора пистолет.

И доктор сошел с ума.

Оказывается, человека ломает не только другой человек. А нечто еще и безымянное. Судьба.

Бабушка рассказала, что ночью в темном доме, как говорили соседи из ближних к доктору дворов, вдруг заиграл рояль.

В окнах — ни огонька, а музыка играет. И от этого становилось так жутко, что никто не решился подойти к дому и постучать в дверь или в окно.

Наутро дверь обнаружили распахнутой, а дом пустым. Потом прохожие увидели высокого пожилого человека, который, усмехаясь в обвисшие усы, шел прямо посередине дороги в одних кальсонах и белой нижней рубашке.

Его забрали сперва в милицию, потом в больницу, а там уж признали в нем известного доктора, специалиста по уху, горлу, носу.

Вот и вся история моего Тараканища.

Нет, не вся.

Николая Евлампиевича Россихина я помню и жалею. Время от времени он является ко мне во сне, посверкивая своим пенсне, что-то говорит, но я никак не могу слышать — что именно. Может, спрашивает о бабочках, что с ними?

О, не беспокойтесь, доктор, они не пропали. Моя милая бабушка, ваша и наша заботница, укрыла их в пустом дровянике, в углу вашего двора, а позже заставила принять их в краеведческий музей.

Может, доктор спрашивает о рояле? Его отвезли в дом культуры, какой, я не знаю, к сожалению, но ведь не должен же бесследно исчезнуть целый рояль.

Наверное, все еще стоит на сцене, конечно, сиротливый, не любимый кем-то лично и не сберегаемый чьей-то памятью и уходом.

А может, доктор беспокоится о доме?

Заботами бабушки его окна заколотили работники домоуправления. Сперва все ждали, что Николай Евлампиевич поправится, и надо, чтобы дом не стоял беззащитным, пока нет хозяина. Потом стало известно, что Николая Евлампиевича больше нет, его похоронили на дальнем кладбище, потому что родственников у него не нашлось.

Старый дом не поверил этому. Он, пусть и слепой, с закрытыми глазами, старался держаться достойно, с гордостью.

Но бабушка не уставала повторять, что деревянные дома, даже самые лучшие, имеют обыкновение тосковать без людей, чувствовать себя сиротливо, и быстро разрушаются.

— Их надо топить, — говорила моя милая добрая бабушка, — полы подметать, в комнатах разговаривать. А еще лучше — смеяться и даже петь!

— Ну а музыка? — спрашивал я.

— Да, рояль — это совсем уж прекрасно и необычно, — отвечала бабушка.

Но теряла силы и не могла больше топить в холода докторский дом.

Он оседал. Становился ниже. Деревянные подзоры, подпоясывавшие его, обомлели без видимых причин, наверное, просто от ветхости. Обвисли налични-

ки. Ступеньки перед входом покосились, а потом и проломались, хотя на них никто не ступал.

Странно, но власти не трогали этот дом. Еще не настало, наверное, время.

Я вырос, уехал учиться из нашего города в другой и однажды был очень порадован бабушкой. В своем коротком письмеце, написанном старческими дрожащими буквами, она сообщила, что неожиданно к ней пришел красивый военный, весь в орденах, и стал целовать ей руки и плакать. Он представился Евгением Николаевичем Россихиным, подтвердил, что был сначала в плену, а потом в нашем заточении, но теперь полностью оправдан и ему возвращены военное звание, да и награды, число которых сильно прибавилось, потому что он инженер и работал по секретной специальности, а не валил лес. И в лагере был совсем не под Котласом, а потом работал и вовсе в Москве. В Котласских же лагерях умер его полный и не известный ему тезка Евгений Николаевич, но по фамилии Россохин, какая-то и где-то произошла канцелярская путаница, вот и получил Николай Евлампиевич неверное извещение.

Бабушка писала мне, что рассказала Жене про бабочек, про рояль и про дом. Но он пожалел лишь о бабочках. Сказал, что взял бы с собой, но раз уж их выставили в музей, то пусть они там и останутся. Про рояль говорить было без толку, потому что Евгений Николаевич только-только стал свободен, с жильем вопрос еще лишь решался, но рояль бы туда все равно никак не вошел. А о доме и говорить нечего.

Сын Россихиных обошел могилки родителей и еще раз навестил бабушку. Наверное, чтобы сказать об этом.

Бабушкино письмо я положил в карман у сердца, и оно грело душу долгие-долгие времена.

Я радовался за доктора, был счастлив, что Женя жив, хотя ни разу не видел его. Просто справедливость восторжествовала.

Хоть с большим и горьким опозданием, но она очень даже требовалась. Пусть — только мне, если Николая Евлампиевича больше нет.

Я думаю обо всех них.

О тех, кто до нас. Кто был перед нами.

Нет на белом свете моей милой бабушки, нет мамочки и отца. Нет, я думаю, даже Жени, доктора сына Евгения Николаевича, который, заехав только раз и поцеловав бабушке руки, не захотел больше приезжать к родному дому, чтобы опять и опять вспоминать, как его похоронили живым.

Нет докторова дома, рояля, коллекции чудных африканских бабочек.

И совсем другие люди ходят по той улице, где все это было. Они и представить себе не могут, что и как тут происходило до них...

Бабушка говорила мне про нелюбовь. Считала ее самым страшным.

Да уж! Нелюбви хоть отбавляй.

Но раз она есть, эта нелюбовь, существует и любовь. Существует внимание и интерес — одного человека к другому, к жизни, которая скрепляет людей чем-то невидимым. Золотой тонкой нитью.

И когда жизнь уходит, остается золотая паутина памяти. Она соединяет тех, кто до нас, с нами и нас с теми, кто после нас.

Она очень тонкая и очень хрупкая, эта паутинка, и все-таки она есть.

Не забудьте, ведь это нам сказано: любите друг друга.

МОТОДОМ бульвар

133-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Федерального
агентства
по печати
и массовым
коммуникациям

Когда кончается лето

Канун первого сентября в нашей стране похож то ли на общегалактический слёт цветоводов-любителей, то ли на большую общую свадьбу — цветы везде, в метро, в переходах, на выходах, на автобусных остановках, у предприимчивых бабушек. Создается впечатление, что любой человек в этот день должен сделать только одну вещь — купить цветы. И ведь покупают, а как же иначе? Не отправишь же родную кровиночку на первую встречу с любимой школой с пустыми руками? Вот и берут, причём не по одному букету, учителей ведь много. И ни умопомрачительные цены, ни откровенно посредственное состояние предлагаемого товара не может отпугнуть покупателей — такой уж день. Цветочки счастливы — товар продан, родители рады — букет куплен, дети в тоске — завтра в школу. Деваться некуда. Идем?

На семейном совете рассматривалось много вариантов: хотелось подарить одновременно оригинальные и праздничные цветы, чтобы выделиться из общей массы и доказать преподавателю свое уважение. В результате, решение принято — сочно-алые розы — обстоятельны, красивы, ароматны.

С утра пораньше, изрядно потолкавшись в общественном транспорте, вы, едва не сломав прекрасные дары природы, пробираясь через гудящую толпу, с гордостью несете букет перед собой, словно факел, освещающий ваш путь к знаниям...

Во время праздничной школьной линейки пытаетесь пробраться с вашими прекраснейшими розами к классному руково-

дителю — ведь именно ей — чуткой, умной, доброй — они предназначены, однако встреча со старыми друзьями-одноклассниками, окружившими вас плотным кольцом, оттягивает этот приятный момент. И вот, наконец-то, вы прорвались: "С первым сентября вас, Марь Иванна!" — произносите вы заранее заготовленную, многократно повторенную про себя коронную фразу, вручая свое сокровище. И... ничего.

Судя по всему, вы нашли не самый подходящий момент: учительница, слишком увлеченная разглядыванием пестрой толпы, взяла букет, почти не глядя на вас, пролепетала что-то вроде "да-да" (вы не слышали из-за восторженных криков детей и про-

могласной речи директора, громко выкрикивавшего в хрипящий мегафон поздравления с трибуны). Но не все потеряно! Сейчас Марь Иванна войдет в класс и увидит Его. Поставит в лучшую вазу и будет им любоваться. Да! Все должно быть только так и не иначе!

Первый урок — классный час. Он довольно быстро проходит за оживленными разговорами. Звонок с урока. Классный руководитель подзывает вас, чтобы дать свое первое поручение в новом учебном году. На учительском столе гора цветов. "Где же там мои милые розочки?" — думаете. "Возьми этот букетик (учительница берет несколько цветов с самого верха) и отнеси завучу от нашего класса в ее кабинет — ей будет приятно". "С удовольствием!" — радостно отвечаете вы и уже мчитесь по этажу в направлении нужного кабинета. Сейчас вы еще и завуча обрадуете! Вбежав в класс, произнесите восторженные поздравления, вручаете букет и... Получаете в ответ сухое "спасибо", видите плохо скрываемую неприязнь к принесенному вами дару. Все понятно: ее стола не видно, весь в цветах. Да еще этот аромат,

от которого уже болит голова... И что-то происходит с вами. Восторг куда-то улетучился. Ощущение праздника... где оно? Да и что же это за праздник, если никому не радостно? Какой же это день знаний, если те, кто эти знания призван давать, сами от сего торжества не в восторге? Не правильной ли будет переименовать день 1 сентября в день торговца цветочной промышленности? Помоему, так будет честнее.

К концу учебного дня на столе у Марь Ивановны стояла одна ваза с цветами, а вдоль задней стены класса четыре помойных ведра (за отсутствием более подходящих емкостей), забитых букетами.

Второго сентября, возвращаясь из школы, проходя мимо хозяйственного двора, невольно можно обратить внимание на мусорные контейнеры, доверху заваленные еще пахнущими розами, гвоздиками и гладиолусами. А вот и мой букетик! Жаль. Розы так готовились к этому дню, подставляя свои пестрые головки солнечным лучикам, так нечестно баловавших нас этим летом!

Чем же они провинились?

С доставкой на дом

Теперь вам не придется повторять знакомый с детства каждому школьнику подвиг Михайло Ломоносова и преодолевать тысячи километров ради заветного учения.

Вопреки всем законам мироздания, гора сама придет к Магомету. И не только к нему, но и к Саше, Кате, Зине и Дарье Петровне, то есть ко всем желающим получить высшее образование, не покидая милых сердцу Холмогор. Все это стало возможным благодаря системе дистанционного образования, активно применяющейся во всем мире.

Само по себе дистанционное образование (ДО) не новость.

По сути, это модернизированный вариант заочного, обремененный своим повсеместным распространением развитием компьютерных технологий. А началось все с середины двадцатого века. Именно тогда часть продвинутых западных вузов стала использовать одно из чудес оборонных технологий, а именно интернет, в просветительских целях.

Проще говоря, они начали передавать учебную информацию в свои филиалы, находящиеся иногда на довольно большом расстоянии от главного корпуса. Причем благодаря оптико-волоконной сети доходила она за невероятно короткое время.

Идея так стремительно прижилась, что к 1980-му году в мире насчитывалось более 180 вузов, предлагающих интернет-образование. Даже военнослужащие США во время войны в Персидском заливе могли получить высшее образование по интернету, а несколько тысяч человек так и сделали. Но это все в Америке.

У нас же все прелести дистанционного образования оценили достаточно поздно. Лишь в 1995 году в России приняли соглашение о развитии единой системы ДО. Зато с этого момента число организаций, предлагающих получить желаемую профессию, не покидая рабочего места и в удобное для вас время, увеличивается в геометрической прогрессии. Сейчас отделение дистанционного образования можно наблюдать в каждом четвертом вузе страны, и это не говоря уже о неожиданно возникающих частных организациях.

На территории России ДО произрастает в нескольких видах. Первый — так называе-

мая переподготовка. Всего за девять месяцев, не прилагая особых усилий, вы можете получить долгожданную специальность PR-менеджера, бухгалтера, дизайнера, программиста и т.д. Ни одна модная специальность не ускользнула из поля зрения таких центров переподготовки. Спасибо, что хоть на водителя не учат, а то бы как здорово было. Зато на врача — пожалуйста!

Как ни курьезно, но недавно подобный дистанционный курс открылся на базе Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова. Фармацевтический, подготовительный и другие факультеты ждут всех желающих принять клятву Гиппократа. Если же душа не лежит к медицине, можно стать великим спортсменом, обучаясь (дистанционно, естественно) в Академии физкультуры.

Но вернемся к нашим курсам переподготовки. Главное требование при поступлении на такой курс — среднее специальное (ну можно, конечно, и высшее) образование.

Цена обучения колеблется в пределах 800 долларов. Для сравнения, освоение подобной специальности в реальном режиме обойдется вам раза в два дороже, да и дольше по времени, но качество традиционной системы во столько же раз лучше.

Сам процесс обучения упрощен до крайности: два раза в неделю вы заходите под личным паролем на определенный сайт, куда центр пересылает учебные материалы. В обычных институтах это называется лекции. Иногда, дабы проверить усвоение материала, вам присылают тесты, которые можно с успехом выполнить с помощью

предшествующих лекций. В конце обучения предлагается дипломная работа, которую защищают либо в режиме on-line (по интернету), либо непосредственно в центре. После окончания курса выдается диплом о переподготовке по изученной вами специальности, где форма обучения не указана.

Другой подход к дистанционному образованию предлагают такие конгломераты российского образования, как, например, РУДН, МГИМО. Здесь вы можете уже не только переподготовиться, но и получить первое высшее образование. Причем список специальностей здесь почти такой же, как и на традиционных формах обучения: юриспруденция, социология, журналистика и прочее. Сроки обучения обычно тоже совпадают (примерно 5-6 лет). К сожалению, в некоторых институтах существует только региональная система ДО. Это значит, что получить диплом с помощью интернета может только человек, проживающий в удалении от Москвы и не способный систематически посещать занятия. Плата зависит от близости региона к столице и составляет в среднем 15-18 тысяч рублей в год. Устроители объясняют столь низкую оплату тем, что им не приходится платить за аренду помещений. Консультанты обещают, что процесс дистанционного получения знаний будет максимально приближен к традиционному. У виртуальных студентов, как и у реальных, есть зачетная книжка, где выставляют результаты сдачи экзаменов. Кроме того, у нашего дистанционного собрата есть и журнал посещения, где отмечается суммарное время, проведенное им на сайте с лекциями, дата и время начала и окончания сеанса, список просмотренных страниц. В комплекте вы также получите график обучения (своего рода расписание занятий) и график оплаты. Так что вузовскими атрибутами виртуальный студент уж точно обделен не будет. Дистанционный студент может даже пообщаться со своим преподавателем или группой в реальном времени (так называемый on-line класс), но для этого вам требуется ряд технологических новшеств. Во-первых, достаточно мощный компьютер, во-вторых, выделенная линия связи, ско-

рость которой на порядок выше модемной. Кроме того, цифровую камеру, позволяющую преподавателю видеть хотя бы примерный облик своего подопечного. Но очень придирчивы к наполнению ваших компьютеров только престижные вузы. Обычно же студент пересылает свои вопросы по электронной почте, а педагог таким же образом на них отвечает. Можно и просто задать интересующий вас вопрос по телефону.

Дистанционное образование предлагает и еще одно нововведение: студент может сам выбирать, какие дисциплины он будет изучать в этом семестре. Правда, пока он не сдаст экзамены по выбранным предметам, он не может перейти к изучению новых. Такой вот своеобразный контроль успеваемости. Также в программу почти всех дистанционных вузов входит очная сессия, по результатам которой определяется уровень знаний студента. Ясно одно: сколько бы красочные рекламы и словоблудливые журналисты ни расхваливали дистанционное образование, составить конкуренцию обычно оно пока не может. Ведь мы по натуре своей народ жутко несамостоятельный, и без чуткого и ежедневного руководства даже родной диван покинуть вряд ли сможем. А нам предлагают в течение пяти лет без заботливой указки Марь Иванны осваивать приглянувшуюся специальность. Да и само качество такого образования оставляет желать лучшего. На мой взгляд, ДО представляет собой нечто среднее между покупкой диплома в переходе и заочным отделением. Благо, если будущее место работы для вас уже приготовлено и только дожидается момента, когда заветный диплом окажется в вашем кармане.

Если же вы самостоятельно выбираете путь на всю оставшуюся жизнь, лучше воспользоваться традиционными методами. Так оно надежнее. Ведь пришел же Михайло Васильевич в Москву, и ни разу не пожалел об этом. Но ежели реформаторский дух у вас в крови и выбор все-таки пал на дистанционное образование, помните: главное, чтобы виртуальное обучение не принесло виртуальные плоды. ■

Дела деревянные

Представьте, что вы делаете ремонт, купили красивую и удобную мебель, наняли мастеров и в предвкушении перемен ожидаете конца работ. А вы когда-нибудь задумывались, откуда берутся эти самые мастера на все руки? Нет, Молдавия и Узбекистан — это, конечно, прекрасно, но меня интересует, где учили этих профессионалов? Думаете, сами? Вряд ли. ПТУ? В большинстве своём, да. Но сегодня мы поговорим о Строительном колледже №26.

Почему именно этот колледж? Очень просто. Он один из немногих оставшихся в Москве, где молодых людей и юных девушек обучают премудростям строительных профессий. И обучают при этом хорошо. Уже не один год ученики сего заведения занимают призовые места на выставке "Современная образовательная среда XX века", на конкурсах: "Лучший по профессии", "Лучший столяр" и других.

Как вы уже поняли, профессий, которые подлежат освоению в колледже, много, но особенную гордость представляют местные столяры. А в небольшом музее собраны и вы-

ставлены на всеобщее обозрение самые выдающиеся шедевры их творчества. Здесь есть все, что только можно сделать из дерева: резные стулья, табуретки, столы, столики, шкафы, шкафчики, трюмо, бюро... Была бы возможность, сюда и настоящую русскую избышку засунули бы или "навороченный" деревянный дом — жаль только, площади не позволяют. Каждый экспонат радует глаз — даже не верится, что всего за три года можно научиться делать всё это своими собственными руками. Кроме того, выпускники колледжа способны не только создавать новую мебель, но и реставрировать антикварную...

фото Владимира Чейшвили

Делу — время

В чём секрет? В том, что никакого секрета нет, просто все преподаватели добросовестно подходят к своим обязанностям. А руководство грамотно вписалось в конъюнктуру современных рыночных условий — ученики колледжа участвуют в выполнении различных строительно-отделочных заказов, то есть появляется возможность удовлетворить интересы сразу трёх сторон: заказчика, исполнителя и студентов с преподавателями. Заказчик доволен прекрасной работой, ученик — гонораром и полезным опытом. Таким образом, колледж находится на самообеспечении, практически не завися от той небольшой помощи, что оказывает государство.

На вырученные средства обновляется станочная база, появляется возможность оснащать классы современным мультимедийным оборудованием для большей наглядности в объяснении сложных моментов того или иного предмета. Каждый ученик в течение трехлетнего курса обучения знакомится со всеми принципами и методами работы по выбранной профессии. Все выпускники свободно

владеют полученными знаниями, а также профессионально обращаются с нужным станком или инструментом.

Уровень выпускаемых специалистов ни у кого не вызывает нареканий, о чем свидетельствует множество грамот и благодарностей. Почти каждый выпускник колледжа гарантированно получает стабильную работу, причём не только в отечественных, но и в зарубежных фирмах.

Взгляд изнутри

Не исключено, что во многом именно эти радужные перспективы заставили ребят и девчат пренебречь высшим учебным образованием и сделать свой выбор в пользу среднего специального. После краткого опроса учащихся выявлены и другие причины, заставившие прийти в колледж: не было иного выбора; при поступлении не требуется сдавать экзамены; по рекомендации друзей, знакомых, совету родителей; перспектива поступить в другие вузы без экзаменов, пройдя только тест. Но многие приходят, потому что чувствуют — дух строителя у них в крови...

Повседневная жизнь в колледже бьет ключом. Причём не только по голове. Нигде не видно праздно шатающихся, ведь замеченному бездельнику сразу находится "партийное задание" — от балльных плясок со шваброй до трудовой повинности на внеочередном ремонте.

В колледже очень строгая дисциплина. Каждый прогул или любую провинность, именуемую здесь "косяк" — надо отработать. Опять же — мытье полов, помощь в подготовке к общественно-массовому мероприятию или починка чего-нибудь. Как говорят ученики, здесь очень важно себя хорошо рекомендовать перед преподавателями, обратное может грозить завалом на экзамене, а в худшем случае — вообще отчислением.

Но самая большая проблема для парней — отсутствие девушек. Ситуация очень серьезная — всего две-три представительницы прекрасной половины человечества на курс. Ребят это просто угнетает. Так что, девчонки, если вам нравится столярно-строительное дело, и вы хотите уметь что-нибудь творить своими руками, с тем чтобы в будущем устраивать мужу мастер-класс — вы знаете, куда вам идти. ■

Тяжелые дни "Партии Тишины"

В России нынче очень многим людям хочется денег и власти, и потому чуть ли не каждый день рождаются новые партии, претендующие на все и вся с классическими, оригинальными и экзотическими названиями, начиная от "Партии жизни" и заканчивая... Впрочем, процесс этот бесконечен.

В Европе с этим делом — строительством новых партий — поскромнее. Однако иногда, как известный персонаж из табакерки, появляется и овладевает некоторыми массами нечто оригинальное. Что из этого зачастую получается — расскажет Денис **ЛОГИНОВ**.

Если подняться на верхнюю открытую площадку автомобильного паркинга брюссельского международного аэропорта Завентем, то можно увидеть там небольшие группки людей, пристально наблюдающих в мощные бинокли за взлетающими самолетами. Кроме биноклей, в руках у них микрофоны и специальные журналы с таб-

лицами. Они проводят на паркинге целые дни под палящим солнцем или проливным дождем, лишь изредка, да и то по очереди, прерываясь на перекус припасенными бутербродами. Строгая охрана аэродромной парковки, которая держит под прицелом телекамер едва ли не каждую машину, их не трогает.

У них есть даже специальное разрешение на "наблюдение" за летающими аппаратами гражданских авиакомпаний с помощью специальных оптических и электронных приборов, предназначенных для массовой продажи. Это активисты бельгийского общества с весьма романтическим названием "Тишина над нашей крышей".

Строго говоря, это уже не просто общество. Недавно оно получило статус национальной партии, и численность ее рядов вплотную приблизилась к 80-ти тысячам, что для Бельгии с ее территорией всего лишь в две трети Московской области и десятиmillionным населением не так уж мало. В мае этого года исполнилось пять лет деятельности "Партии Тишины", и планы у ее организаторов прямо-таки наполеоновские.

А поначалу все было весьма скромно. Нескольким ушедшим на покой пенсионерам, живущим в непосредственной близости к аэропорту, стал докучать шум авиадвигателей от взлетающих самолетов. Жалобы в местную коммуны, пространные письма руководству аэропорта оставались без внимания. Тогда решили умножить ряды защитников тихого неба. На пенсионные сбережения отпечатали первые двести плакатиков и разложили их по почтовым ящикам соседних домов и остановкам общественного транспорта. Результат превзошел все ожидания. Бельгийцы оказались невероятными любителями тишины над головами и садовыми участками и буквально повалили в новое движение. Организаторы с утра до вечера принимали членские взносы и выписывали справки "активного участника антишумного движения". Правда, вскоре произошел небольшой казус. Выяснилось, что один из активистов уже лет десять как глухой и поэтому не может объективно оценивать окружающую действительность. Чтобы избежать критики со стороны оппозиции, к заявлению стали требовать приложения сертификата о нормальном слухе, выписанного семейным врачом.

Когда движение перевалило за тысячу человек, был написан устав и придумано название: "Королевское общество защиты тишины". Но нотариальная контора отказалась регистрировать объединение со словом "королевский". По соображениям весьма веским. Король бельгийцев Альберт Второй в молодости был заядлым мотоциклистом и на своем Харлее-Дэвидсоне с невероятным грохотом носился по бельгийским дорогам. И хотя с престижным названием не получилось — ряды продолжали множиться и, в конце концов, в официальном списке общественно-полити-

ческих организаций Бельгии появилась новая партия. Ее численность уже позволяла получать государственные субсидии, иметь центральное правление, региональные отделения, проводить съезды и устраивать акции протеста. О листочках с бледно-серыми картинками, тиснутыми на ксероксе, уже никто не вспоминал. В типографиях тысячными тиражами печатались красочные плакаты. На одном, самом популярном, был изображен кричащий от ужаса человек, в уши которого влетает и вылетает ревуший самолет. "И так 350 раз в день!" — гласила надпись на плакате, подчеркивая всю пагубность увеличения интенсивности полетов для человеческого организма. По утверждению самих организаторов, плакаты красовались на стенах полутора тысяч домов, что произвело впечатление массовой акции протеста.

Партию поддерживали уже не только озабоченные возрастающим шумом цивилизации различные экологические движения. В президиумы конференций и съездов выдвигались ученые, политики, врачи, писавшие серьезные статьи о тлетворном влиянии турбореактивного шума.

Самолетостроительным компаниям, потратившим на разработку малолетных авиадвигателей огромные деньги, идеи защитников тишины пришлось как нельзя кстати. Ведь ее обращения к международным авиационным федерациям о запрете полетов шумных самолетов в европейское воздушное пространство (а это, как известно, практически все типы авиалайнеров из России), были очень нужны. Они помогали убирать с очень доходного рынка сильных конкурентов.

Перед партией замаячила перспектива парламентских кресел. Тем более, что среди влиятельных бельгийских законодателей оказалось несколько надежных друзей. С их помощью защитники тихого неба добились парламентского запроса в правительство. От премьер-министра Ги Верхровштадта потребовали ответа. Доколе всемирная почтовая доставка Де Эйч Эль будет бесчинствовать в брюссельском воздушном бассейне, неумоимо расширяя свой аппетит особенно к ночным, экономичным, с точки зрения компании, полетам?

Правительство пригрозило Де Эйч Эль штрафными санкциями и ограничило количество рейсов. Однако прославленная воздушная почта оказалась на удивление законопослушной и обещала удовлетворить достойных экологов, как говорится, "на все сто". Небесные тихушники возликовали, но рано.

Де Эйч Эль объявила о своей готовности не только сократить полеты, но и вообще покинуть тихую Бельгию, переведя всю авиаслужбу в недалекий германский Дюссельдорф или аэропорт Бонн-Кельн. И даже начала переговоры на этот счет. Правда, 1700 служащих-бельгийцев должны были в этом случае подготовиться к увольнению. Причем так как это решение бельгийского правительства, то за выходным пособием (согласно законодательству) оставшиеся безработными грузчики, водители и кладовщики могли обращаться напрямую к главе кабинета министров Ги Верхровштадту. Естественно, что рабочий класс с такой перспективой активно не согласился и шумно выразил свое негодование. Тысячная толпа перекрыла главную магистраль в аэропорт и под оглушительный гром железных банок и самодельных сирен потребовала ответа от авиапочтовых начальников. "Останьтесь, или мы ляжем под шасси самолетов!" — написали они на плакатах. Однако самое обидное для еще накануне празднующих свою очередную победу руководителей партии "тихих крыш" было то, что протестующие демонстранты буквально все являлись активными партийцами, готовыми положить на алтарь тишины все самое дорогое. Но не работу.

На выступившего в вечернем телезфире председателя партии Кристофа Вандермюлена было жалко смотреть. Такого поворота событий никто не ожидал. Сейчас партия "тихих крыш" переживает не лучшие времена. Уже говорят о том, что неплохо бы перейти к борьбе с мотокосилками, которые производят куда больший и более регулярный шум. К тому же, кое-где слишком громко и подолгу лают собаки. Так что не все еще потеряно. Во всяком случае, у входа в центральное правление все еще висит огромный транспарант. На нем надпись: "80 тысяч человек, голосовавших за наш партийный устав, не могут ошибаться одновременно".

Екатерина ПОСТНИКОВА

На войне как на войне

Вы никогда не задумывались, уважаемые читатели, почему люди идут воевать? Нет-нет, я имею в виду не те ситуации, когда граждане берут в руки оружие, чтобы защитить собственную страну, это — святое и не обсуждается. Но что думать, если молодые ребята едут спасать страну чужую? Или — вроде бы свою, но на чужой территории? Люди постарше хорошо помнят Афганистан. Вот живой пример, поскольку к безопасности СССР афганская война не имела никакого отношения. Солдат и офицеров посылали туда тысячами, многих привезли в гробах, многие вернулись калеками. Скажете: но что делать, если командование приказало? Однако даже в те времена были люди, которые сами просились воевать.

Итак, какие же мотивы заставляют молодых мужчин (а то и женщин) в мирное время брать в руки оружие?

Приказ. Это касается лишь кадровых военных, в основном, офицеров. Контрактника (если в его контракте нет соответствующего пункта) подобные приказы не касаются, он может смело сказать "нет", и ничего ему за это не будет. А вот офицер не выбирает: либо едешь на полгода неизвестно куда, либо вылетаешь из армии, что особенно обидно за два-три года до пенсии или получения квартиры.

Помню, брала я интервью у майора внутренних войск, год прослужившего в окрестностях Грозного, как раз в районе активных действий боевиков. Он лечился в госпитале от последствий переохлаждения и собирался после выздоровления вернуться в отряд. Но на протяжении всей беседы, а особенно потом, во время расшифровки диктофонной записи, меня не покидало ощущение, что мужчина психически болен. Во-первых, у него депрессия: постоянная сонливость, быстрая утомляемость (он устал даже говорить!), ощущение бессмысленности службы (не верит, что война принесет хоть какой-то результат), отсутствие аппетита, утрата полового влечения (ему 34 года, он год без проблем обходился без женщины), апатия, раздражительность. Во-вторых, страхи: его преследуют кошмарные сновидения о засадах, обстрелах, убийствах. В-третьих, галлюцинации: он слышит голоса погибших сослуживцев, видит их в толпе, ему чудятся какие-то надписи на стенах... Прибавьте к этому распавшуюся семью (жена не выдержала ожидания и стала жить с другим мужчиной), весьма туманную перспективу получения жилья и полную неизвестность относительно будущего места службы, и вы получите полный портрет героя.

Что же вы думаете — его комиссовали и отправили домой? Ничуть не бывало. Этот офицер был признан годным к военной службе и поехал воевать дальше.

Считается, что "послать" в горячую точку могут и солдата, но, по закону, военнослужащий срочной службы может быть отправлен туда только добровольно. Он должен сам написать рапорт с просьбой об отправке в район боевых действий. Это позволяет ему сократить срок службы, поскольку в горячих точках один день идет за полтора, а то и за два. Другое дело, по своей ли воле ребята порой пишут эти рапорты...

Призвание, то есть служба в спецподразделении по контракту. На нее идут молодые люди, которые сознательно выбирают для себя карьеру "солдат удачи". Их готовят в закрытых учебных заведениях,

снабжают самым современным вооружением и обмундированием, посылают только на специальные, тщательно спланированные операции и по мере возможности берегут от случайной гибели. Такие военнослужащие — настоящие профессионалы, они владеют многими видами оружия, приемами восточных единоборств, хитростями разведки, навыками саперов, связистов, инженеров, даже психологов. По большому счету, именно эти люди — прообраз армии будущего, состоящей не из "пушечного мяса", а из хорошо обученных специалистов.

С "солдатом удачи" в чине подполковника мне тоже приходилось общаться. Он отдыхал между "рейдами" и согласился кое-что рассказать о себе. Жаль, статью из его рассказа сделать не получилось, поскольку все боевые операции окутаны завесой секретности (и это правильно), а повседневная жизнь этого офицера, увы, основой для материала стать никак не может. Сами посудите: дома он бывает, от силы, два-три месяца в году, увлечений (кроме службы) никаких не имеет, отношения с семьей поддерживает чисто формальные, а об операциях рассказывать нельзя. О чем же тогда писать?

Увы, люди подобного склада в чисто человеческом смысле как бы выпадают из общества. Вся их жизнь и судьба — там, на войне. Безусловно, хорошо, что у нас есть настоящие мастера военного дела, но, если вы решите избрать для себя такую карьеру, приготовьтесь к неизбежному: ни на что другое у вас практически не останется времени и сил.

Деньги. Да-да, банальная служба наемником. Почему-то считается, что в горячих точках крутятся "бешеные" суммы, и, пробив там несколько лет, можно заработать себе на безбедную жизнь. Возможно, сначала так и было. Но сейчас заработки наемников заметно упали. Обратите внимание, я говорю о настоящих наемниках, а не о мародерах, отвратительные действия которых почему-то принято приписывать большинству ребят, идущих на войну за заработком.

Настоящие наемники — это те же солдаты-контрактники, только приходят они с "гражданки", специально призываясь из запаса ради службы в горячей точке. Многие из них основательно подзабыли, что такое армия, поэтому используются в тех случаях, когда большая квалификация не нужна. Они приносят немало пользы, но очень часто погибают, гораздо чаще, чем "солдаты удачи".

Рассказывает Артем, 29 лет, бывший участник нескольких боевых операций, сержант:

— Наверное, мне просто повезло, что я остался в живых. Несколько моих знакомых ребята погибли, причем совершенно случайно, например, подорвались на mine в первые же дни, или попали в засаду. Меня это как-то обошло, наверное, потому, что я — кинолог и большую часть времени проводил с собаками: тренировал их реагировать на взрывчатку. Два моих питомца тоже участвовали в операциях, с их помощью обнаружили "схроны" с боеприпасами, тайники. Не могу сказать, что мне было так уж страшно на войне, но представлял я себе ее совершенно иначе. И насчет денег тоже ошибся, мечтал купить квартиру, но на деле не приобрел ничего: как раз случился дефолт, а платили нам, естественно, в рублях... Но не жалею. Будет что вспомнить.

Жада романтики. Как ни смешно звучит это слово в наши практичные времена, многие ребята идут на войну именно за романтикой, которой им не хватает в повседневной жизни. Понять их нетрудно: к "светлому будущему" мы уже не стремимся, каждый сам за себя, и идеалы в жизни (или их отсутствие) каждый тоже выбирает для себя сам. Молодости свойственно тянуться к чему-то возвышенному и интересному. Вот и рвутся пацаны "пострелять", прежде чем станут серьезными, степенными и начнут делать карьеру. Если их не убьют, конечно.

"Романтическая" мотивация очень опасна. Во-первых, человек ломается уже по приезде в горячую точку, поскольку понимает, что навоображал себе Бог весть что, а действительность этому не соответст-

вует. Он видит страх, кровь, грязь, неустойчивость, однообразные будни. Эйфория от участия в чем-то "грандиозном" быстро улетучивается, остается только разочарование и постоянное нервное напряжение, которое может привести к срыву.

Во-вторых, человек снова ломается после возвращения к мирной жизни, особенно если он успел "втянуться" в войну и почувствовать тот самый "драйв", которого ему так хотелось. В результате, он или возвращается на войну, или долго и мучительно отвыкает от нее, и это можно сравнить с "ломкой" наркомана, решившего бросить наркотики.

Печально, но именно в категорию "романтиков" часто попадают девушки.

Рассказывает Галина, 27 лет, военнослужащая внутренних войск, постоянно проживает с мужем в Чеченской республике:

— Я родилась и выросла в Санкт-Петербурге, до армии пыталась учиться на врача. Все шло вроде хорошо, но мне всегда не хватало в жизни чего-то "настоящего". Да и ребята вокруг были какие-то инфантильные, маменькины сынки, одни деньги на уме. Вроде и профессия такая — врач, людей должен спасать, а они думали, как бы теплее после института устроиться и поменьше руки пачкать. Поэтому я решила пойти служить медсестрой. Попала в передвижной госпиталь в окрестностях Грозного, лечили раненых, вылетали за ними на вертолете в район боевых действий, проводили сложные операции буквально под открытым небом... романтика! Я всегда такого и хотела. Вся жизнь, как в фильме, утром не знаешь, что будет вечером. И дружба настоящая сложилась, без фальши. Но потом меня ранили, легко, просто зацепило руку осколком, но в результате подвижные руки резко ухудшились, и меня комиссовали. Вернулась в Питер и не выдержала там даже полгода. Тоска страшная! Просто места себе не могла найти. Повезло, что Володя (муж) написал мне письмо, позвал приехать, жить с ним. Поехала — и не жалею.

Стадное чувство. Некоторые ребята соглашаются служить в горячих точках: "за

компанию", подавшись на уговоры приятелей. Им кажется, что отказаться — это значит предать дружбу. В результате на войну попадают совершенно случайные люди, которым все это глубоко чуждо, и которые стремятся любой ценой оттуда вырваться. Некоторые даже не осознают, что занимаются не своим делом, просто они привыкли действовать "как все". Кончается это зачастую плохо, поскольку такие люди в принципе не способны принимать самостоятельные решения, а потому, оказавшись в ситуации, когда нужно думать своей головой, просто теряются.

...Если подвести итог, получается, что война для многих людей — это не профессия, а способ так или иначе уйти от проблем, материальных или духовных. Нужны ли такие военные? Да, нужны, ведь никогда не поздно чему-то научиться, найти свое призвание. Но перед тем, как переступить порог военкомата, не мешаает серьезно подумать: а зачем мне это нужно?

К тому же существует еще одна проблема, связанная с горячими точками. Ведь мужчины (и женщины), идущие туда, обычно не одиноки. И это значит, что из-за их необдуманных поступков страдают близкие.

Ирина Александровна, 46 лет, мать солдата-контрактника:

— Сережа вернулся уже два года назад, но я до сих пор боюсь, что он поедет в Чечню снова. Он мало рассказывал о своей службе там, мне кажется, это для него большая тема. Я видела фотографии, на них мальчишки позируют, выглядят просто "орлами". Но мой сын после возвращения сильно изменился. Первое время он очень много спал, потом долго не мог устроиться на работу. Хотел, но не мог! Метался между какими-то фирмами, брал "халтуру", перебивался... и вот только сейчас вроде определился, что станет охранником. То есть нашел что-то похожее на армию. Потому я и боюсь, что он снова поедет на войну.

Ольга, 34 года, жена офицера спецназа:

— Можно сказать, я привыкла, что мужа всегда нет. Сначала страдала, беспокоилась, жила буквально от звонка до звонка,

а позвонить оттуда сложно, очень редко была спутниковая связь. Однажды приехали к мужу в часть какие-то проверяющие, генералы, поставили телефон, так очередь на переговоры растянулась на пять часов!.. Теперь, когда война, вроде бы, кончилась, перешла в другую стадию, стало спокойнее. Муж служит в батальоне разведки, в боевых операциях, "зачистках" они сейчас не участвуют. Но мне кажется, я перестала нервничать не только поэтому. Мы шесть лет живем практически врозь, я уже почти не воспринимаю мужа как часть своей жизни. Представляю себе будущее через пять, десять лет... но, наверное, без него. Мы чужие люди.

Алексей, 14 лет, сын офицера-пограничника:

— Мой отец сейчас инвалид третьей группы, не слышит на одно ухо, у него бывают провалы в памяти. После увольнения он нашел работу, но ему трудно справляться, он часто болеет... Я уже решил, что служить в армии не буду. Для себя я не хочу такой жизни. Поступлю в институт с военной кафедрой, а может, заработаю денег и откуплюсь. Я считаю, служить должны профессионалы, которых к этому специально готовят.

Как знать, может быть, мы придем рано или поздно к профессиональной армии. Для этого уже есть предпосылки, но должно пройти время, и немалое. И, конечно, остается надежда, что однажды на Земле вообще не останется горячих точек, и люди перестанут отдавать жизнь ради безопасности других.

А тем, кто ищет в жизни острых ощущений, можно посоветовать только одно: разберитесь в себе. Ведь своей тягой к героизму вы можете не только испортить свою жизнь, но и подставить под удар других, тех, кто будет рядом с вами.

Не хочется заканчивать на грустной ноте, тем более что рядом с человеком в армии служат иногда существа волей-неволей делающие жизнь светлее. Это...

Стоп. О братьях наших меньших и о том, что они делают в войсках, я расскажу через месяц.

Любовь на расстоянии

Кристина училась на втором курсе Плехановской академии. Во время учебы ей представилась возможность поехать во Францию на стажировку. Такое предложение упускать глупо, считала Кристина, а, главное, ее родители. Однако всеобщей радости мешало одно "но". Девушка впервые влюбилась. Максим, так звали ее друга, узнав о стажировке, попытался сразу же отговорить ее от поездки.

— Другая страна, другие люди, тебе будет очень тяжело, — говорил Макс. — И потом, как же наша любовь? Я не смогу здесь без тебя.

Но для Кристины карьера казалась важнее.

В последнюю неделю перед отъездом у нее не было ни минуты свободного времени. Сборы, встречи с родственниками и прочие хлопоты. Даже чувство грусти предстоящей разлуки отошло на задний план.

И вот наступил день прощания...

— Кристина, что ты ощущала в тот момент?

— Полное смятение чувств. Я оставляла все самое дорогое: родителей, друзей, а главное, свою любовь. Впереди меня ждала неизвестность и совершенно незнакомый мир.

— И каковым на самом деле оказался этот незнакомый мир?

— Наполненный. Даже очень приятными сюрпризами. Напряженная студенческая жизнь, сумасшедшие бесконечные вечеринки и, конечно же, новые поклонники.

— А как же Максим?

— Достаточно быстро ситуация изменилась, и французский мир стал намного ближе, чем тот, где он остался. Звонки раздавались все реже, потому что общие темы найти было все сложнее.

— Ну, и чем закончилась вся эта love story?

— Галантным французским мальчиком... Соблазн был очень велик. Мы с новыми друзьями поехали на побережье: жаркое солнце, лазурный берег и небольшое количество алкоголя вскружили мне голову. Горячий гарсон Домьян воспользовался этим и поцеловал меня на глазах у изумленных друзей, прекрасно знающих, что в Москве у меня есть любовь.

За поцелуем ничего серьезного не последовало, но этот случай заставил меня понять, что чувства к Максиму остыли. В канун Нового года, когда я приехала в Москву на каникулы, мы расстались.

— Тяжело пришлось?

— Момент расставания был грустным и трогательным, все-таки Макс мне не чужой человек. Его чувство выдержало испытание разлукой, а мое оказалось не настолько сильным.

— Как жизнь пошла после расставания?

— Потом все вернулось в свое русло, а также появилось внутреннее чувство полной свободы, которого не было раньше. Спустя несколько месяцев, на одной из вечеринок, я познакомилась с молодым человеком, и он приглянулся мне. Что-то забытое всколыхнулось в душе. Все мысли снова завертелись вокруг одного человека, а жизнь стала похожа на романтический фильм: поездки вдвоем на побережье, прогулки под луной, бесконечные приятные сюрпризы, подарки. Все это заставляло чувствовать себя принцессой из сказки.

— А как же Максим, ты не думала о нем?

— Постепенно отношение к нему стало превращаться в дружеское, но все равно он занимал важное место в моей жизни. Мы переписывались, созванивались, но разговоров о наших отношениях больше не вели. В то же время Фабьен очень ревниво относил-

ся к тому, что в России у меня есть влюбленный поклонник.

— Скажи, чем отличаются русские парни от французских, и с какими, на твой взгляд, интереснее?

— Французские мужчины, несомненно, более галантные, они уделяют девушке много внимания, говорят бесконечные комплименты, но какие-то они несерьезные. В один день могут говорить "люблю", свято веря в свои слова, а на другой послать куда подальше. Это, конечно, не относится к нашим отношениям с Фабьеном, но многие мои московские подруги сталкивались именно с такой ситуацией.

Русские мужчины более ответственные, и хотя, скорее всего, от них не дождешься серенад под балконом и бурных страстей, но в них всегда можно быть уверенной и чувствовать себя, как за каменной стеной. Кто лучше, а кто хуже, сказать просто невозможно, поскольку не национальность влияет на отношение мужчины к женщине, а, прежде всего, его воспитание и культура, склад характера.

— Я не раз слышала о скупости французских мужчин. Это так?

— Думаю, дело здесь не в жадности, а в менталитете французов. Фабьен, например, считает, что если в клубе друг покупает мне коктейль — это неприлично, и я себя чем-то обязываю. А если девушка соглашается пойти с мужчиной в ресторан за его счет, то это означает ее полную готовность с ним вступить в более близкие отношения. Но такие мелочи бросаются в глаза только на первой стадии отношений. Спустя несколько месяцев, когда мы стали намного ближе друг другу, все эти предрассудки потеряли свою значимость.

— Время неумолимо подходило к концу твоей стажировки. Готова ли ты была вновь к расставанию?

— В этот раз близость разлуки стала для меня мучением. Но мы с Фабьеном предпочитали не говорить на эту тему, а наслаждаться каждой минутой, проведенной вместе.

— Но ведь время прощания все равно настало. Чем оно отличалось от расставания с Максом?

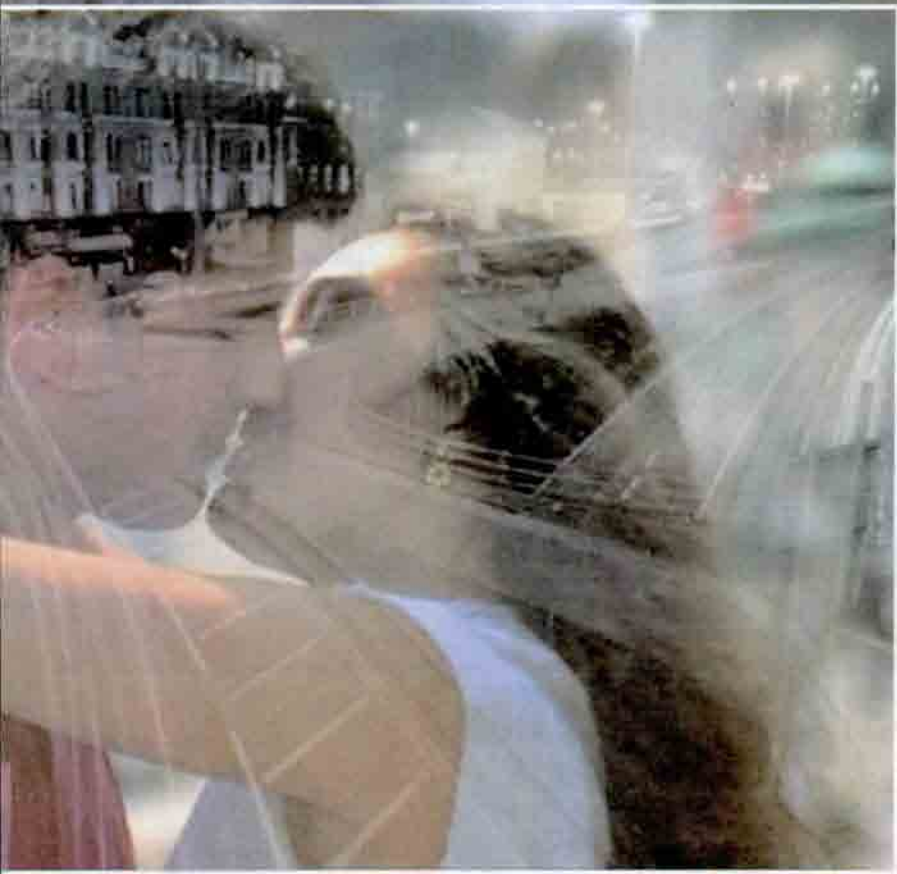

— Это происходило ужасно, мы оба плакали, уговаривали себя, что разлука будет не долгой, ведь через четыре месяца Фабьен обещал приехать в Москву. В этот раз мне было намного тяжелее.

— Сейчас ты в Москве, у тебя совершенно другая жизнь. Что можешь сказать о твоих и его чувствах, ведь вы не виделись уже несколько месяцев?

— Испытание чувств разлукой, конечно, очень тяжело, но в то же время мы всяческими способами пытаемся поддерживать нашу любовь: созваниваемся каждый день, отправляем друг другу милые открытки через интернет, а совсем недавно я получила от него подарок по почте. Иногда грусть накатывает на

меня, и я, ощущая чувство бесконечного одиночества, понимаю, как далеко мы находимся друг от друга, как долго еще до встречи и, вдруг, что-нибудь не сложится, не получится. И так хочется увидеть его, ощутить его присутствие. И тогда тоска и беспокойство овладевают мною. Одно хорошо, что сейчас у меня масса времени уходит на учебу, на диплом, и дни бегут быстро-быстро.

— У тебя не возникало желания завести новый роман?

— Нет, даже таких мыслей не держу, хотя соблазнов, когда ты одинока в компании, очень много. Я считаю, что на этот раз должна выдержать испытание разлукой.

— Как с испытанием справляется Фабьен?

— Он старается, даже в случае незначительных телефонных размолвок, всегда первым идет на примирение. И я чувствую, что он хочет, чтобы наш роман имел продолжение.

— А ты веришь в ваше светлое будущее?

— Боюсь что-либо загадывать, ведь жизнь часто преподносит нам неожиданные сюрпризы. На данный момент чувствую свое и его желание продолжать отношения и, возможно, мы оба будем готовы на что-то большее, чем сейчас. А что касается любви на расстоянии, то, думаю, она долго продолжаться не может. Ведь любые отношения должны развиваться, а для этого надо, прежде всего, быть рядом.

■
Стрелы АМУРА

Завоевать тебя, зритель!

■ Максим Аверин — артист театра "Сатирикон", лауреат Российской независимой премии "Триумф" известен зрителям своими яркими работами в кино — "Магнитные бури", "Карусель", "Команда 01. Огнеборцы", "Место под солнцем".

Одержимость, священнодействие, так можно вкратце описать его игру на сцене. Максим убедителен и достоверен в самых разноплановых ролях — Арбенин в "Маскараде", король Эдвард IV, герцогиня Йоркская, герцог Кларенс в "Ричарде III", Банко в "Макбете" Эжена Ионеско.

Мощная энергетика, излучаемая актером и человеком — Максимом Авериним, дарит Вдохновение, Мечту, проникая в самое сердце зрителя.

— Максим, ты, можно сказать, вырос на "Мосфильме", в кино снимаешься давно, а

свою первую небольшую роль сыграл в шесть лет в фильме "Похождения графа Невзорова". Одни подразделяют профессию на актера театра и кино, другие — утверждают, что если есть талант — везде сыграешь хорошо...

— Кино и театр — две совершенно разные профессии. Есть театральные актеры, которые легко входят в органику кино, познают все составляющие этой специальности, некоторых, что называется, даже пленка любит. Но далеко не каждый даже уникальный артист театра может быть хорошим актером кино. Имеет значение — кто твой наставник. Меня научил работать в кино Вадим Абдрашитов, у него я снимался в замечательной картине "Магнитные бури".

Сейчас, к сожалению, люди привыкли к сюжетному кино, к плоским, безликим геро-

ям. Многие артисты используют одну и ту же краску... Посмотришь, бывает, фильм и думаешь: "Не за кого утонуть!"

А ведь картина должна поднимать дух, воспитывать, волновать...

Обидно, что забываем о своих корнях, копируем западные клише. Непонятно, по-

чему мы потеряли традиции отечественного кино, на котором воспитывалось не одно поколение людей... Мне больно видеть, что переживает наш кинематограф сегодня. Слава Богу — у нас есть еще такие мастера, как Абдрашитов, Чухрай, Михалков.

— Недавно ты закончил сниматься в 12-серийной картине "Доктор Живаго" у Александра Прошкина. Сыграл роль Панфила-партизана, вырезавшего всю свою семью...

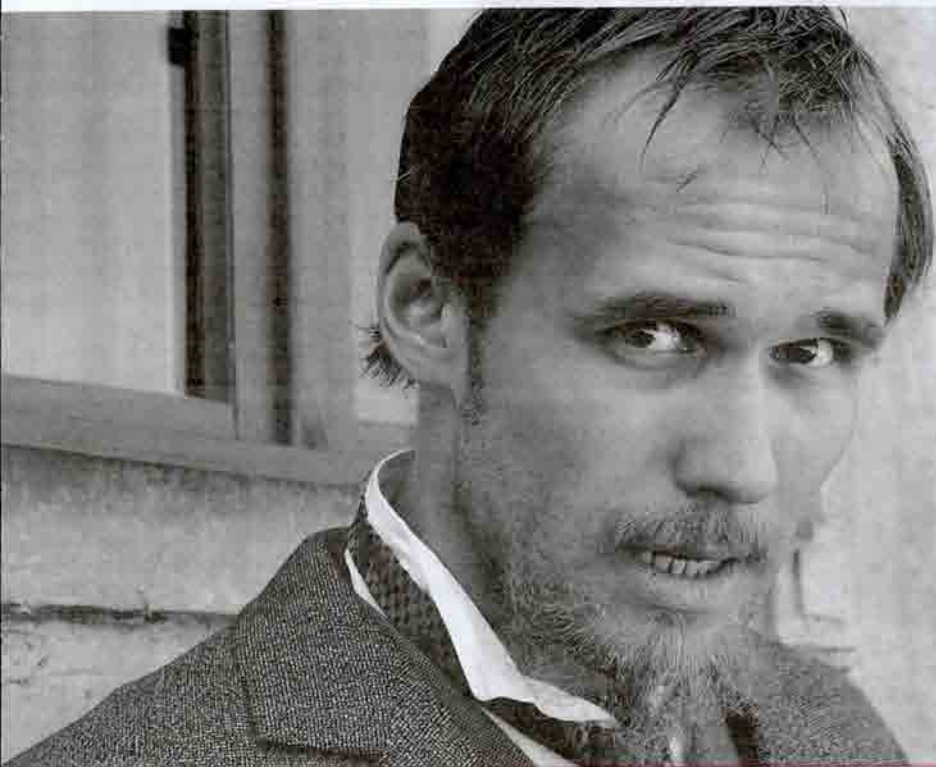
— Было непросто разобраться в психологии этого человека, оказавшегося в безвыход-

ной ситуации, осознать, что им "двигало". Как правило, работая над ролью, всегда обыгрываю ее по-разному, ищу новые приемы.

— Максим, в "Сатирикон" ты пришел в 1997 году — сразу по окончании Щукинского училища. Кто из педагогов оказал наибольшее влияние?

Режиссер, артист должны быть современными и говорить со зрителем на современном языке.

Каждый год театральные вузы выпускают новых актеров. Среди них много необученных, вернее, обученных по старинке. Время сейчас предъявляет другие законы,

— Учителя у меня оказались удивительные, люди-вехи: знаменитый чтец Яков Михайлович Смоленский, Марина Александровна Пантелеева.

В искусстве чрезвычайно важна преемственность. Необходимо обращать внимание на то, что сделали наши предшественники, обязаны помнить о прошлом, но не быть ни в коем случае людьми прошлого! Никто не сможет сделать хороший фильм или спектакль, не думая о зрителях, забывая, ради кого он создается.

театр развивается и идет вперед. Мне совершенно бывает не понятно, когда молодой артист говорит режиссеру: "А я это не умею!" Если мне режиссер скажет "Станцюй канкан!", я станцую, если необходимо по роли.

— В спектакле "Макбет" Эжена Ионеско ты блистателен в роли Банко. в "Ричарде III" исполняешь сразу три роли: герцога Кларенса, короля Эдварда IV и герцогиню Йоркскую. Режиссер-постановщик — Юрий Бутусов. Как с ним работалось?

— Бутусов — талантливый питерский режиссер и работать с ним интересно. Он из тех, кто в состоянии "развернуть" актера на 180 градусов. Мне нравится, когда режиссер готов к диалогу, когда можно подключаться к творческому процессу, когда режиссер знает, что он от тебя хочет на площадке.

Не приемлю, когда из актера что-то "вылепили", как из пластилина, и он ходит по сцене, словно запрограммированный.

— В "Сатириконе" у вас хорошая творческая команда?

— У нас ансамблевый театр, такого, чтобы все вертелось вокруг одной звезды, у нас нет. Мы — одна команда.

— Константин Райкин режиссер требовательный?

— Требовательный. Я рад, что сразу попал к нему в театр. Константин Аркадьевич — мощный режиссер и актер с большой внутренней дисциплиной, он равно требователен и к себе, и к актерам.

"Сатирикон" все время в развитии, Райкин приглашает хороших режиссеров, берет хорошую драматургию. Вместе с нами, актерами, ступает на зыбкую почву новой постановки, он, как ртуть, все время в движении. Недавно "Снегурочку" поставил с молодыми актерами, яркий спектакль, сильная энергетика, артисты не только играют, но и поют, танцуют. Райкин блестяще играет Ричарда III в одноименном спектакле Бутусова. Он считает, что театр должен волновать душу зрителя, он за искренность, за соединение актера с залом.

— Максим, образы, создаваемые тобой на сцене, абсолютно разные. Глубокие и искренние. Ты актер тонкий и убедительный, со своей внутренней философией. Что для тебя театр?

— Театр — это смысл всей моей жизни. Не отделяю себя ни от одной роли, которую сыграл, я все "пропускаю через себя". Готовясь к роли, всегда внимательно читаю сценарий, отмечаю, что могу "вынести" лично для себя — в том числе и как гражданин.

Не всегда артист получает ту роль, которая может его выразить, а если такое происходит и есть право выбора — это же счастье!

— "Сыграть Арбенина дано не каждому мастеру сцены", — сказал однажды мне в интервью актер Виктор Авилов, это была его любимая роль. Ты великолепен в роли Арбенина, проживаешь самый сложный образ, играешь на разрыв аорты! Как рождалась эта работа?

— Все свои роли я сделал на усталости — уникальное состояние! Когда выжат, как лимон, ты открыт, появляется второе

дыхание. В последний момент как бы взлетаешь, возрождаешься, концентрируются мысли, просыпаются новые силы. "Маскарад" родился в моем напряженном рабочем графике — репетиции, съемки, спектакли в Питере. Спектакль идет в два состава — Арбенин\Казарин играем с Денисом Сухановым в очередь. Практически два "Маскарада", две любимые работы. Но

ликом и полностью! Ревность, Мечь, Позорительность — все это дьявольщина, и освободиться от нее может только сильный. Ни один человек не должен принадлежать другому — никому и никогда! Любовь Арбенина эгоистична и слепа, ты — только моя — принцип страшный. Он убил не только Нину, но и самого себя, произошло самоуничтожение.

роль Арбенина мне дорога особенно, интересно всецелое постижение этого героя. Я даже грим ему придумал, изменил форму своего носа, прическу. Грим творит чудеса, помогает от внешнего состояния прийти к глубочайшему внутреннему.

— *В чем же трагедия Арбенина?*

— Он не перешел за грань понимания того, почему нельзя претендовать на другого человека, даже если любишь его це-

— *Твой идеал в профессии?*

— Мне хочется быть самим собой. Очень нравится Фаина Георгиевна Раневская — великая актриса.

Хотелось бы достигнуть мастерства Олега Ефремова...

Роберта де Ниро в кино... Но всего этого можно добиться только находясь в постоянной работе, накапливая опыт за счет новых интересных работ. С удовольствием

смотрим наши фильмы, ставшие классикой кинематографа.

Надо все время учиться, чтобы быть на высоте в своей профессии. Актер постоянно что-то постигает и впитывает, ну, а если решит, что уже всего достиг — значит, как актер он умер.

— Ты в жизни всего добиваешься сам?

— Я все сделал своим трудом, никто мне не прокладывал дорогу в рай. 90 процентов труда — и я благодарен судьбе за это.

— Что не приемлешь в отношениях людей?

— Ложь — в любом ее проявлении: сценическую, в отношениях двоих людей. Сам врать не люблю, да и не умею.

— Ты категоричен в своих поступках?

— Не категоричен, но принципиален. Никогда не "вычеркну" человека, не проанализировав мотивы его поведения. По возможности, стараюсь понять другого. А если влюблен — могу простить все!

— Что тебя раздражает в сегодняшнем дне?

— Сейчас многие увлеклись "обоями, дизайном" в творчестве и жизни. Любую обложку можно раскрасить яркими цветами, нарядить, конечно, она привлечет внимание, но как быть, если под ней Пустота? Страшно то, что уходит — Духовность.

Ускользает куда-то Иллюзорность, Мечта, — все-таки театр и кино — искусство Возвышенное... Мне кажется, что в актерах должна быть тайна, магия, мечта. Сейчас в актрисах исчез образ женщины-мечты, улетучилась недосыгаемость, недоступность. Почему-то появилось великое множество бытовых актеров, стремящихся тусоваться, демонстрировать свое материальное благополучие. На актера сейчас смотрят как на представителя шоу-бизнеса: от кого одет, какая марка автомобиля... Почему-то интересные не его работы, а атрибуты его достатка.

— Какой зритель тебе нравится?

— Люблю незнакомого зрителя, потому что у меня есть желание его завоевать.

— В чем смысл профессии актера?

— Мы, актеры — чистим души людей! ■

Беседовала **Елена ВОРОБЬЕВА.**

теле

■ Хмурое сентябрьское утро. По небу не спеша ползут куда-то рваные тучи. Никто не успел заметить, как кончилось лето, но для всех стало очевидно, что осень уже наступила... В это безвременье, когда дождливая серость отнюдь не собиралась заканчиваться, а бабье лето и не думало начинаться, бар-менеджер Гирькин, в народе Недовес, возвращался с ночной смены до дому до хаты.

На душе у него было архи паршиво. При этом он терялся в догадках, то ли это от выпитого вчера без закуси, то ли от пережженного утреннего кофе, а может, от мерзкого московского климата. Сам не зная почему, Недовес почти во всех своих бедах всегда обвинял погоду. Мало этого, свято верил, что она его рано или поздно доконает, хотя предпосылки к этому было не больше, чем к тому, что его, Гирькина, завтра отправят на Марс воевать с местными жителями.

Однако, объективности ради, стоит сказать, что ледяной дождь, бессовестно намочивший его на выходе из метро, при всем желании не мог поднять Недовесу настроения. Ибо Недовеса терзали мысли, причём не лучезарного характера. Думал он о том, что уже три года не был в отпуске, что в холодильнике положительно шаром покати, что вот опять он придёт и увалится спать, хотя ещё неделю назад дал себе слово сходить в магазин за обновками... Его мысли мигом рассеялись, когда его чуть

Оборзение

Новости — это стресс

не сбил с ног парень, шедший навстречу, "Смотри, куда прешься!" Гирькин поймал себя на мысли, что вместо того, чтобы в свою очередь выразить молодому человеку всю полноту чувств, охвативших его от этой внезапной встречи, он, Недовес, лишь шарханул в сторону и виновато улыбнулся. Тревожно было на душе заслуженного бар-менеджера.

Непонятное чувство неуверенности преследовало его. Разумной причины, объясняющей его состояние, не было, вот и приходилось беспокоиться просто так, ни о чём.

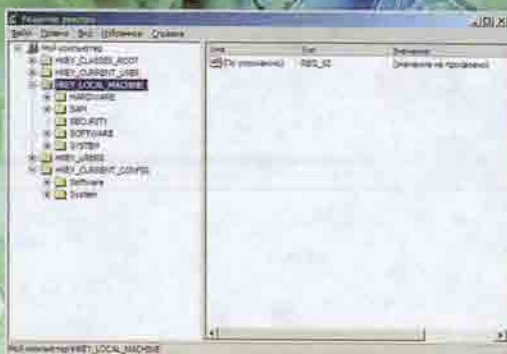
Наконец он дошёл до подъезда: код, дверь, лифт, ключ, дверь, диван, телевизор. Шли новости, показывали очередную чрезвычайную ситуацию где-то на задворках нашей могучей и безграничной. Кончился сюжет и показалось лицо диктора — серьёзное, даже озабоченное, в отдельные моменты почудилось, что ведущий сам боится того, что рассказывает. Потом пошли сюжеты о наркоманах, браконьерах, террористах... Гирькину давно уже было наплевать на всех них вместе взятых и на каждого по отдельности. Он просто лежал и впитывал интонации и настроения, не вдаваясь в подробности. Через десять минут он уснул. Ему снились кошмары.

Нет, наш любимый Недовес не заболел, он просто устал, как и большинство жителей нашей страны устали от нескончаемого потока негатива, обрушивающегося еже-

дневно на наши головы с экранов телевизоров. Создаётся впечатление, что наши редакторы новостных передач взяли себе за правило лозунг "Ни дня без трагедии!" Как ни включишь с утра телевизор, так где-то рвануло, где-то стрельнуло, где-то что-то, а то и кого-то взорвали. Всё это в обрамлении пакостей поменьше — картины страшного суда.

Не так давно один известный деятель от мира СМИ сказал, что новости — это только плохие новости, хорошие новости — это реклама. Вполне согласен, некоторые рекламные ролики очень неплохи и я с удовольствием бы их посмотрел вместо новостей. Но такое, то ли к сожалению, то ли к счастью, вряд ли случится. Мы смотрим новости, чтобы узнать о событиях в мире и в стране, при этом хотим знать как можно больше. А что в итоге? Откровенная чернуха и стойкое впечатление того, что в стране творится чёрт знает что, кругом бардак и разруха, а те, кто этого не замечают — просто умалишённые. Очень даже может быть, что так оно и есть на самом деле, но ведь нужно хоть немного жалеть миллионы Гирькиных, пытаюсь хоть где-то найти положительные штрихи к общей безрадостной картине... Но, видно, кому-то приятно держать страну в вечном тонусе, не давая ей ни на минуту расслабиться. И, значит, кошмары будут мучить Недовеса и дальше.

Ник СИГАРИЩЕНКО, с любовью.

Минимальные настройки

на максимальную производительность

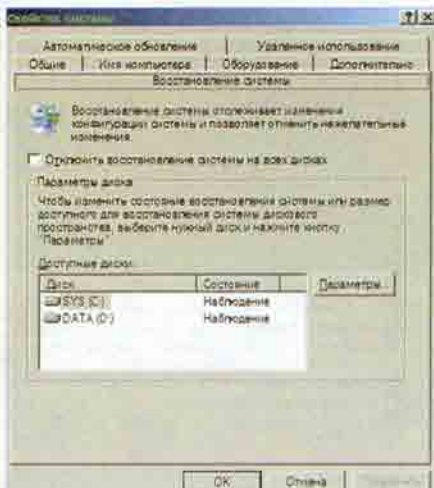
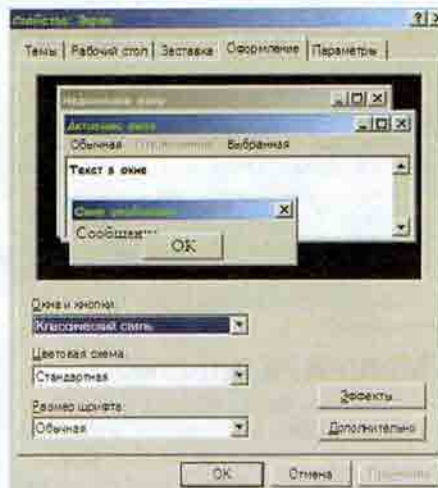
Windows XP: полезный минимум настроек

Тормоз — тоже механизм: отладка Windows XP.

В очередной раз включая своего компьютерного коня, вы созерцаете этот приятный и красочный интерфейс и все время думаете, почему же он тормозит, когда только вчера поставил неплохой процессор и памяти подкинул. Все дело в том, что, независимо от мощности, машины Windows XP может заедать без всякой видимой причины, так как система тяжелая, и большая часть того, что в ней есть — просто не нужна. Переделать ее, конечно, мы не можем, да и вряд ли рядовой пользователь будет над этим заморачиваться — остается найти способ отключить то, что силь-

но влияет на производительность. Как вы уже поняли, мы поговорим о том, как сделать из Win Xp "человека" или как переделать тормоз в педаль газа...

Интересно получается — думали ли разработчики "форточек" о том, что говорили в день выпуска своего продукта? Если "да", то насколько хорошо, если "нет", то не удивительно. Утверждали, что Windows XP загружается и работает быстрее любой из ранее вышедших систем (Win 95, 98, 98SE, ME, Win 2k). Возникает вопрос: это в каком пьяном угаре надо быть, чтобы такое, извините, ляпнуть? Банальный маркетинговый ход — чтобы покупали. На самом же деле, XP вполне реально может загрузиться за 5 — 7 секунд, только компьютер должен быть на уровне AMD64 3000+ или iP4 EE 3000 Mhz — о чем как раз и смолчали "создатели"...

Не будем мудрить, попытаемся отключить все подряд, так как даже если вы отключите абсолютно все лишнее — разницы не заметите. Сейчас для нас важно все то, что повышает скорость, при этом заметно для глаза. А все остальное, то есть мифологический прирост, который должен получиться, игнорируем.

Рубим с плеча

Начнем с самого простого — с графического интерфейса, который для слабых машин является основным тормозом. Возвращаемся к "классике"! Как это сделать — проще не придумаешь: свойства рабочего стола, закладка "Оформление" и в выпадающем меню "Окна и Кнопки" — "Стиль Windows XP" меняем на "Классический стиль". Далее идем в "Пуск" — "Настройка" — "Панель задач и меню "Пуск"" — закладка "Меню "Пуск"" и выбираем "Классическое меню "Пуск"", затем "Настройка" и снимаем галочку с "Использовать сокращенное меню". Далее, по желанию, выделяем "Мелкие значки" в главном меню, "Администрирование" (пригодится) и все, что начинается с "Раскрывать...". Убиваем ненужные ярлыки, всплывшие на рабочем столе.

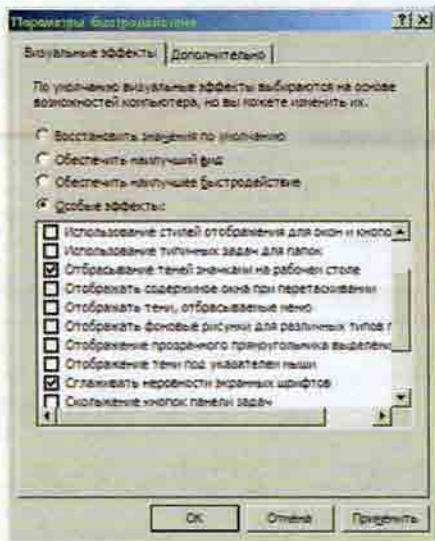
Вспоминается старый добрый Windows ME... Ностальгия, ну да ладно, продолжаем, ведь нужно убрать еще и все графические эффекты. Это делается в свойствах "Моего Ком-

пьютера" — закладка "Дополнительно" — "Быстродействие" — "Параметры" и отмечаем "Обеспечить наилучшее быстродействие". Чтобы не раздражали названия папок и файлов в непрозрачных прямоугольниках — сразу же переставляем точку на "Особые эффекты" и ставим две галочки: "Отбрасывание теней значками на рабочем столе" и "Сглаживать неровности экранных шрифтов". Остальное по выбору.

Если у вас ЖК-монитор, то стоит вернуться в свойства рабочего стола "Оформление" — "Эффекты" и поменять обычный метод сглаживания шрифтов на "ClearType", что существенно улучшит восприятие, ибо все так раздражавшие угловатости букв пропадут.

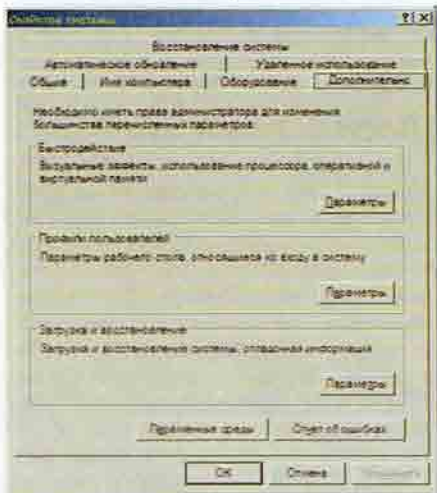
"Постой, паровоз..."

Подчистим немного меню "Пуск" и просто удалим ненужное, что упростит дальнейшую работу и исключит путаницу в ярлыках. После этого, вспомнив предыдущие версии Windows, вы можете задуматься, а почему же меню открывается с задержкой. Где обещанная скорость? Исправляем эту ошибку: заходим в "Пуск" — "Выполнить", в появившемся окошке пишем regedit и жмем enter. Далее, по "плюсикам", движемся в следующем направлении: HKEY — CURRENT — USER — Control Panel — Desktop, находим MenuShowDelay и, нажав два раза мышкой

(левой кнопкой), меняем значение 400 на 0. Эффект будет заметен только после перезагрузки, но ее мы пока отложим.

Снова зайдём в свойства "Моего компьютера", закладка "Автоматическое обновление" и снимем галочку с "Выполнять обновление системы". Как говорится — кому оно надо. Работу системы, если она не имеет выхода в интернет, это не облегчит, просто в случае подключения к мировой сети XP не будет

тормозить просмотр страничек, закачивая заплатки.

При желании можно зайти в закладку "Восстановление системы" — Диск (D:) — "Параметры" и поставить единственно возможную галочку "Отключить восстановление системы на этом диске" — все равно на D это не нужно. Возможно, только придаст 0,001 процента прироста производительности. Если машина сильная, то заметно не будет. На слабой же любая мелочь может оказаться существенной.

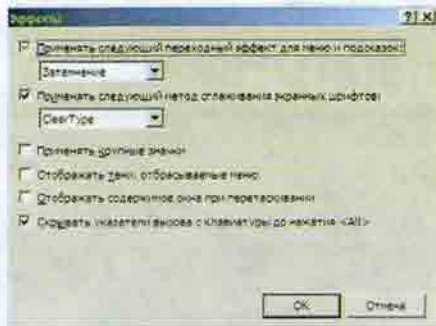
Мелочь, а приятно

Вспомним старые времена и то, как раздражали диски с автозагрузкой. В XP теперь каждый CD, хочешь — не хочешь, запускается автоматически, даже всплывает окошко, где предлагается выбрать нужное действие. Поначалу это кажется интересным, но когда вставляешь музыкальный сборник, к которому уже есть "плейлист" на компьютере или абсолютно пустую болванку, то начинает выводить из себя. Снова набираем regedit и ищем: HKEY — LOCAL — MACHINE — SYSTEM — CurrentControlSet — Services — CDRom, где параметр AutoRun меняем на 0 — два удара по зверьку и пальцем в соответствующую клавишу.

Отключаем все звуки: "Пуск" — "Настройка" — "Панель управления" — "Звуки и аудиоустройства", закладка "Звуки", в меню "Звуковая схема" ставим "Нет звуков". Попросит сохранить старую схему — отказываем. Это существенно облегчит жизнь на компьютерах мощностью до 1000 Mhz. Иногда возникают ситуации, когда система может долго задуматься над тем, что сделать сначала: проиграть сигнал или выполнить действие. Доходит порой до смешного — вместо того, чтобы показать признаки жизни, компьютер ждет, пока не проиграется "звук события" и только потом начинает что-то делать. В результате, частые зависания и залипания становятся чем-то привычным и родным.

Контрольный в реестр

У XP наблюдается странная зависимость — время отключения напрямую зависит от мощности компьютера. Если прежние вер-

сии Windows выключались относительно быстро, то эта еще чего-то хочет. Допустим, на машине 1500+ или 1500 Mhz ожидание может затянуться на пару минут. Что система делает — не понятно, особенно если жесткий диск почти не задействован. Эту неприятную процедуру превратим в удовольствие, и соседа поугаюем, у которого iPEE 3700 Mhz, а у вас K6-2 550 Mhz, заявив, что на вашей машине XP работает быстрее. Естественно, опять лезем в реестр, то есть набираем regedit, следуем по ступенькам: HKEY — LOCAL — MACHINE — SYSTEM — ControlSet001 — Control, находим значение WaitToKillServiceTimeout и уменьшаем его, допустим, до 5000.

Проделана большая часть работы по отладке системы, но осталось еще несколько моментов, о которых стоит поговорить. А все потому, что они будут интересны многим, особенно тем, кто не знает, или тем, кто знал, но забыл.

Последние штрихи

Как убить Windows Messenger (MSN) — тот надоедливый значок в "дере". Просто заходим в него: "Сервис" — "Параметры" — "Настройка", где снимаем все галочки. Закрываем программу и забываем об этом до следующей перестановки системы.

И, наконец, самый интересный вопрос — как убрать окно приветствия так, чтобы XP не запрашивал пароль. Многие это делали, при этом все время забывали, как именно. Парадокс в том, что окно приветствия убирается в "Пуск" — "Настройка" — "Учетные записи пользователей" — "Изменение входа пользователей в систему", где второй же строкой на-

писано: "Использовать страницу приветствия" — вы правильно подумали — отменяем. При последующей загрузке система будет запрашивать имя пользователя и пароль (если есть — вводим, иначе операция не загрузится). От этого тоже следует избавиться, особенно если компьютер домашний. Для этого в "Выполнить" набираем: control userpasswords2 — выскочит окошко "Учетные записи пользователей", где и отключаем "Требовать ввод имени пользователя и пароля". Сразу же появится другое окошко "Автоматический вход в систему". Вводите пароль, но только в том случае, если еще при установке XP его создавали. Если не создавали, то просто нажимаем ОК.

Фирма ответственности не несет

В надежде добиться еще большего прироста производительности, покопайтесь в "Пуск" — "Настройка" — "Панель управления" — "Администрирование" — "Службы". А выбор-то какой — все так и хочется отключить, но это уже на ваш страх и риск — главное — внимательно читайте описание каждой службы. В дополнение к этому, если результат не устроит, зайдите через "Выполнить" в "Настройки системы", набрав msconfig, где так же отключаются службы (без описания), но здесь лучше обратите внимание на закладку "Автозагрузка" — убиваем все то, что вам кажется ненужным.

"Аналогично, шеф!"

В идеале, после перезагрузки все изменения вступят в силу. Улучшения в скорости и поворотливости XP не заставят себя ждать. К сожалению, ради этого пришлось пожертвовать красивеньким новеньким интерфейсом. Не на сине-зеленые форточки же любоваться, когда важна производительность и стабильность. Спокойно проделайте все, о чем говорилось выше (кроме последней подлвки) — этим систему не убить. После подобной "доделки" XP вполне сносно работает на iPII 400 Mhz, что должно натолкнуть на определенные выводы...

Просто Кир

podolak@rambler.ru

Рок'овая любовь

Говоря о творчестве певицы и музыканта Елены Никитаевой, нельзя не рассказать о ее детстве: настолько это взаимосвязано. Выросшая в семье военного врача, Лена рано узнала, что такое опасность, тревога, смерть. Полковник медицинских войск, реаниматолог по специальности, ее отец про-

первую песню. Но уже до этого, переезжая вместе с отцом по стране из гарнизона в гарнизон, девочка вместе с ним играла еще пока чужие, не свои, песни для солдат.

В то время были сделаны первые пробные записи. Их стали крутить на "Радио России", после чего, уверовав в свои силы, она

шел через все "горячие точки": спасал солдат в Афганистане, потом — в Чечне.

Отец подробно описывал в письмах с войны девочке свои мысли о происходящем. Они стали первыми сильными впечатлениями Лены. Читая их и слушая отцовские рассказы, она научилась любить жизнь, ведь самым большим чувством в то время был страх смерти. Гитару она впервые увидела в доме. После войны полковник играл дочери красивые песни на английском языке, вместо колыбельных. Позже она узнала, что это знаменитые The Beatles.

Однажды Лена заметила, что во сне стала сочинять стихи. Некоторые из них звучали, как песни. В восемь лет она научилась играть на гитаре, в двенадцать написала свою

отправила несколько своих песен на Центральное телевидение. Ответ не заставил себя долго ждать. "Гуру утренних передач" Юрий Николаев пригласил ее для участия в конкурсе "Утренняя звезда". Неожиданно для всех она стала лауреатом конкурса, победив со своей песней "Четыре стены". Композиция, нестандартная и не похожая на западные хиты, исполняемые другими лауреатами, написанная в стиле джаз-рок, плохо вписывалась в уже возникшее тогда понятие "формата". Однако искренность и сила исполнения произвели такое впечатление на руководство канала, что концертный номер с участием Елены Никитаевой еще долго показывали во всевозможных повторах и "бстах" программы.

Девушку заметили. Ей предложил свою помощь один из самых известных в тот момент продюсеров — Александр Шульгин, бывший теперь же муж певицы Валерии. Началась кропотливая работа на студии. Практически был готов первый альбом. Но жизнь подготовила свой сюрприз — дефолт 1998 года внес в ее творчество свои коррективы. Сту-

знакомится с бас-гитаристом Владимиром Цветковым, который в прошлом играл "на басу" в одной из первых московских рэп-команд "Палата №6", и с барабанщиком Львом Костандяном, экс-ударником музыканта Найка Борзова. Чуть позже из группы "Свободное поселение" к ним пришел гитарист Вячеслав Кузнецов.

дия, на которой записывался ее альбом, закрылась. Все произошло так стремительно, что ни одному из артистов, работавшему там, не удалось спасти свои записи. Был утрачен весь материал альбома. Пришлось все начинать сначала. А тут еще и продюсер решил, что свои силы и средства он сможет тратить только на одного, уже "раскрученного" исполнителя, свою жену.

Так закончилось детство. Елена Никитаева поняла, что отныне она может надеяться только на себя. До лета 2000 года происходит процесс, обычно определяемый как "поиски себя". Вместе с известным гитаристом Алексеем Медведевым на студии в подмосковном городе Видное она записала около десяти песен, сделанных в различных стилях. Одна из них даже имела несколько месяцев плотной ротации на "М-радио".

Хороший друг Елены Сергей Суворов (звукорежиссер певицы Ольги Арефьевой) порекомендовал ей двух музыкантов из Видного для создания группы. Так Никитаева

В основу репертуара были положены песни, записанные с Алексеем Медведевым, но вскоре группа начала работать над новым материалом и развивать собственный музыкальный стиль. На одной из репетиций, на базе, расположенной в подвале, родилось название "Партизанское радио", и уже через несколько месяцев группа Елены начала выступать с концертами в московских клубах. В это время в коллектив влился еще один участник — звукорежиссер Павел Корнеев, работавший раньше с певцом Найком Борзовым.

Зимой 2001 года группа становится лауреатом Московского областного рок-фестиваля "Хит-2001", где получает высокую оценку критиков. Отметив тексты и необычный, сильный вокал, критики не могли определить конкретный стиль музыки "Партизанского радио", заявляя о ней, как о "новом, интересном явлении", и отметили необычную женскую энергетику и эмоциональность голоса лидера "Партизанского радио".

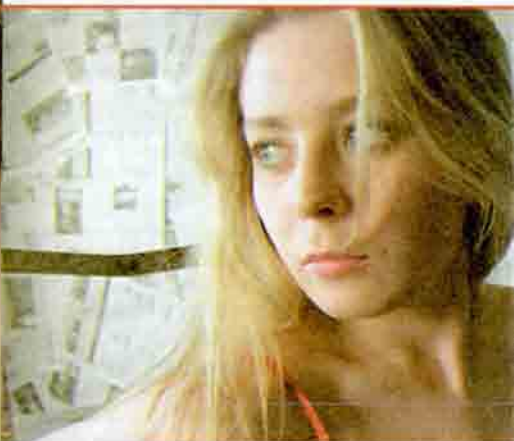

В марте 2002 года состоялась премьера фильма А. Балабанова "Война", где звучит песня "Партизанского радио" — "Холостые пули". А уже в апреле компания "Sony music" выпускает саундтрек к фильму "Война", куда "Партизанское радио" попадает на равных правах с уже признанными рок-группами "Сплин", "Би-2", Вячеславом Бутусовым и другими. Молодых исполнителей не могли не заметить: песня "Пистолет" вошла в сборник "Нашествие. Шаг 12". Делаящая первые шаги на большой сцене, группа была приглашена для участия в фестивале "Нашествие". В тот момент, когда машина "Газель" с музыкантами уже подъезжала к подмосковному Раменскому, Елена Никитаева неожиданно

Осенью 2003 года был снят малобюджетный, но полный режиссерских находок клип на песню "Мари" с нового альбома. Октябрьской ночью в Лосиноостровском парке, несмотря на холод, Елена четыре часа провела под поливальной машиной, дубль за дублем добиваясь правдивого образа "восставшей против мира одинокой девушки".

— Лена, помните свое первое выступление?

— Как-то нас на три года занесло в Санкт-Петербург. В Доме офицеров на Литейном проспекте проходил концерт для военных. Помню какое-то огромное количество офицеров в зале, и мы с папой выходим на сцену... Играл в две гитары, я пела и свои песни, и эмигрантские, из репертуара Вилли Токарева. После этого концерта меня пригласили на радио: было такое в Питере радио "Контакт" на средних волнах. Мы тогда жили в военном общежитии, и все мои подружки сбежали на кухню слушать эту программу. Правда, передавали по радио песню Токарева: "Вся Россия истоптана, сле-

принимает решение об отказе от участия в фестивале и распуске группы. После расставания с "Партизанским радио" Елена переименует всю свою творческую активность в студию. Там она готовит сольный диск под символическим названием "Феникс", который уже вышел и является своего рода отчетом за 10 лет творческой жизни.

зы льются рекой..." Я сильно переживала, что не мою песню поставили.

— А на личном "фронте" как обстояли дела?

— Наверно, из-за моего увлечения музыкой мальчишки-одноклассники стали обращать на меня внимание и влюблялись. Многие из них я научила играть на гитаре.

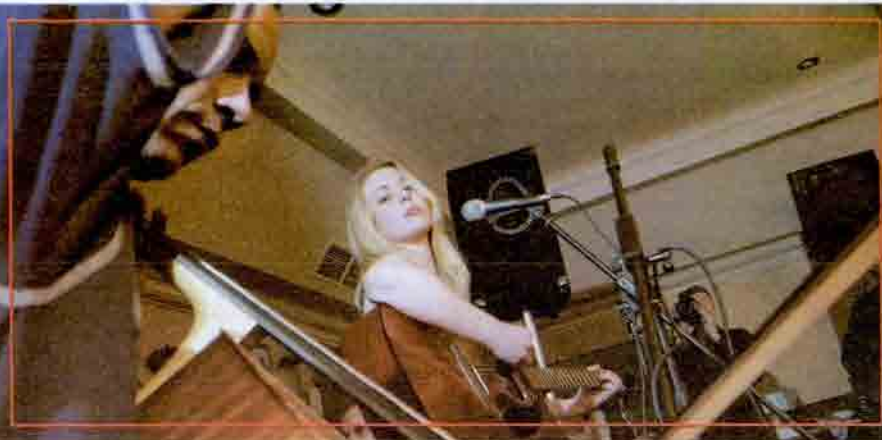
— Что вы чувствовали, когда начинали свой путь на большую сцену в составе группы "Партизанское радио"?

— Мы ощущали себя настоящими партизанами по отношению к "большому тактому" шоу-бизнесу.

— Как именно все происходило?

что сложнее и рискованнее, искать свою нишу?

— Для меня неприемлема имитация уже существующих образцов, погоня за модными тенденциями западной и отечественной музыки, копирование чужих находок, имеющих коммерческий успех. Я создаю собствен-

— Мы "разведывали", как этим занимаются другие, и сами экспериментировали с продвижением группы. Я вела свою рассылку в интернете: "как без денег раскрутиться альтернативной команде". Описывала удачу и провалы. Называлось все это — "Эксперимент "Партизанского радио"". Я ставила целью этого эксперимента опытным путем найти ответ на вопрос: может ли независимая группа стать популярной в нынешней ситуации? Слишком многие не верили, что такое возможно. Слишком много интересных музыкальных начинаний гибло из-за того, что их участники теряли веру хотя бы в возможность успеха. Мы прилагали все силы, чтобы на своем примере доказать — возможно! А также рассказать всем, кому это может помочь, о тех практических способах независимой раскрутки, которые мы находили и применяли в своей работе. Архив этого эксперимента до сих пор пользуется огромной популярностью.

— Чтобы вас заметили, какую дорогу выбрали: подражать, в хорошем смысле этого слова, известному исполнителю, или,

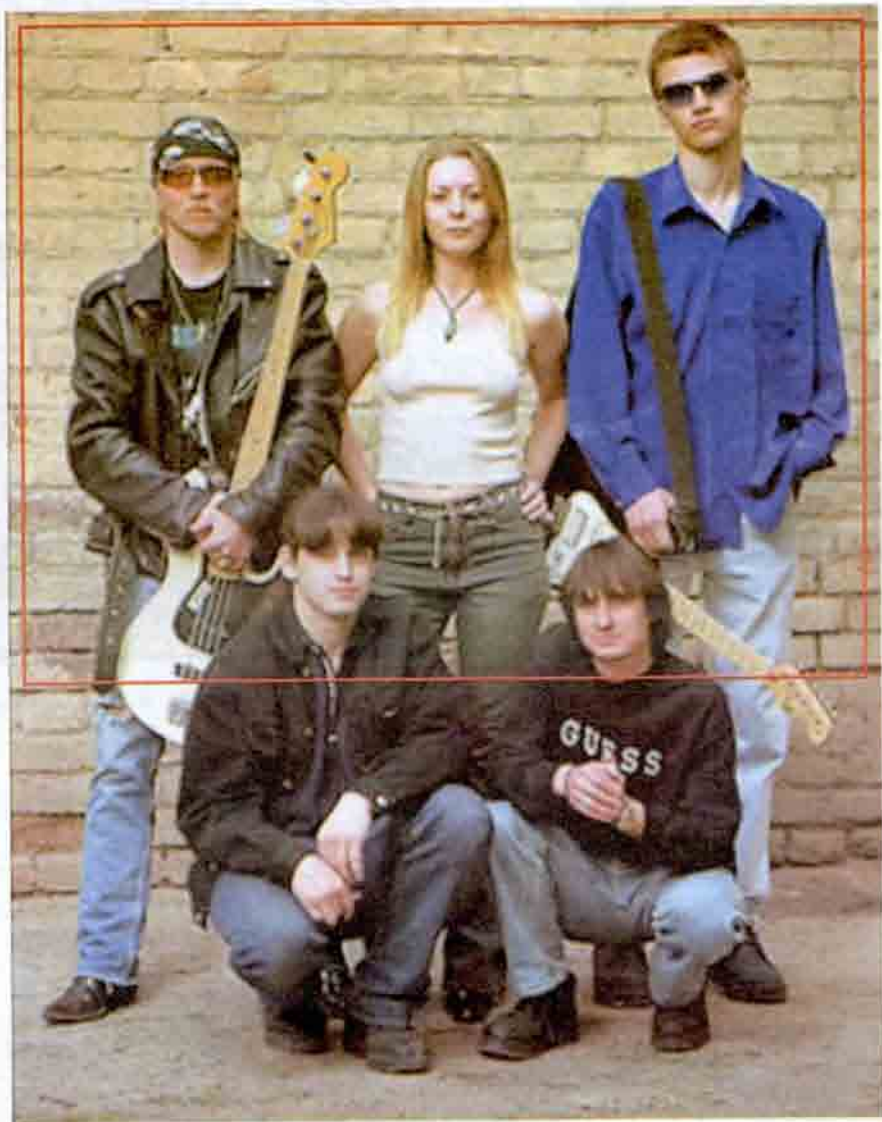
новый материал, в котором мелодия подчеркивается яркой динамикой аранжировок, а тексты песен стараюсь заполнить откровенностью до предела.

— В выбранном музыкальном направлении вы — белая ворона, или "свой в доску парень"?

— Сочетание двух понятий "женщина" и "рок-музыка" всегда вызывало добродушную усмешку. Подруги рок-музыкантов — это возможно. Вокалистки, исполняющие музыку, созданную коллегами-мужчинами, вполне допустимо. Примеры, когда женщины становились во главе собственных проектов, и уж тем более, когда эти проекты оказывались удачными, настолько редки, что их можно сосчитать по пальцам. Поэтому каждое появление на рок-сцене женщины воспринимается с повышенным интересом и подвергается жесточайшей критике.

Рок-н-рольное братство ищет подвоха во всем, что связано с рождением новой рок-н-рольной "звездочки".

— Чего хотите достичь? Ставите перед собой какие-нибудь задачи?

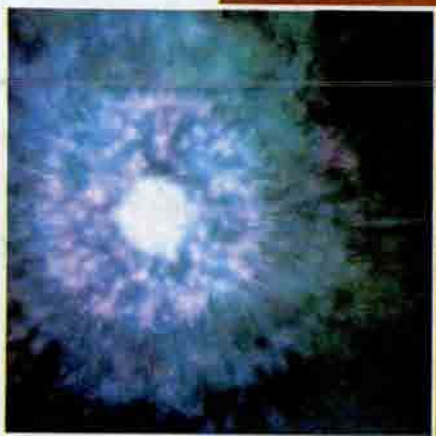
— Моя цель — не популярность (это мелкая цель), и не просто успех. Моя цель — донести до наибольшего количества людей то, что я чувствую. Может, это как-то поможет им, изменит их жизнь в лучшую сторону. А может, и в худшую — но обязательно изменит. Возможно, просто вдохновит на что-то.

— Какое место в вашей жизни занимает ваше творчество?

— Через песни я живу. Это мой воздух, это моя "трубочка", через которую я могу дышать. Оставаясь при этом собой. Вот и все.

Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ**.

Ма- лень- кая, круглая и светится

Факты Домыслы Реальность

Шаровая молния всегда являлась предметом общечеловеческих страхов, в основе которых лежит непонимание. Откуда она взялась? Если природа возникновения обычной молнии уже давно детально изучена, и сейчас уже никто не считает, что это проделки Зевса или Перуна, то здесь... Полнейшая неопределённость. Но нет, эта штукавина кроме того, что появляется Бог знает откуда, ещё и рушит всё на своём пути.

Долгое время ученые вообще не могли даже близко подобраться к раскрытию тайны, более того, они просто не знали, с какой стороны подходить. Им оставалось только фиксировать различные проявления этого феномена, а их было великое множество: то детишки во время грозы наблюдают средних размеров шар, летящий параллельно земле, то пассажир авиалайнера, попавшего в мощный фронт, наблюдает аналогичное явление, двигающееся в самолете в проходе между креслами и т.п. И только во второй половине XX века, когда человечество вплотную подошло к изучению плазмы, стало возможным исследование шаровой молнии.

Итак, шаровая молния, как правило, появляется во время грозы. С той только разницей, что обычная молния живет гораздо меньше. Представляет она из себя небольшой сгусток плазмы, образовавшийся во время обычного грозового разряда. Грубо это можно себе представить, устроив небольшой эксперимент. Из хорошо сдвливаемой ёмкости с отверстием нужно "выстрелить" воздух через небольшое кольцо. Для наглядности воздух лучше подкрасить дымом. Получится, что основная часть потока пройдет через кольцо, но по краям образуются небольшие вихри — при грозе это и будут наши шаровые молнии.

Всё, конечно, очень приблизительно, физика процесса намного сложнее, причём на столько, что её толком не могут воссоздать в специализированных НИИ. Ясно одно: шаровая молния — сгусток энергии, которая рано или поздно должна найти себе выход. И случается это обычно при столкновении с каким-нибудь предметом.

Вся соль в том, что при разрушении шаровой молнии её энергия высвобождается

разом за сотые доли секунды — получается мощный электрический разряд. А, как известно, все живые существа из-за своей влагонасыщенности являются прекрасными проводниками. И если молния решит взорваться рядом с человеком — последнему не поздоровится.

Кроме этого, при разрушении шаровой молнии выделяется и тепловая энергия. Ведь это всё-таки плазма, пусть и в специфическом виде. Пока молния находится в состоянии покоя, тепла она не выделяет, а если уж нет... шархнет, так шархнет.

Но иногда и этих объяснений не достаточно. Случается, что разрушения бывают настолько мощными, что ни плазмой, ни высокой температурой, ни даже электрическим разрядом не отделаешься. Но учёные и здесь не ударят в грязь лицом. Они утверждают, что, при определённых обстоятельствах, при разрушении шаровой молнии могут происходить процессы ядерного распада. Этакая мини-атомная бомба.

Впрочем, одного у шаровой молнии не отнять при всём желании — красоту. Как бы

ни была опасна встреча с ней, какими бы разрушениями она ни грозила, всё-таки она прекрасна. Все очевидцы в один голос говорят о невероятно насыщенном свечении. Прагматичные ученые объясняют это тем, что в состав плазмы молнии входят возбужденные молекулы различных элементов таблицы Менделеева. Так, например, кислород даёт зелёное и красное свечение, азот — темно-красное, синее и фиолетовое.

Но даже такие объяснения возникновения этого опасного и вместе с тем красивого природного явления находятся всего лишь в области гипотез. Ясно одно, повстречавшись с шаровой молнией, будьте предельно осторожны. Она по плотности не отличается от воздуха, поэтому может перемещаться на довольно большие расстояния, подхватываемая ветром. По свидетельствам очевидцев, может проходить через некоторые препятствия... Во всяком случае, при встрече с ней ведите себя максимально спокойно и постарайтесь, не делая резких движений, удалиться от взрывоопасной красавицы на максимально возможное расстояние. ■

Максим БАШКЕЕВ

Игрушки для взрослых

**Мальчишки
не взрослеют
никогда,
просто с возрастом
их игрушки
становятся
только дороже...**

Сегодня мы расскажем вам о хобби, граничащем с профессиональным спортом — о радиоуправляемых моделях. Но не о китайском ширпотребе, питающемся энергией пальчиковых батареек, а о "спортивных" машинах, под капотами которых вполне реальные двигатели внутреннего сгорания.

Сначала о размерах. Модели выполняются в масштабе 1:8 или 1:10 от своего прототипа, что в пересчёте на абсолютные единицы даёт до полуметра в длину и сантиметров тридцать в ширину. Вес же обычно не превышает пяти килограммов. Но, как пелось в известной песне "не думай о секундах...", в том смысле, что в миниатюр-

ных размерах этих машинок и заключена вся серьёзность.

Самая простая деталь модели — пластиковый кузов. Выполнен он единым целым и крепится к шасси автомобиля. Что в это шасси входит?

Двигатель, одноцилиндровый, двухтактный. По конструкции мало отличается от своих "взрослых" собратьев — те же гильзы, поршни и коленвал — зато размер — меньше спичечного коробка! "Гражданские" версии выдают 1-2 лошадиные силы, а заряженные версии для гонок и все 5 лошадей! Вдумайтесь, что такое пять лошадиных сил для автомобильчика весом в несколько килограммов. К примеру, вполне

полноразмерный карт лишь не намного мощнее, а ведь он еще и человека везёт. Неудивительно, что миниатюрные автомобили набирают сто километров в час всего за несколько секунд. Но за предельные скорости приходится расплачиваться ресурсом, ведь для получения таких феноменальных показателей мощности движок вынужден работать при 40 тысячах оборотах в минуту! У "Формулы-1" — в два раза меньше. Редкий мотор выдерживает больше 50 часов в гоночном режиме. Цены? 150 — 180 американских денег за обычный и до 700 — за спортивный мотор.

Трансмиссия — почти всегда полноприводная.

Подвеска. Все, как у взрослых, пружины, амортизаторы, ШРУСы и т.д. Как правило, все элементы подлежат настройке, вплоть до того, что на машинке регулируется сход-развал.

Колёса подчиняются принципу целесообразности. То есть, где их собираются применять: на асфальтовой ли трассе, на гравийном спецучастке, или же в местах, где не ступала нога. Отсюда и размеры, и рисунок протектора. Диски, как правило, легкосплавные — продиктовано стремлением к снижению веса. Колёса накачивать не нужно, вместо традиционных резиновых камер, здесь установлен обычный поролон.

Работает это чудо техники отнюдь не на бензине, а на "адской" смеси из метанола, масла и нитрометана. Стоит этот коктейль до 50 вечхозелёных за 3 литра. Но, учитывая скромные размеры и аппетиты моторчиков, на сезон обычно хватает и половины этого объёма.

Существует также первоначальное деление на чисто гоночные машины, стезя которых — исключительно асфальт, причём ровный, на багги, которые могут при случае и по бездорожью прохватить, и, наконец,

внедорожники — этим уже и море по колено и сам чёрт не брат. Автомобильчики не боятся трамплинов, а падение с полуметровой высоты и вовсе останется незамеченным. Но если всё же что-то стряслось, то ремонтпригодность — на высоте. Все детали доступны в специализированных магазинах, а в крепеже нет никаких откровений — всё предельно понятно.

Цены на сами машинки начинаются с 14 тысяч рублей. За эти деньги вы получаете самую простую модель, которую в дальнейшем можно тюнинговать. Предела совершенству нет, и зачастую получается так, что стоимость переделок в разы перекрывает сумму, затраченную на приобретение самого автомобильчика.

Техника безопасности довольно проста — главное — не испытывать колёсную технику у себя в квартире — слишком велик риск покалечить или мебель, или машину, или себя. Скорости-то нешуточные. Любимый двор тоже не подходит, готов поспорить, что вокруг вас сразу вырастет толпа любопытных, и дальнейшие заезды станут просто невозможными. К тому же никто не застрахован от ошибки в управлении. Ду-

маю, никому не понравится, когда ему в ногу влетит на скорости под сто вёрст машина, пусть и игрушечная, благо металлических деталей в ней предостаточно. Ну и, наконец, ваша четырёхколёсная покупка может просто-напросто попасть под колёса машины, да не миниатюрной, как ваша, а вполне обычной, полноразмерной, и ремонта тогда уж точно не избежать. Посему, самое лучшее место для "покатушек" — загород, и, желательно, малонаселённый. Где регулярно проводятся различные соревнования, о регламенте которых и местах проведения без труда можно узнать, недолго покопавшись в интернете.

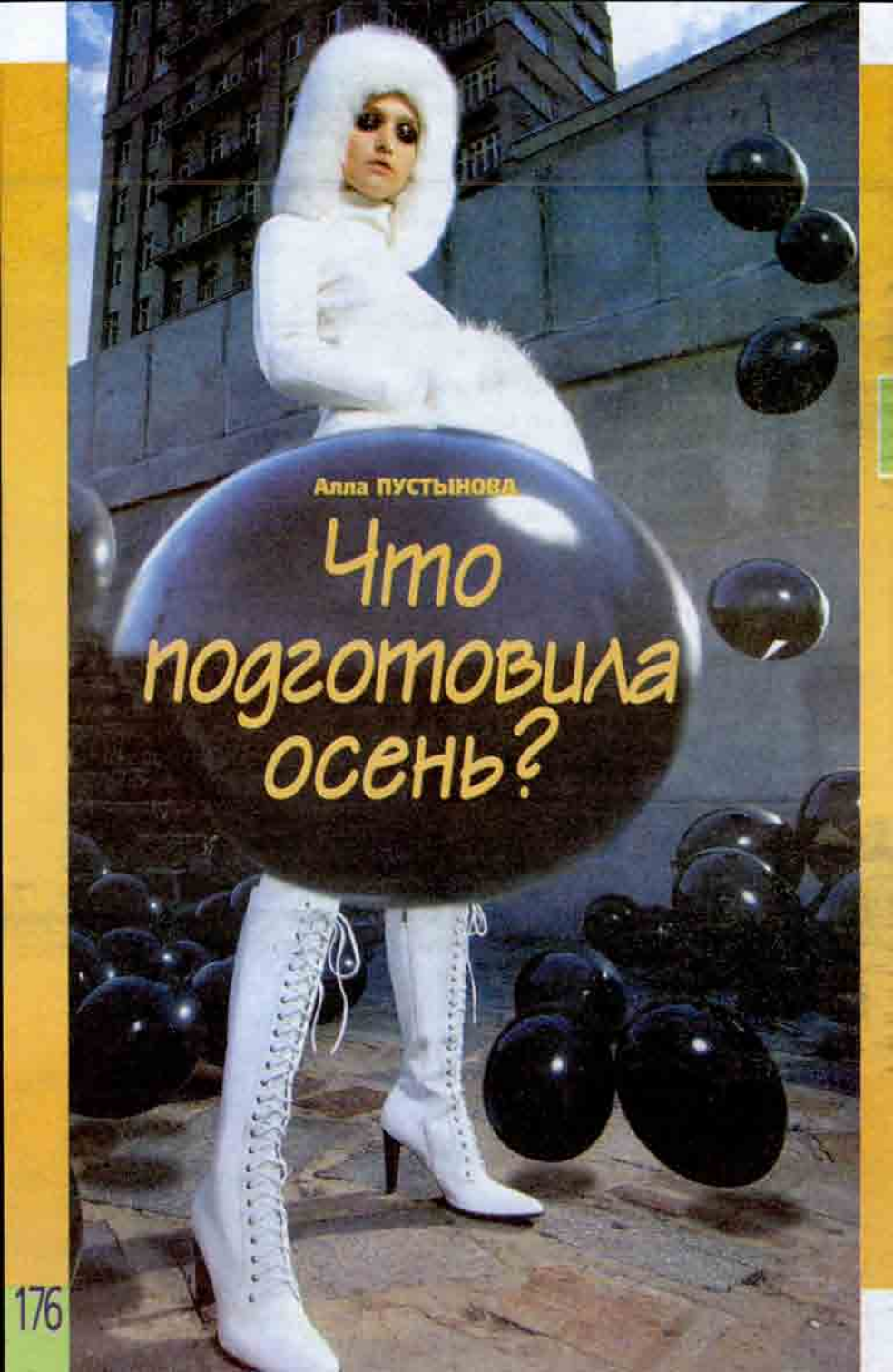
Не асфальтом единым

Ежели вас тяготит бrenная земля и душа рвётся к небу и солнцу, ваш выбор — самолёты и вертолёты. Конструктивно и в управлении они несколько сложнее, чем их четырёхколёсные собратья. К примеру, у самолётов самый сложный элемент — это посадка. Бывалые люди рекомендуют месяцчишко потренироваться на компьютерном тренажере, прежде чем приступать к реальным полётам. Ведь скорость вашего са-

молёта вполне взрослая, к тому же фигуры высшего пилотажа ему тоже по плечу, а взлётно-посадочная полоса маленькая, всего несколько метров, и любой порыв ветра может сбить вашего крылатого питомца с пути истинного. А разбить дорогую вещь в первом же полёте, согласитесь, неприятно. Поэтому, чтобы свести риск к минимуму, вся крылато-лопостная техника проходит полную общую проверку.

Не хотите летать, можно плавать. Называться вы тогда будете судомоделистом. И пути у вас два: или копировать исторические прототипы с документальной точностью, или строить катера и яхты для участия в соревнованиях. Если первый вариант предполагает кропотливую работу в архивах, поиск чертежей, месяцы упорного труда при создании копии, например, фрегата XIX века, то во втором варианте вполне достаточно, если ваше детище будет плавать самостоятельно, на парусной или моторной тяге. Самое главное — чтобы модель обладала достаточными мореходными качествами и не тонула от малейшего ветерка. Ведь бури случаются и в стакане воды. ■

A woman in a white fur coat and boots is the central figure, holding a large black balloon. The balloon contains the text 'Алла ПУСТЫНОВА' and 'Что подготовила осень?'. The background shows a building and several other black balloons.

Алла ПУСТЫНОВА

Что
подготовила
осень?

“Осень наступила, высохли цветы...”, но летние цвета продолжают будоражить души модельеров. Некоторым полюбили вид разбитых локтей и коленок, замазанных зеленой. Поэтому крутым модникам предлагается, если они, конечно, разделяют интерес к этой краске, позаботиться о шапочках, шарфах, перчатках, сумках, а может, и о пальто и куртках цвета “вырви глаз”. Но, пожалуйста, не надевайте все сразу, одежда отдельно, аксессуары — отдельно.

А тем, кому зеленка успела надоесть еще летом, наша весьма демократичная мода предлагает достаточно широкую цветовую гамму: приглушенные пастельные, агрессивные бордовый, красный, лиловый, уважаемые темно-синий, шоколадный. А, впрочем, все это ерунда — носите то, что нравится, и, главное, что больше всего

вам к лицу. В этом и заключается ваша “изюминка”.

Да и вообще, мода продолжает оставаться очень демократичной, тем более, как все в природе, она периодически повторяется.

Стиль “унисекс” почти сдал свои позиции. И все модельеры согласились — женщина должна во все времена оставаться женщиной. Так что, возможно, XXI век, как и XIX, будет вспоминаться как время изящества и женственности. Поэтому спокойно выбирайте себе образ романтической “тургеневской барышни”, а это предполагает юбку ниже колена, хотя и слегка надоевшие макси подходят сюда тоже. Очень современно и не нарушая выбранного стиля смотрятся водолазки. Кашемировые жакеты, свитера и шарфы, спокойные классические пальто неярких расцветок тоже подойдут. Но, пожалуйста, не скромни-

чайте так уж: яркие детали просто необходимы, а то вас просто никто не заметит и не оценит. Поэтому купите сумку, перчатки, украшения поярче, какие-нибудь крупные цветы на блузку или разноцветные брошки.

Смелым девушкам, любящим быть в центре внимания, можно носить все: брюки с заниженной талией, да и голые животики продолжают оставаться в моде, хотя и не так актуальны. Но если вам пока еще не холодно, что ж — носите. Кроме того, в моду во-

шли стрелки на брюках. Вам нравятся полупрозрачные кофточки, глубокие декольте? Опять же, если не боитесь замерзнуть. В таком случае, можно дополнить ансамбль шарфом или пончо. Кстати, сейчас в моду вернулась клетка. Поэтому можно к клетчатой юбке те же пончо или шарф сделать из точно такого же материала. Прием называется "связь по пятну", и сейчас он очень моден.

Кроме того, актуальны комплекты. Это не обычные костюмы, а, скажем, жакет и

брюки или юбка должны быть не из одинаковой ткани, а из тканей-"компаньонов", то есть из разных материалов, но сочетающихся по цвету и хорошо друг с другом гармонирующих. Например, жакет из ткани, перекликающейся с одним из цветов клетчатой юбки.

В этом сезоне актуальна асимметрия; жакеты и блузки с асимметричным воротником и юбки с неровными краями. Под жакет более модно надевать не привычные блузки из

шелка или вискозы, а трикотаж. Согласитесь, более чем удобно для нашей осени и зимы.

И вот еще что не забудьте: воротник белой блузки или рубашки, как в 70-е годы, модно носить поверх воротника жакета. Так же хорошо смотрятся и торчащие манжеты блузки из-под рукавов. Кстати, обратили внимание на слово "жакет"? Вот-вот, простые пиджаки и деловые брючные костюмы уже не в моде. Но если с любимым пиджачком расставаться не хочется, сделайте вот что: притальте его, рукава укоротите на три четверти, украсьте все заплатками и разнообразными значками. Только не надевайте к нему классические брюки, самый потрясающий эффект — с джинсами.

Вообще, сейчас среди модных деталей — бесформенные кожаные сумки, ридикюли, разнообразные ремни, пояса, которые создают прилегающий эффект, и еще стоит обратить внимание на узенькие галстуки, их можно носить не только мужчинам, но и женщинам.

Поклонникам активного образа жизни рекомендуется не отказываться от спортивного стиля. Разнообразные пуховики и стеганые полупальтишки теперь украшают стразами и вышивкой. Не перепутайте, это только для женской одежды. Никакого унисекса, как договорились! Мужчины одеваются спортивно и строго. Для них есть одно отступление: выделяющиеся лампасы на брюках.

И естественно, особое внимание к спортивной обуви. Сникерсы и кроссовки продолжают оставаться на гребне моды, а высокие кеды со шнуровкой — ну это просто что-то!

Продолжим обувную тему. Сапоги на высоких и устойчивых каблуках — вот что носит следящая за модой девушка. Правда, до первого льда. Тогда на наших российских улицах лучше носить что-нибудь поуличивей. Ну вы же понимаете, ноги жалко! Цвета высоких сапог самые разнообразные, те, кто посмелее, можете предпочесть серебро и красное. Только помните, рыночные подделки сразу выдадут их низкую стоимость и отсутствие шика. Вам это надо? Лучше не пожалейте денег и купите что-нибудь качественное.

Специалисты создают отдельно вещи для "жертв моды", той категории модников, которые полностью или хотя бы наполовину меняют свои гардеробы каждый сезон. Для них-то и придумываются всякие новомодные навороты. А то на каждом модном показе постоянно слышатся вопросы типа "кто это будет носить"? Ну вот и есть кому радостно натянуть, допустим, вычурные "брюки для верховой езды", хотя к лошади в жизни модники никогда не подойдут. Именно на "жертве моды" можно увидеть в реальности точное такое же платье или блузку, которые показывали на подиумах во время демонстрации прет-а-порте. Есть у нас именитые магазинчики, куда эти модели специально отпра-

влются после показа, и где почти все ориентировано на публику от 18 до 25.

На эту осень рекомендуют: кожаные штаны и пиджаки для мужчин, вельвет и замшу для всех, высокие сапоги, элементы одежды "милитари" опять же для мужчин, ультракороткие мини-юбки, свитера крупной вязки, береты и кепки для женщин.

Но при всем при том всячески подчеркивается, что нет одного-единственного стиля в современной одежде. Все можно смешивать. Старые вещи хороши вместе с современными. Классика соединяется с молодежной и городской модой. Юбки-трапеции, изысканная кружевная блузка, трикотажная майка, леггинсы снова вернулись, не только черные, но разноцветные, с люрексом, платья 80-х годов с воротником-стойкой, "космические" украшения из металла, стилизованные под военную форму плащ-тренчи. Словом, в моде настоящий коктейль из времен, стилей, силуэтов, рисунков. Можно совместить несовместимое и оказаться на самой высокой точке моды. А самый писк сезона — вещи, сделанные вручную, так называемый hand-made, то, от чего мы в прошлые годы презрительно отворачивались. Свитера, жилеты крупной вязки, длинные шарфы, шапки, связанные на спицах и крючком, вязанные сумки и варежки. Модницы и модники, без этого вы точно не проживете! Так что, вперед, дерзайте, заодно учитесь вязать. ■

Пирог от статуи Свободы

■ Что-то мы с вами, господа хорошие, все по европейским кухням гостим, не пора ли в Новый Свет наведаться? Великий континент, открытый сеньором Колумбом и подаривший нам “Унесенных ветром”, “Кока-Колу” и мировую валюту нежно-зеленого цвета... А что же у нас в Америке с кулинарией? Задай мне этот вопрос несколько лет назад, с уверенностью бы ответила: гамбургеры. И чизбургеры. Ну, может, хот-доги еще. С тех пор мои познания в кулинарии несколько расширились, так что могу достоверно сообщить — благодаря аборигенам (то есть индейцам) мы наслаждаемся шоколадом и можем каждый день готовить любимую картошечку и поглощать томаты. Хотя, ради справедливости надо сказать, что в приготовлении чего-либо, в изобретении рецептов американцы не сильны, они — продуктоткрыватели. В современной Америке стряпать вообще не любят, скорее, предпочтут купить что-то готовое в магазине. Однако еще в те незапамятные времена, когда в Нью-Йорке не было небоскребов и ста-

туи Свободы, а Франклина видели живьем, а не на столларовых банкнотах, американцы готовили! И традиционные американские блюда все-таки есть. Рецепт одним из них я сегодня и поделюсь.

Готовить будем торт! Название этого торта звучит на всех языках мира одинаково. Американцы вообще — страшные космополиты, принимают у себя всех, но и их культура расплывается по миру в практически неадаптированном виде. Торт называется “Чизкейк”. В дословном переводе, как сами понимаете, сырный торт. Но если вы думаете потерять туда кусочек “Российского”, “Костромского” или “Пармезана”, то остановитесь, пока не поздно! Потому что американцы — вот чудной народ — называют сыром то, что мы называем творогом. Правда, не совсем в том виде, в каком мы привыкли. Но об этом чуть позже.

Наверняка вы пробовали чизкейк в кофейне или ресторане. Среди сладкоежек (к коим я себя причисляю) есть такая примета — пришел в новое место, заказывай чизкейк. Ес-

ли он вкусный — место хорошее, а если не умеют его готовить — пищи пропало, лучше сюда больше не ходить.

Настоящий чизкейк должен быть нежным, как майская ночь, и свежим, как морской бриз. И, как ни странно, добиться этого можно в домашних условиях. Уж простите за саморекламу, но все, кто пробовал Чизкейк по тому рецепту, который я вам предлагаю, заявляли, что он лучше, чем во всех московских кофейнях. А уж дешевле насколько! Главное, не напортачить за продуктами и следовать технологии выпечки.

Когда и в каком конкретно месте зародился чизкейк, доподлинно не известно. И какой американской хозяйке надо поставить памятник в золоте от сладкоежек, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Тем более что рецептов чизкейка — огромное количество, в каждом штате есть свои секреты его выпекания, особенности оформления и скорость поедания. Судите хотя бы по названиям: чизкейк "Нью-Йорк", чизкейк "Филадельфия"... Кстати, "Филадельфия" — не только название торта, но и того самого творога, из которого его делают. Ах да, еще это название города, где была принята американская Декларация о независимости. Но вернемся к творогу. Ох, сколько дискуссий разгоралось и разгорается из-за него на кулинарных сайтах всяя Руси! "Где купить? Чем заменить? Что с ним делать?!" И далее в духе "спасите-помогите!" Где купить, рассказывать не буду, сейчас на нашем демократическом просторстве "Филадельфия" есть почти везде. Но если цивилизация вас не коснулась или, по-русски говоря, давит жаба (вещица недешевая), то могу вас успокоить — все вполне заменяемо. Например, заменить можно нежирным гомогенным творогом (хотя настоящая "Филадельфия" довольно-таки жирный продукт, замена на вкус не влияет, только полезнее становится) или творожным крем-сыром, который у нас сейчас продается в изобилии... Уф, самое сложное позади, ведь главное — понять, из чего это американское чудо готовится. Теперь, собственно, к рецепту.

Торт состоит из основы и начинки. Для начала приготовим основу. Возьмем самое обычное сухое печенье без всяких добавок. Его нужно измельчить в комбайне или про-

крутить через мясорубку. В результате должна получиться крошка из печенья. Ее нужно две чашки. Остатки можно съесть без зазрения совести, рекомендуя с чаем. Теперь эту крошку высыпаете в большую миску, добавляете половину чайной ложки корицы, перемешиваете и вливаем туда половину чашки растопленного сливочного масла. Ну что поделаешь — эти американцы почему-то пишут рецепты в чашках, а не в граммах, так что претензии не ко мне. Все это дело перемешиваем, чтобы масло равномерно распределилось. Берем разъемную форму для выпечки диаметром 26 см, смазываем дно и бока маслом и получившуюся крошку туда утрамбовываем, чтобы покрыты были дно и бортики. Ставим в холодильник на полчаса.

Пока оно там грустит в одиночестве, займемся начинкой. Берем 450 гр. того самого сыра-творога, начинаем взбивать миксером на низкой скорости, постепенно всыпая 1 чашку сахара. Затем по одному, не прекращая взбивать, добавляем 3 яйца, теперь щепотка ванили, цедра, отобранная у одного лимона (бедняга, он теперь лысый) и, в последнюю очередь, 450 гр. сметаны — родной, отечественной, жирностью не меньше 20 процентов. Все взбить до гладкости, но не очень долго.

Достаем из холодильника нашу основу, выливаем на нее начинку. А теперь — внимание, еще один не очень простой момент. Форму с тортом надо поставить в емкость побольше, наполненную до середины формы с тортом горячей водой. Но поскольку форма разъемная, а вы не хотите есть мокрый чизкейк, форму надо обернуть фольгой, лучше в два слоя.

Выпекать в предварительно разогретой до 165 градусов духовке ровно 50 минут, потом духовку выключить и оставить там торт еще на час. После чего достать, накрыть пленкой, чтобы не было корочки, и поставить в холодильник как минимум на 4 часа. Чизкейк едят холодным!!!

Можете подключить фантазию и украсить торт фруктами, шоколадом, какими-нибудь фигурками, но не переборщите, самый вкусный чизкейк — абсолютно чистый, без всяких добавок, plain — как говорят янки.

Have a nice meal!

Пишите Анке!

"Смена", а "Смена"! У вас в редакции, что, девчонки тон задают? Кулинария, мода, интервьюшки всякие сопливенькие со звездами. Только вот "Шагом марш" да статьи о компьютерах всегда радовали глаз и ум. Все у вас что-то просят, вот и я решил не отставать. Прошу: напишите что-нибудь про машины или мотоциклы. Столько выставок проходит в Москве. Столько различных автомобильных шоу. Можно, конечно, почитать "Авторевю" или "Клаксон", но что-то меня от них сильно отталкивает. А тут раз уж в "Смену" иногда заглядываю, у сестры беру, так почему бы заодно не пометчать, что и вы когда-нибудь напечатаете про машины. Вы, если предложение мое на заметку возьмете, главное — фотографий побольше давайте — это всегда интересно. Красивый автомобиль или мотоцикл привлекают внимание. Да, чуть не забыл: статья про яхты очень даже ничего.

Даниил, Подольск

Спасибо, Даниил, только сдаётся мне, что не очень-то часто вы берёте "СМЕНУ" у вашей сестры, поскольку, авто-мото тематику мы никогда не оставляем без внимания (см. №6 2004, №9 2004, №2 2005, №6 2005), вот и в этом номере вас ждёт кое-что интересное.

Здравствуй "Смена"! Спешим поделиться с тобой новостью — мы теперь работаем на ферме. Это не шутка и не прикол, а самая правдивая правда. Мы два года назад закончили институт в славном городе Рязани. Городок этот довольно скучный, работу найти можно, но она, как правило, тоже скучная. Покорение Москвы мы по финансовым причинам решили отложить и поехали к бывшей одногруппнице в деревню отдохнуть. Ее родители десять лет назад решили расширить свое хозяйство, и теперь у них собственная

небольшая ферма, поэтому молока, мяса, яиц, картошки и вообще овощей мы наелись за лето вдоволь. Когда пришла пора уезжать, мы все, естественно, застонали, как нам не хочется возвращаться в Рязань, как там безрадостно и так далее. Ну, подружкины родители в шутку предложили нам остаться, поработать у них — тут, мол, воздух свежий, работы полно — не заскучаешь. Мы в деликатно-шутливой форме отказались и укатили в город. Еще один год прокатился по большей части безрадостно. Некоторым из нашей группы все же удалось уехать в Москву на "заработки". Остальные же продолжали чахнуть на нелюбимых работах до лета. И тут снова подвернулся случай съездить в ту же деревню. Стоит ли говорить, с какой радостью мы в количестве семи человек туда рванули. Солнце, речка, коровы — благодать! Увидев, как нам тут хорошо, родители снова предложили остаться у них и поработать, только это уже было серьезное предложение. Мы посоветовались, поговорили со своими родителями и пятеро из нас решили остаться и тоже стать фермерами. Пока что мы не жалеем. В крайнем случае, в Рязань вернуться всегда успеем.

И вообще, огромное количество земли пропадает — деревни-то вымирают. А сколько можно было бы вырастить на этих заброшенных полях. Так что, кому надоел город, попробуйте себя в животноводстве и овощеводстве — приезжайте к нам в Куплю.

Группа прогрессивной молодежи

Здравствуй! Хочу сказать, что кулинарная рубрика у вас разнообразна, очень вкусна, но несколько непрактична. Готовить долго, и не у всех хватит терпения и умения. Что уж говорить о том, что бытовые условия могут не позволить развернуться. Это я о похо-

дах. Несмотря на то, что основное походное время уже позади, впереди еще вся осень. Тушенка с макаронами и гречневой кашей уже поперек горла стоят — хочется приготовить что-то поразнообразнее. Могу подкинуть несколько рецептов. Начнем с первого. Суп гороховый, летний. Очень просто, но от этого не менее вкусно. В кипящую в котелке воду бросаете картошку, а затем морковь. После того, как все это немного поварилось, добавляете банку гороха в собственном соку (вместе с соком, но без банки). Далее кладете незабвенную тушенку. Те, кому она опостылела, могут порезать туда сосисок. На второе — рисовая каша с фруктами. Это еще проще. Варите рис. За несколько минут до готовности мелко режете яблоки, засыпаете изюм и нарезанную курагу. Перемешиваете. Ну и на третье — ароматный чай. В кипящую воду засыпается черный, зеленый чай и немного кардама. Хорошо, если поблизости растет еще и чебрец, хотя его можно при желании купить в сухом виде в любой аптеке. Стоит и мяты добавить. Пусть это все покипит минут десять, и потом можно разливать по чашкам.

Анна, Санкт-Петербург

Привет, Анка! Письмо мое не особенно радостное, скорее даже очень скорбное и грустное. Но, возможно, для кого-то моя история станет поучительной. Речь пойдет о наркотиках. Банально? Да, но никуда от этого не деться. Это не пустые слова, а личный опыт. Мой лучший друг не хочет со мной общаться из-за того, что я не наркоман.

Началась история несколько лет назад, если быть точным, лет пять как. Мы тогда только закончили школу и поступили у себя в Смоленске в институт. Мой друг всегда

был очень общительным человеком. Прекрасный рассказчик, замечательный музыкант и художник — в общем, жизнь богато наградила его всяческими талантами. Он привык, что вокруг него всегда много девушек, институтская компания не стала исключением. Но была у нас в группе девчонка, скромная такая, тихая, несколько странненькая, да и внешне не очень. Она даже не здоровалась с ним, как будто не замечала вовсе. Он решил исправить это и... влюбился. Водил ее везде, цветы покупал, как полагается, подарки всякие. Но однажды она и говорит, что сомневается в его любви. Он, естественно, пытается выяснить, что должен сделать, чтобы она поверила. Даже женитьбу предлагал. Она говорит, замуж рановато. И рассказывает о том, что сидит на героине, и вот если бы он составил ей компанию, ее бы не так мучила совесть за то, что она делает, все-таки любимый рядом, значит не так все страшно. Вот тут-то любовь и доказала, что злее нее ничего на свете нет: он начал колотиться вместе с ней.

Никакие мои уговоры и доводы на него не действуют. Родителям он ничего не говорит. С деньгами у него проблем нет, все-таки работает худо-бедно. Но разве дело в деньгах? Ума не приложу, что делать, особенно теперь, когда мы окончательно рассорились. Но совета не прошу, потому что и так советчиков вокруг много, а толку никакого. Я лишь хочу, чтобы читатели "Смены", мои ровесники, читая это письмо, пообещали себе никогда не попадаться на наркотическую удочку, кто бы ни предлагал. И пусть об этом говорили уже тысячу раз — значит, я сказал в тысяча первый.

Максим, Смоленск

Письма читала Заслуженный
Почтарь России — Анка Самоцётчица.

Пишите Анке!

МЕДОВЫЕ МЕСЯЧНИКИ комедия

Режиссер: Джон Шульц
 Длительность: Полтора часа или одно из двух
 Производитель: Paramount Pictures, 2005, USA
 В главных ролях: : Седрик Эстрадник, Майк Эппс, Реджайна Холл и другие.

Что требуется для съемок фильма? Хороший сценарий да дядя с большим кошельком, а все остальное приложится. Качество же продукта значения не имеет — реклама сделает свое и он себя окупит. Перед нами очередная шаблонная комедия. Несколько шуток, вызывающих улыбку, другие же воспринимаются равнодушно. "Мечта большая, но замысел больше" — под таким незамысловатым лозунгом выступает этот фильм. В результате, вышла легкая картина, которую стоит посмотреть просто из интереса или чтобы при случае ответить на вопрос: "А ты смотрел?" "А как же!" Вряд ли через час вы вспомните об увиденных приключениях героев. Несомненно, легкие комедии нужны, иначе не с чем было бы сравнивать...

ПРИЕХАЛИ? комедия

Режиссер: Брайан Левант
 Длительность: 95 мин.
 Производитель: Святое дерево (Hollywood), 2005, USA
 В главных ролях: Американцы

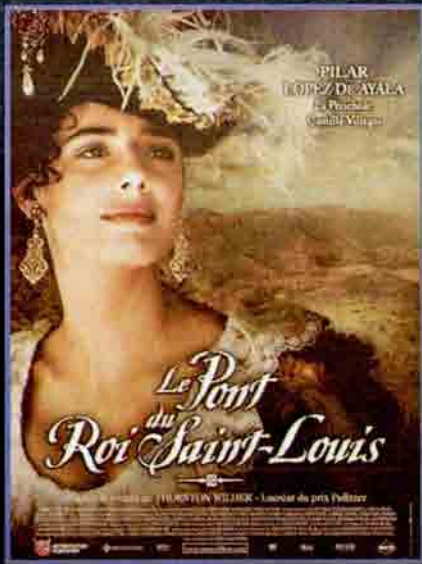
Всем известна страсть американцев к путешествиям, да и просто к поездкам — вот и фильмы на ту же тему снимают сотнями. Хочется же показать все, что может произойти во время пути. Не будет удивительно, если название картины навеяно словами осла из "Шрека-2", когда герои ехали в "Далеко-далекое королевство". 24 часа, 350 миль, дети подруги — что может случиться? Ответить на этот вопрос вы сможете после просмотра этой замечательной семейной комедии. Все начинается с того, что конченный хостяк соглашается на свою голову довести детей своей бывшей подруги до другого города. Хороший фильм, веселые ситуации, милые герои — что еще нужно, чтобы хорошо провести время с семьей вечером за просмотром...

ГОРОД ГРЕХОВ боевик, триллер

Режиссеры: Квентин Тарантино, Роберт Родригез, Фрэнк Миллер
Длительность: 124 мин.
Производитель: Ну очень известная фирма, 2005, USA
В главных ролях: Брюс Уиллис и К^О

Экранизация книги всегда проигрывает оригиналу, но бывают исключения: к примеру, фильм по мотивам романов в картинках Френка Миллера, о котором стоит рассказать. Перед нами возникает страшный город Син-Сити, погрязший в преступлениях. Купленная полиция, по улицам опасно ходить даже днем — на этом фоне и развиваются основные события. Один из героев пытается отомстить убийце своей возлюбленной и никак иначе, как банально убить его. Второй герой, фотограф, совершенно случайно лишает жизни полицейского и всячески стремится это скрыть. Построение сюжета впечатляет, невозможно предсказать поведение того или иного героя, ведь один из режиссеров — Тарантино, как никак...

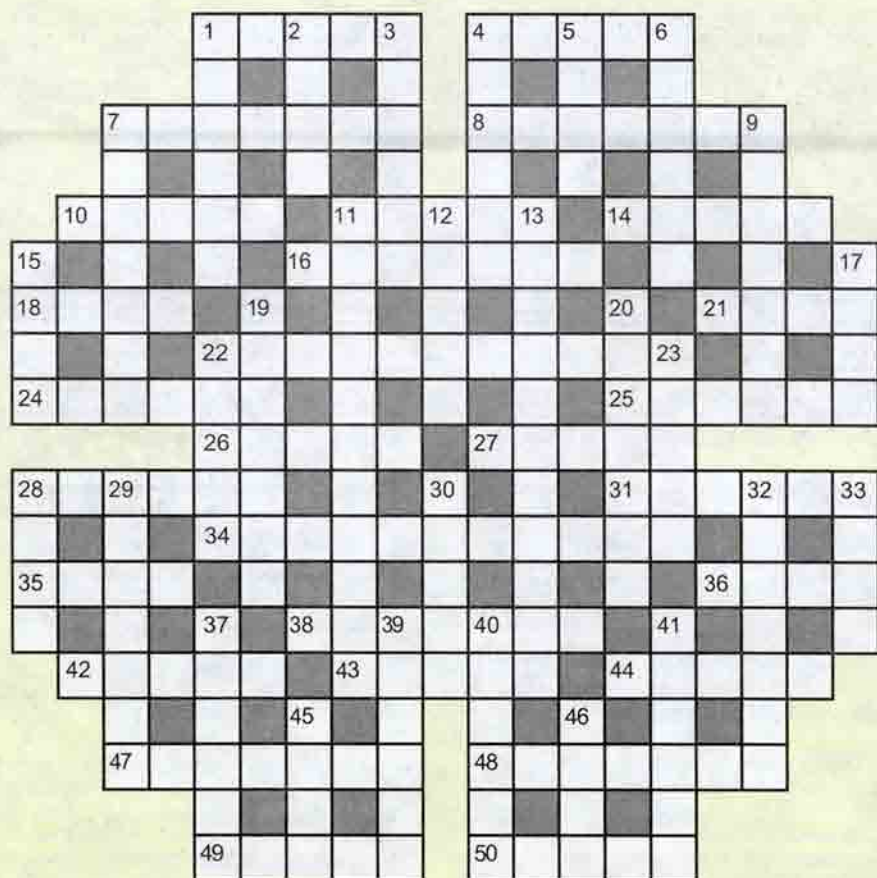

МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО исторический фильм

Режиссер: Мэри МакГуиан
Длительность: С рекламой или без?
Производитель: Где-то в Европе, 2004, Франция, Великобритания, Испания
В главных ролях: Известные актеры.

В 1714 году в Перу развалился самый красивый мост. Произошло это в пятницу, но не 13, а 20, и даже не в полнолуние, а в обычный полдень. Но, как говорится, все это неспроста, во всяком случае, так считает случайный свидетель монах францисканец. Мало того, что мост рухнул, так еще и четырех человек с собой утащил — нет, здесь точно замешана "темная сторона силы", а может, Бог промахнулся. Это и берется расследовать монах. События развиваются медленно, но любители исторических фильмов оценят этот релиз по достоинству. Прекрасная игра актеров, продуманный сценарий, красивые пейзажи, архитектура, а главное — дух того времени...

Ангелика

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Крылья мысли. 4. "Голубой" поэт, которого С. Есенин возненавидел за попытку сделать его любовником. 7. Вид мелизма — мелодического украшения. 8. Великий киевский князь, чья шапка у всех на слуху. 10. "Мертвый друг" (А. Кантемир). 11. "Нервы государства" (Цицерон). 14. Головокружительный ветер. 16. Хлопоты, не дающие ногам покоя. 18. Мебель в анекдотах про любовника. 21. Геометрия лица. 22. Писатель, с которым И. Тургенев был в ссоре и говорил о нем: "Это русский маркиз де Сад", это "обратное общее мнение". 24. Взрывчатое вещество, обычное в детонаторах. 25. Стихокропатель. 26. Луговая птичка, часто сидящая вертикально на стебле травы. 27. Сценическое светило. 28. Знаменитый изобретатель, предложивший заменить виселицу электрическим стулом. 31. Особенность, названная Ж.Ж. Руссо душой речи. 34. Плоская кривая, график одной из тригонометрических функций. 35. У иезуитов она оправдывает любые

средства. 36. Комариный поцелуй. 38. "Чувство" атеистов и пессимистов. 42. "Состояние, в которое мы входим, выходя из себя" (В. Жемчужников). 43. Место, где красавица в полтора раза уже, чем по соседству. 44. Часть тела, которой улыбается друг человека. 47. "Лучшее украшение истинно глубокой мысли" (Вовенарг). 48. "Третий родитель ребенка" (Х. Берстон). 49. Стоногое животное, готовое подчиняться любой красноречивой голове. 50. Импортный аркан.

По вертикали. 1. Гладко было на бумаге, да забыли про... (поговорка). 2. Морда не для торговли калачами. 3. Путь пьяницы в плане. 4. Блюдо в советских столовых, про которое говорили: "Фрукты помыли". 5. Китайский "рубль". 6. Кровосос. 7. Литературный контрабандист во времени и мирах. 9. Ф. Вигель говорил о поэте П. Катенине, что он "круглолицый, полнощекый и румяный, как... на вербе". 11. Невмешательство в разборку других стран. 12. Итальянская киноактриса, от чьего таланта и красоты, по мнению журналистов, теряли сознание президенты и министры. 13. Теория познания. 15. Сосуд с грязью для оппонента. 17. Обычный предмет в руках апостола на иконах. 19. Художник-передвижник, чьи 68 полотен на библейские сюжеты, подписанные цитатами из Евангелий, не больше чем иллюстрации к Библии. 20. Неисчислимое множество. 22. Не привитое плодовое дерево. 23. Воспитанница героя в опере Б. Сметаны "Далибор". 28. Живущий на Таймыре народ, впервые на Руси письменно упомянутый как молгонзеи. 29. "Первая из всех утех" (Вольтер). 30. Горящая смола или сера как средство наказания грешников в аду. 32. Насмешливость, язвительность. 33. Праздничное провозглашение. 37. Плод, символ плодородия в Средней Азии. 39. Басенный слушатель упреков, не теряющий аппетита. 40. Порядок обрядовых действий. 41. Центр Астурии в Испании. 45. Меломан, чье ухо на соловья глухо и остро на петуха. 46. Портное сооружение для причаливания судов с двух сторон. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. ...Агата. 6.Схема. 10. Загон. 12. Резюме. 13. Пижама. 14. Гемма. 16. Фольфрам. 17. Сутолока. 20. Шестистишие. 23. Налив. 24. Триал. 25. Боливар. 26. Уклад. 28. Цахес. 29. Колокольчик. 34. Славутич. 36. Зиккурат. 37. Ярвет. 38. Фрегат. 39. Индеец. 40. Облик. 41. Жатва. 42. Айран.

По вертикали. 2. Газель. 3. Тимофеев. 4. Гарем. 5. Холмс. 7. Хризолит. 8. Мрамор. 9. Бровь. 11. Карат. 14. Гастрономия. 15. Аурихальцит. 18. Эскимос. 19. "Чайка". 20. Шишак. 21. Ермак. 22. Лафет. 27. Докучаев. 28. Цирконий. 30. Юсуфи. 31. Манера. 32. ...ордена. 33. Птица. 35. Чроба. 36. Зефир.

	1		2		3		4		5		6	7		8		9
10																
											11					
12																
														13		
14				15		16		17								
			18											19		
20		21						22		23		24				
25						26		27								
						28										
29					30				31					32		33
				34								35				
36									37		38					
				39												
40																
						41										
42																

ЭРУДИТ

По горизонтали. 6. Подушный налог, какой в мусульманских странах взимали с немусульман. 10. С. Городецкий раздраженно упрекал своего бывшего наставника и покровителя Вяч. Иванова: "О любом жиденке ты говоришь с большим пиететом за глаза, чем со мной в лицо" (подразумеваемый поэт). 11. Английский мыслитель родом из России, "гость из будущего" в "Поэме без героя" А. Ахматовой. 12. "Грешник, о котором говорится в Библии" (из ответов школьников, записанных М. Твенем). 13. Русский физик, способный наблюдать даже невидимые облака. 14. Писатель, которому приписывают изобретение слова "робот", придуманное его братом Йозефом. 17. Один из самых выразительных барабанов в Индии. 18. Французский писатель-"хриstopисец", восклицавший: "Родина для идеалистов там, где им разрешают мыслить!" 19. Лучшие люди страны — это ее золотой... 22. В средневековой поэзии он у рыцаря всегда выпуклый, крепкий, добрый, золо-

ченный, полосатый. 25. Оборонительное сооружение, бывшее обычным у мостов и в горных проходах. 27. Красноволосый человек в Японии (еще в XX веке). 28. Наполеон сказал Гёте в Эрфурте: "Политика — вот трагический... наших дней". 29. Любимое дерево Новалиса. 31. Уставная община у католиков. 34. Доброе мнение других о нас. 35. Первый русский посол в Англию в 1556 году. 36. Питерская река, в чьих водах отражается строительный соцреализм. 39. Литературная область, которую Л. Толстой называл скачками с препятствиями. 40. Меч, "протыкатель доспехов". 41. Австрийский философ, чьи три брата покончили с собой; и сам он не раз был в шаге от самоубийства. 42. Бизоний рай, уничтоженный вслед за животными.

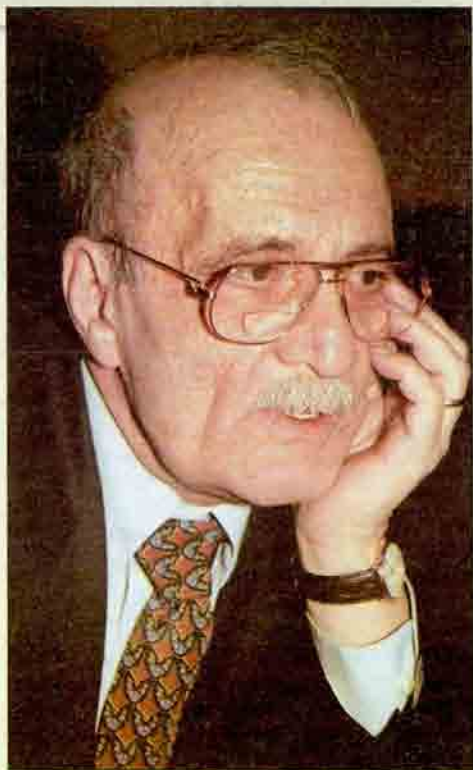
По вертикали. 1. Немецкий врач, основатель гомеопатии. 2. Добавочная кассета к фотоаппарату, позволяющая использовать нестандартные фотоматериалы. 3. Идти на чужие... (идти на иждивение). 4. Русская похлебка из гусиной или свиной крови и рассола из-под бураков. 5. "...свободой изобрели стадные" (В. Базылев). 7. Вещун мирянам из пустого идола (И. Крылов. "Оракул"). 8. Австрийский композитор-романтик и дирижер, автор балета "Рождественская сказка". 9. Экстрасенсорка, точно знающая, чего от нее ждет очередной идиот. 11. Гравер, позировавший Э. Мане для картины "За кружкой пива". 15. Сказочная мама Крошки Ру. 16. Представитель дагестанского народа, у которого до введения шариата женщины не уступали мужчинам в искусстве верховой езды. 20. Прибор для определения молекулярной массы растворенного вещества в кипящем растворе. 21. "Наука, научающая наших детей обходиться без нас" (Э. Легуве). 23. Начальный пункт "хождения Афанасия Никитина за три моря". 24. Творивший во Франции композитор, младенцем совсем в другой стране плакавший, слушающая музыку. 26. Убитый в Башкирии в самом начале творческого пути поэт С. Чекмарев по основной специальности. 30. "Училище нравов, зеркало страстей, суд заблуждений и игра разума" (И. Крылов). 32. Сова, в "мышинные" годы откладывающая до восьми яиц. 33. Огромное дерево, названное по знаменитому вождю ирокезов. 37. Подбивающая бабки графа в книгах учета. 38. Любимое развлечение папы Юлия II. 39. Национальная одежда рани.

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. Одиссея. 6. Жаксон. 10. Рене. 11. Охлопков. 13. Мышкин. 14. Ходьба. 15. Чокрак. 17. Плохиш. 21. Норма. 24. Глюк. 26. Спесивцева. 29. Замок. 31. Ревун. 33. Дортуар. 35. Факир. 38. Виньи. 41. Анемохория. 43. Срам. 44. Друид. 46. Тюрбан. 51. Талант. 52. Алобат. 54. Симеон. 55. Халцедон. 56. Гель. 57. Урсула. 58. Скандал.

По вертикали. 2. Делеклюз. 3. Сапсан. 4. Елох. 5. Белье. 6. Жемап. 7. Кашпо. 8. Ориби. 9. Корчага. 12. Вормс. 16. Комод. 18. Ливр. 19. Хлев. 20. Шуан. 22. Апатрид. 23. Устав. 25. Качим. 27. Цельс. 28. Вуц. 30. Колон. 32. Чан. 34. Ринит. 35. Факт. 36. Кедр. 37. Роза. 39. Ирландка. 40. Эмитент. 42. Ярнах. 45. Дайцин. 47. Юниор. 48. Биешу. 49. Нанга. 50. Вобла. 53. Танк.

Георгий Данелия

В шестидесятые годы Георгий Данелия — основоположник советской новой волны, в семидесятые — виртуозный мастер народной комедии, в восьмидесятые — постмодернист эпохи развитого социализма, в девяностые — хранитель мосфильмовской традиции, а ныне живая легенда российского кино, народный артист СССР, лауреат множества премий и победитель международных фестивалей. Кроме того, Георгий Николаевич — автор двух замечательных книг о том, как он снимал свои знаменитые фильмы. Книг интересных, искренних, озорных, веселых и грустных одновременно... Великий — не побоимся этого слова — режиссер согласился ответить на несколько вопросов нашего корреспондента о своем литературном творчестве.

— Георгий Николаевич, на ваших зрителей и читателей неизгладимое впечатление произвела ваша первая книга "Безбилетный пассажир", которая выходила в издательстве "ЭКСМО" в серии "Триумф" и теперь переиздается одновременно с выходом вашей новой книги. "Тостуемый пьет до дна" — о чем эта книга?

— Она такая же, как и предыдущая, но если вы спросите, о чем первая, я не скажу. Скажу только, что в предисловии ко второй книге мне удалось пересказать суть того, что написано на 413 страницах первой, в пяти строчках. И если когда-нибудь начну писать третью, то, может быть, пойму, что и вторую надо было бы написать так же коротко. Но пока этому я еще не научился, и поэтому вторая книга у меня получилась такая же толстая, как и первая.

— Какой период вашей творческой биографии охватывает "Тостуемый..."?

— Я спросил у своего друга Александра Адабашьяна, на чем мне заканчивать вторую книгу? Он ответил — на том, как бросили пить. После этого жизнь стано-

ТОСТУЕМЫЙ ПЬЕТ ДО ДНА

В названии этой книги Георгий Данелия вынес любимейшее слово фразу из «Семнадцати реформ». Визуальный флюид и дух — как «Маминские», «Афонин», «Сосис» продолжается в других фильмах Г. Данелия давно уже живет по клятве. Так же как и американские историки, «бойки индородности», рассказанные на языке «Библейских посланий». Но, что не важно, с не прерываемо идущей обложкой автором новой книги. И вот она первая книга. Также же история — «Семнадцать реформ» — «Двадцать лет про кино» — и не связан про кино. А просто про нашу жизнь.

ТОСТУЕМЫЙ
ПЬЕТ ДО ДНА

ГЕОРГИЙ
ДАНЕЛИЯ

ГЕОРГИЙ
ДАНЕЛИЯ

ТОСТУЕМЫЙ ПЬЕТ
ДО ДНА

вится другая, иная и не такая интересная. Поскольку я бросил пить на картине "Кин-дза-дза", то вторую серию я на этом и окончил. Осталось еще пять, и об этом мы расскажем в другой серии, если до нее когда-нибудь дойдут руки.

— Крамольный вопрос: что вам больше нравится, снимать фильмы или писать книги?

— Для меня это одинаково трудно. Оказалось, что, когда пишу книжку, я так же все время нервничаю, все время что-то переделываю, так же по ночам просыпаюсь, что-то записываю. Удовольствие, конечно, доставляет и то, и другое, но удовольствие — это уже потом, когда хвалят. И книжка — это такая вещь долгоиграющая, за нее хвалят дольше. Вот первая книжка вышла три года назад, а меня до сих пор встречают: "Вот, вот прочитал твою книжку..." А фильм покажешь в Доме кино, тебе пожмут руку, скажут понравилось или не понравилось — и все.

— Почему для издания книги вы выбрали издательство "ЭКСМО"?

— Зоя Богуславская уговорила. В "ЭКСМО" Зоя Богуславская курировала проект — серию "Триумф". Ну и мне как лауреату премии неудобно было отказать. А теперь очень доволен, потому что книжки мне очень нравятся.

